

А 02
М. 92
604
-1

с.л.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦІИ.

1861.

ЯНВАРЬ.

I. Часть официальная.

	Стр.
Отдѣль I. Высочайшія повелѣнія.	5.
I. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ продолженіе поября 1860 года.	
II. Высочайшее повелѣніе, предложенное Сенату.	
Отдѣль II. Личный составъ.	7.
Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.	

II. Часть неофициальная.

Отдѣль I. Общая теорія гражданскихъ обязательствъ по русскому праву (<i>изъ лекцій Д. И. Мейера</i>).	
изд. А. Вицынъ.	3.
Замѣтки по поводу нѣкоторыхъ статей т. XV угол. судопроизводства.	38.
Сравнительный взглядъ на англійскій и французскій уголовные процессы. <i>Θ. Корзона.</i>	53.
Отдѣль II. Судебная практика.	
A. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.	
Изложеніе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ коихъ разрѣшаемы были вопросы:	
I. О случаяхъ пересмотра судебныхъ рѣшеній вслѣдствіе новыхъ не бывшихъ въ виду суда документовъ.	83.
II. О подсудности споровъ объ учрежденіи третейскаго суда для разбора дѣлъ между страховыми обществами и страхователями.	91.
III. О силѣ завѣщаній, подписанныхъ за завѣщателя родственнымъ наслѣдникомъ по завѣщанію, коль скоро сей наслѣдникъ имѣетъ отчасти и право на полученіе наслѣдства по закону.	93.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

1861.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VII.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

604 / 1 стр. отъ.

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

СЛБГ

и
з
д
а
н
н
о

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 18 января 1861 г.

Ценсоръ Обертъ.

ВЪ ПЕЧАТНІИ

ВЪ ПЕЧАТНІИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАГО СЛОВА

1.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ

SECRET

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

I. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПО СУДЕБНОЙ ЧАСТИ, ОБНАРОДОВАННЫЯ
ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ НОЯБРЯ МѢСЯЦА 1860 ГОДА.

1) *О порядкѣ производства уголовныхъ дѣлъ о персидскихъ подданныхъ.*

24-го октября 1860-го года Высочайше утверждено и 24-го ноября обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ постановлено: примѣчаніе 5-е къ статьѣ 573-ей законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ (св. зак. изд. 1857 г. т. XV ч. 2 по прод. III № 1) изложить такъ: судебныя мѣста, по полученіи отъ миссіи нашей въ Тегеранѣ или отъ одного изъ подвѣдомственныхъ ей консульствъ отзыва, что повѣрка показаній подсудимыхъ персидскихъ подданныхъ, или доставленіе другихъ нужныхъ къ дѣлу свѣдѣній, со стороны персидскихъ властей малонадежна, постановляютъ немедленно заключенія о степени важности тре-

буемыхъ свѣдѣній для разрѣшенія дѣла; въ случаѣ особой важности, судебнымъ мѣстамъ предоставляется право возобновить требованія и засимъ ожидать отвѣта въ теченіи шести мѣсяцевъ, а по истеченіи сего срока, приступить къ рѣшенію дѣла по имѣющимся свѣдѣніямъ. О лицахъ же, избѣгнувшихъ наказанія по неполученію нужныхъ къ разрѣшенію дѣла свѣдѣній и оставленныхъ въ подозрѣніи по какому бы то ни было преступленію, судебныя мѣста должны представлять, чрезъ кого слѣдуетъ, на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ—намѣстнику кавказскому, а въ прочихъ губерніяхъ—министру внутреннихъ дѣлъ, которые и подвергають сѣмъ лицамъ, въ административномъ порядкѣ, высылкѣ изъ одного города или селенія въ другіе, строгому полицейскому надзору, или высылкѣ въ Персію, съ воспрещеніемъ обратнаго пріѣзда въ имперію.

2) 30-го ноября 1860-го г. обнародовано во всеобщее свѣдѣніе объ изданіи № 3 четвертаго продолженія къ своду законовъ изд. 1857-го года.

II. ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ ПРЕДЛОЖЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

9-го сентября 1860-го года предложено Правительствующему Сенату высочайшее утвержденное положеніе комитета гг. министровъ, конемъ заключено было: председателю и членамъ Полтавскаго губернскаго присутствія, за нарушеніе установленнаго закономъ порядка при освидѣтельствованіи въ умственныхъ способностяхъ поручика Погорѣлова, сдѣлать строгій выговоръ со внесеніемъ онаго въ послужные нхъ списки и съ опубликованіемъ о томъ въ вѣдомостяхъ (*).

(*) Ж. М. Ю. 1860 г. № 10.

Имѣ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, государь императоръ всемплостивѣйше повелѣть соизволилъ на приведеніе въ исполненіе заключенія Правительствующаго Сената о сдѣланіи Полтавскому губернскому присутствію выговора безъ внесенія въ послужные списки и безъ опубликованія.

Такое Высочайшее повелѣніе предложено Правительствующему Сенату къ исполненію 24-го ноября 1860-го года.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

Главнѣйшія переменны въ личномъ составѣ по вѣдомству министерства юстиціи.

(Высоч. прик. отъ 10-го и 21-го ноября за № № 18 и 19 и прик. по М-ву Юстиціи отъ 19-го ноября за № 34).

1) ПО ДЕПАРТАМЕНТУ МИНИСТЕРСТВА:

Редактору отдѣленія, коллежскому ассесору *Лаврову*, объявлена за примѣрную его службу благодарность начальства.

2) ПО 2-МУ ДЕПАРТАМЕНТУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО

СЕНАТА:

Назначенъ: Исправлявшій должность астраханскаго гу-

бернскаго прокурора, надворный совѣтникъ *Фришъ*—оберъ-секретаремъ.

3) по 1-му отдѣленію 3-го департамента:

Назначены: Исправлявшій должность секретаря ликвидационной экспедиціи, коллежскій секретарь *Неклюдовъ*—секретаремъ временной экспедиціи.

Старшій помощникъ секретаря, коллежскій секретарь *Шклярскій*—секретаремъ ликвидационной экспедиціи.

Утверждены въ должности: секретаря временной экспедиціи, титулярный совѣтникъ *Елматьевскій*.

4) по 4-му департаменту:

Переведены: оберъ-секретарь 2-го департамента, коллежскій ассесоръ *Самарскій-Бышовецъ*—оберъ-секретаремъ.

5) по 1-му отдѣленію 5-го департамента:

Назначены: старшіе помощники секретарей, *Ростиславовъ* и *Евреиновъ*—секретарями.

Уволенъ отъ должности, по болѣзни: секретарь, надворный совѣтникъ *Баумеръ*—съ причисленіемъ къ канцеляріи отдѣленія.

6) ПО ГУБЕРНСКИМЪ УЧРЕЖДЕНИЯМЪ:

Утверждены по выборамъ: статскіе совѣтники: оберъ-секретарь 2-го департамента правительствующаго сената *Зубаревъ* и исправляющій должность старшаго юрисконсульта консултации, при министерствѣ юстиціи учрежденной, *Талквистъ*—предсѣдателями с.-петербургской палаты гражданскаго суда: *Зубаревъ* 1-го, а *Талквистъ* 2-го департаментовъ.

Предсѣдатель владимірской палаты уголовного суда, надворный совѣтникъ *Кишкинъ*—въ той же должности.

Отставной коллежскій ассесоръ *Николаевъ*—предсѣдателемъ владимірской палаты гражданскаго суда.

Совѣтникъ бессарабскаго областного правленія, надворный совѣтникъ *Гризовъ* и поручикъ *Нльчай*—предсѣдателями: первый—бессарабскаго коммерческаго суда, а послѣдній—полтавской палаты уголовного суда.

Коллежскіе совѣтники: въ званіи камеръ-юнкера двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА князь *Голицынъ* и *Шеншинъ*, полковникъ *Боярскій*, маіоръ *Карякинъ*, капитанъ-лейтенантъ *Нейловъ*, титулярные совѣтники: *Чарнышъ* и баронъ *Корфъ*—совѣстными судьями: князь *Голицынъ*—с.-петербургскимъ, *Шеншинъ*—курскимъ, *Боярскій*—харьковскимъ, *Карякинъ*—владимірскимъ, *Нейловъ*—вологодскимъ, *Чарнышъ*—полтавскимъ и баронъ *Корфъ*—екатеринославскимъ.

Предсѣдатель одесскаго коммерческаго суда, статскій совѣтникъ *Митьковъ*—въ той же должности еще на четырехлѣтіе съ 1860-го года.

Отставной коллежскій совѣтникъ *Олешевъ*—предсѣдателемъ вологодской уголовной палаты.

Назначены: исправляющий должность члена совѣта главнаго управления западной сибери, управляющий IV отдѣленіемъ сего главнаго управления, статскій совѣтникъ *Спасскій*—членомъ означеннаго совѣта отъ министерства юстиціи.

Въ курляндскій оберъ-гофгерихтъ: канцлеръ баронъ *фонъ-Медемъ*—ландгофмейстеромъ, оберъ-бурхграфъ баронъ *фонъ-деръ-Ховенъ*—канцлеромъ, первый младшій совѣтникъ *фонъ-Коскуль*—оберъ-бурхграфомъ, второй младшій совѣтникъ баронъ *фонъ-Фитингофъ-Шель*—ландмаршаломъ.

Экзекуторъ и казначей департамента герольдіи Правительствующаго Сената, коллежскій ассесоръ *Пузановъ* и нижегородскій губернский казенныхъ дѣлъ стряпчій, титулярный совѣтникъ *Готманъ*—товарищами предсѣдателей палатъ: Готманъ—казанской гражданскаго суда, а Пузановъ—курской уголовного суда.

Товарищъ предсѣдателя орловской палаты гражданскаго суда, коллежскій ассесоръ *Поляскій*—совѣтникомъ полтавской палаты гражданскаго суда.

Утверждены въ должности: прокурора забайкальской области, коллежскій ассесоръ *Ефимовъ*.

Уволены отъ службы, по прошеніямъ: совѣстные судьи: екатеринославскій, коллежскій ассесоръ *Савельевъ*, харьковскій, титулярный совѣтникъ *Савичъ*, и псковскій, губернский секретарь *Горожанскій*.

Утверждены въ должности: томскаго губернскаго землемѣра, коллежскій ассесоръ *Померанцевъ*.

II.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

С 1607

ОТДѢЛЪ I.

ОБЩАЯ ТЕОРІЯ

ГРАЖДАНСКИХЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЪ

ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Изъ лекцій Д. И. Мейера.)

Обязательствомъ (obligatio) называется юридическое отношение, въ которомъ одному лицу принадлежит право на дѣйствіе другого лица. Юридическое отношение это называется также **правомъ требованія** или **требованіемъ** (das Recht der Forderung, Forderung), на томъ основаніи, что лицо, которому принадлежит право на дѣйствіе другого лица, въ правѣ подчинить это дѣйствіе своему господству, т. е. въ правѣ требовать, чтобы дѣйствіе было совершено. Но вѣроятно отъ того, что сила этого права зависитъ отъ исполненія обязательства, и у насъ, и у другихъ народовъ юридическое отношение, изъ котораго вытекаетъ право на чужое дѣйствіе, называется преимущественно **обязательствомъ**, и только въ немецкой терминологіи для обозначенія его преимущественно

употребляется выражение «das Recht der Forderung» (или Forderung) (*).

ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩІЯ ВЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХЪ.

Лица, участвующія въ обязательствѣ, называются *сторонами*: сторона, которой принадлежитъ право на дѣйствіе другаго лица, называется *кредиторомъ, вѣрителемъ* (creditor, *geus credendi*), сторона, обязанная дѣйствіемъ, — *должникомъ, лицомъ обязаннымъ* (debitor, *geus debendi*) (**). Уже изъ самаго опредѣленія обязательства, какъ юридическаго отношенія, видно, что въ немъ участвуютъ всегда по крайней мѣрѣ два лица, вѣритель и должникъ. Но въ обязательствѣ нерѣдко участвуютъ и нѣсколько лицъ, болѣе двухъ: въ одномъ и томъ же обязательствѣ бываетъ нѣсколько вѣрителей и одинъ должникъ, или нѣсколько должниковъ и одинъ вѣритель, или нѣсколько должниковъ и нѣсколько вѣрителей. Притомъ, между вѣрителями и должниками бываетъ извѣстное различіе: одни вѣрители первой степени, другіе второй; должникъ нерѣдко бываетъ въ то же время вѣрителемъ и вѣритель въ то же время бываетъ должникомъ. Сообразно этому, обязательства допускаютъ различныя подраздѣленія. Такъ, они представляются: 1, *односторонними* и *взаимными*. Одностороннія обязательства—тѣ, въ которыхъ право на чужое дѣйствіе принадлежитъ только одной сторонѣ, а другая является

(*) Намъ кажется однако, что лучше называть это юридическое отношеніе именно *правомъ требованія* или употреблять выраженіе: «право на чужое дѣйствіе», такъ какъ всѣ юридическія отношенія сводятся къ правамъ и все гражданское право составляетъ ученіе о правахъ и соответствующихъ правамъ обязательствахъ, тогда какъ если употреблять выраженіе «*обязательство*», то самое право становится какъ бы на второмъ планѣ.

(**) Собственно говоря, названія: *вѣритель, кредиторъ, должникъ* у насъ относятся только къ лицамъ, участвующимъ въ опредѣленныхъ видахъ обязательствъ, преимущественно къ лицамъ, участвующимъ въ займѣ; но иногда обобщаются эти названія, и мы воспользуемся этимъ обобщеніемъ, такъ какъ для научнаго изложенія права очень удобно располагать названіями общими.

обязанною соверше́ніемъ дѣйствія, такъ что одна сторона представляется только вѣрителемъ, а другая только должникомъ. Взаимныя обязательства—тѣ, въ которыхъ каждая изъ участвующихъ сторонъ обязывается въ пользу другой соверше́ніемъ какого-либо дѣйствія, такъ что каждая сторона представляется въ одно и то же время, только по отноше́нію къ другому дѣйствию, и вѣрителемъ и должникомъ. Но при опредѣленіи, къ которому изъ двухъ видовъ принадлежитъ данное обязательство, должно поступать съ осмотрительностію, чтобы не принять совокупность обязательствъ за одно взаимное обязательство: только въ такомъ случаѣ обязательство должно считатьъ взаимнымъ, когда право должника на дѣйствіе вѣрителя находится въ неразрывной связи съ тѣмъ дѣйствіемъ, которымъ обязанъ должникъ въ пользу вѣрителя. Напримѣръ, А имѣетъ право требовать отъ В извѣстную сумму денегъ по займу, но въ то же время В имѣетъ право требовать извѣстную сумму денегъ отъ А, какъ наслѣдника С: и та и другая сторона представляется и субъектомъ права на чужое дѣйствіе, и обязанною стороною, но здѣсь два одностороннія обязательства, а не одно взаимное, потому что право В, лица обязаннаго по займу, на полученіе денегъ отъ А, какъ наслѣдника С, не находится ни въ какой связи съ его обязательствомъ въ отноше́ніи къ А, и наоборотъ. Но, напримѣръ, заключена купля-продажа: А приобрѣтаетъ право на доставленіе ему отъ В проданной вещи, а В приобрѣтаетъ право на полученіе отъ А денегъ за вещь: здѣсь обязательство взаимное. Но съ другой стороны бываетъ и такъ, что обязательство, по существу своему взаимное, по видимому представляется одностороннимъ: именно это бываетъ тогда, когда одна сторона уже выполнила свое обязательство и за нею остается только право, тогда какъ другая сторона осуществила принадлежащее ей право, но еще не выполнила своего обязательства. Напримѣръ, заключенъ договоръ займа: по займу должникъ приобрѣтаетъ право требовать, чтобъ займодавецъ выдалъ ему ту сумму денегъ, которую онъ занялъ, а займодавецъ въ правѣ требовать, чтобъ должникъ заплатилъ ему въ срокъ занятую сумму. Но въ дѣйствительности боль-

шею частію бываетъ такъ, что заимодавецъ еще до передачи ему акта заемнаго обязательства выдаетъ деньги должнику по атому и актъ займа (*заемное письмо*) представляетъ намъ обязательство, въ которомъ только заимодавецъ имѣетъ право требовать отъ должника совершенія дѣйствія, платежа занятой суммы, должникъ же не является съ правомъ требовать отъ заимодавца выдачи занятой суммы, а только съ обязательствомъ заплатить эту сумму въ срокъ заимодавцу¹⁾. Практическое значеніе дѣленія обязательствъ на одностороннія и взаимныя заключается въ томъ, что въ обязательствахъ одностороннихъ право вѣрителя не обусловливается какимъ-либо его обязательствомъ; не составляетъ вознагражденія за какое-либо дѣйствіе въ пользу должника, тогда какъ въ обязательствахъ взаимныхъ право одной стороны составляетъ обыкновенно эквивалентъ ея дѣйствія въ пользу другой. Одностороннія обязательства можно назвать по этому *безмездными*, а взаимныя *возмездными*. Обязательства безмездныя въ некоторыхъ случаяхъ подлежатъ удовлетворенію только по удовлетвореніи обязательствъ возмездныхъ, въ иныхъ же случаяхъ вовсе не признаются дѣйствительными²⁾, и вотъ еще другое практическое различіе между обязательствами односторонними и взаимными. — 2. Обязательства представляются *главными* (*obligationes principales*) и *принадлежностными* (*oblig. accessoriae*) или *побочными*. Главное обязательство — то, которое существуетъ само по себѣ, принадлежностное же составляетъ только дополненіе къ главному, такъ что предполагаетъ существованіе главнаго обязательства и съ прекращеніемъ его прекращается само собою. Напримѣръ, *заемъ* — обязательство главное, а *поручительство*, обеспечивающее заемъ — обязательство принадлежностное: оно предполагаетъ существованіе займа, какъ главнаго обязательства, и какъ скоро по тому или другому основанію заемъ прекратится, прекратится съ тѣмъ вмѣстѣ и поручительство, тогда какъ заемъ можетъ существовать самъ по себѣ, безъ поручительства, хотя въ от-

1) Св. зак. гр. (изд. 1857 г.) прил. къ ст. 2034, 2036.

2) Св. зак. о суд. и вз. гр. ст. 1013; уст. о торг. несост. ст. 1960, 1961.

дѣльномъ случаѣ безъ поручительства, быть можетъ, не составилъ бы и заемъ, безъ побочнаго обязательства не составилось бы и главное. Въ проявленіи своемъ принадлежностное обязательство обыкновенно сливается съ главнымъ, но нередко является и отдѣльно: тѣмъ не менѣе и въ последнемъ случаѣ значеніе его, какъ обязательства принадлежностнаго, остается неизмѣнно. Такъ, если заемъ обезпечивается поручительствомъ, то обыкновенно договоръ о поручительствѣ вносится въ актъ заемнаго обязательства. Но точно также о поручительствѣ можетъ быть составленъ, и дѣйствительно составляется иногда, особый актъ¹⁾: тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ поручительство, сообразно своему существу, представляется только обязательствомъ принадлежностнымъ, дополнительнымъ къ договору займа, обезпечиваемаго поручительствомъ.

3. Обязательства представляются съ двумя, или съ многими участниками, такъ что на одной сторонѣ, на сторонѣ вѣрителя, или на сторонѣ должника, или на той и другой вмѣстѣ, является нѣсколько участниковъ обязательства. Не во всѣхъ случаяхъ однако, когда представляется нѣсколько лицъ на той или другой сторонѣ обязательства, дѣйствительно нѣсколько участниковъ, а очень часто только повидимому представляется нѣсколько участниковъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оказывается по одному участнику, какъ на сторонѣ вѣрителя, такъ и на сторонѣ должника. Это видимое, наружное только явленіе на одной сторонѣ обязательства нѣсколькихъ участниковъ, всего чаще происходитъ отъ того, что иногда совокупность обязательствъ представляется обязательствомъ единымъ, и въ пнхъ случаяхъ даже очень затруднительно бываетъ опредѣлить, дѣйствительно ли данное обязательство едино, или въ немъ представляется совокупность обязательствъ (*). Напримѣръ, нѣсколь-

1) Св. зак. гр. ст. 1362.

(*) Мы сказали, что видимое участіе на которой либо сторонѣ обязательства нѣсколькихъ участниковъ представляется *всего чаще* отъ того, что иногда бываетъ поводъ совокупность обязательствъ принять за одно обязательство, потому что это не единственная причина: напримѣръ, кажущееся участіе въ обязательствахъ нѣсколькихъ лицъ въ качествѣ должниковъ, или

ко лицъ, А, В, С, вступаютъ въ договоръ съ D, по которому обязываются доставить ему извѣстное количество пшеницы; извѣстное, определенное количество обязывается доставить А, извѣстное В и извѣстное С, но всѣ они, соединившись вмѣстѣ, заключаютъ договоръ съ D: тѣмъ не менѣ здѣсь представляется совокупность обязательствъ, а не одно, здѣсь столько же договоровъ, сколько отдѣльныхъ обязанныхъ лицъ, и только отъ совокупнаго заключенія отдѣльныхъ договоровъ дѣло принимаетъ такой видъ, какъ будто въ данномъ случаѣ одно обязательство (*). Или иногда кажущееся единство нѣсколькихъ отдѣльныхъ обязательствъ вызывается единствомъ ихъ основанія. Напр., нѣсколько лицъ наносятъ обиду одному лицу какимъ-либо общимъ актомъ,—положимъ, подписываютъ пасквиль, заключающую въ себѣ обиду: пасквиль для каждаго обидчика рождаетъ отдѣльное обязательство удовлетворить лицо обиженное ¹⁾, но эти отдѣльныя обязательства какъ бы сливаются, представляются однимъ обязательствомъ именно потому, что основаніе ихъ происхожденія одно. Но бываютъ и такія обязательства, въ которыхъ участвуютъ нѣсколько лицъ въ качествѣ вѣрителей, или должниковъ не по соразмѣрности, а сполна (*in solidum*), такъ что каждый изъ соучастниковъ въ правѣ требовать исполненія обязательства сполна, или отъ каждаго можно требовать совершенія дѣйствія сполна, но осуществленіе права, или исполненіе обязанности со стороны одного соучастника разрѣшаетъ обязательство, и другіе соучастники уже не въ правѣ требовать совершенія дѣйствія, или освобождаются отъ обязанности его совершенія. Но и такія обязательства не всегда представляются едиными, а нерѣдко со-

въ качествѣ вѣрителей, представляется въ томъ случаѣ, когда заключаетъ обязательство юридическое лицо-совокупность физическихъ лицъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ участникомъ обязательства, должникомъ или вѣрителемъ, является только одно лицо—это само юридическое лицо, потому что отдѣльныя физическія лица, представляющіяся повидимому участниками обязательства, только въ совокупности держатели юридическаго лица.

(*) Такія обязательства по соразмѣрности технически называются *обязательствами pro rata*.

1) Св. зак. гр. ст. 667; улож. о наказ. угол. и испр. ст. 2098.

вокупностію нѣсколькихъ отдѣльныхъ обязательствъ, которыя технически называются *солидарными* (oblig. in solidum). Напр., два лица совокупно заключаютъ договоръ съ третьимъ лицомъ, по которому обязываются, каждый въ известной долѣ, доставить ему товаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ должниковъ обязывается предъ вѣрителемъ, полною отвѣтственностію, такъ что вѣритель по своему усмотрѣнію въ правѣ обратиться за удовлетвореніемъ къ тому или другому изъ обязанныхъ лицъ и требовать отъ него удовлетворенія сполна, но, съ доставленіемъ удовлетворенія, обязательство уже считается исполненнымъ и прекращается для обѣихъ сторонъ. Однако и такія солидарныя обязательства, какъ сказано, не представляются едиными, а совокупностію отдѣльныхъ обязательствъ, такъ что слѣдовательно и по отношенію къ солидарнымъ обязательствамъ собственно нельзя говорить объ участіи въ обязательствѣ нѣсколькихъ лицъ въ качествѣ кредиторовъ или должниковъ именно потому, что обязательство каждаго участника отдѣльное, самостоятельное (*). Но бываютъ и единыя обязательства, въ которыхъ каждый изъ многихъ вѣрителей въ правѣ требовать отъ должника удовлетворенія сполна, или отъ каждаго изъ многихъ должниковъ можно потребовать полного удовлетворенія, но такъ что прочіе вѣрители уже не въ правѣ требовать удовлетворенія, какъ скоро оно произведено одному изъ нихъ, или прочіе должники уже освобождаются отъ обязательства, какъ скоро оно исполнено однимъ изъ нихъ. Такія единыя обязательства, существующія сполна для каждаго соучастника на сторонѣ, имѣющей право, или обязанной по обязательству, называются технически *корреальными* (oblig. corre-

(*) Право требовать удовлетворенія сполна подлежитъ иногда известному ограниченію: напр., иногда опредѣляется порядокъ, въ которомъ обязанныя лица слѣдуютъ одно за другимъ, такъ что сначала требованіе должно быть обращено къ одному лицу и затѣмъ уже, въ случаѣ неуспѣшности требованія, оно можетъ быть обращено къ другому лицу; или напр., ограниченіе бываетъ таково, что вѣритель въ правѣ обратиться къ любому изъ обязанныхъ лицъ, но, обратившись къ одному, онъ не въ правѣ потомъ, въ случаѣ безуспѣшности требованія, обращаться къ лицамъ, слѣдующимъ за нимъ. Но эти ограниченія не измѣняютъ существа солидарнаго обязательства (св. зак. гр. ст. 1538; 1560; уст. о векс. ст. 621).

ales), каждый изъ совѣрителей называется *corgeus credendi*, каждый изъ содолжниковъ *corgeus debendi* (*). Въ корреальныхъ обязательствахъ дѣйствительно представляется нѣсколько участниковъ на той или другой сторонѣ обязательства, и они только собственно представляются обязательствами съ многими участниками, тогда какъ всѣ другія обязательства представляются обязательствами съ двумя только участниками, хотя иногда, составляя совокупность нѣсколькихъ отдѣльныхъ обязательствъ, и кажутся болѣе чѣмъ съ двумя участниками ¹⁾. Только должно сознаться, что не всегда легко опредѣлить, къ какому роду должно отнести данное обязательство, считать ли его совокупностию нѣсколькихъ отдѣльныхъ обязательствъ съ двумя участниками, или считать его обязательствомъ единымъ со многими участниками. Въ особенности нерѣдко трудно опредѣлить, солидарное ли данное обязательство, или корреальное. Правда, юридическое значеніе этихъ обязательствъ во многихъ отношеніяхъ одинаково, но есть между ними и различіе. Оно заключается въ томъ, что корреальное обязательство, будучи единымъ, разрушается въ лицѣ каждаго соучастника, тогда какъ солидарное, представляя совокупность обязательствъ, не прекращаетъ своего существованія, хотя бы одинъ изъ участниковъ и выбылъ изъ обязательства: понятно, что различіе это въ практическомъ отношеніи въ высшей степени важно. Есть однако законныя основанія, по которымъ въ отдѣльномъ случаѣ и корреальное обязательство сохраняетъ силу, хотя бы одинъ изъ соучастниковъ и выбылъ изъ него; и наоборотъ, солидарное обязательство иногда прекращается въ лицѣ отдѣльнаго участника. И такимъ образомъ, затрудненіе различать корреальные обязательства отъ солидарныхъ еще болѣе увеличивается. Но тѣмъ не менѣе должно сказать, что когда кор-

(*) И въ корреальныхъ обязательствахъ могутъ быть такіе же ограниченія относительно права требовать удовлетворенія отъ каждаго содолжника, какія возможны въ солидарныхъ обязательствахъ.

1) *Puchta*, Lehrb. d. Pandekten (Leipzig 1838), § 209—211.

реальное обязательство представляется съ внѣшнимъ признакомъ солидарнаго, или, на оборотъ, солидарное обязательство является съ внѣшнимъ признакомъ корреальнаго, то этотъ признакъ не находится въ связи съ существомъ обязательства. Такъ, если корреальное обязательство прекращается въ лицѣ одного соучастника, но не прекращается совершенно, какъ бы слѣдовало, то это значить, что только повидимому прекращается корреальное обязательство въ лицѣ отдѣльнаго соучастника, собственно же это значить лишь, что наступаетъ такое обстоятельство, при которомъ отдѣльный соучастникъ устраняется отъ обязательства, но обязательство не прекращается: оно какъ будто снимается съ отдѣльнаго соучастника, но продолжаетъ существовать для другихъ. Напримѣръ, истекаетъ срокъ поручительства и поручитель освобождается отъ отвѣтственности. Точно также, если самое обязательство солидарное прекращается въ лицѣ отдѣльнаго участника, то это значить собственно, что оно прекращается въ лицѣ каждаго участника, тогда какъ если бы оно дѣйствительно прекратилось только въ лицѣ одного участника, оно продолжало бы существовать. Напримѣръ, пропущенъ срокъ предъявленія векселя ко взысканію: вексельное обязательство прекращается въ лицѣ каждаго подписателя, равно какъ и въ лицѣ векселедателя, хотя бы только и одинъ изъ нихъ отклонилъ отъ себя отвѣтственность по просроченному векселю. И такъ, обязательства дѣйствительно со многими участниками, болѣе чѣмъ съ двумя, — только обязательства корреальные. Они происходятъ различно. Всего чаще корреальное обязательство рождается изъ договора: нѣсколько лицъ договариваются такимъ образомъ, что выходитъ одно обязательство, которое прекращается въ лицѣ каждаго соучастника. Напримѣръ, нѣсколько вѣрителей и одинъ должникъ договариваются такимъ образомъ, что каждый вѣритель въ правѣ требовать удовлетворенія сполна, но удовлетвореніе одного вѣрителя прекращаетъ обязательство. Или, наоборотъ, одинъ вѣритель и нѣсколько должниковъ договариваются такъ, что вѣритель въ правѣ обратиться за полнымъ удовлетвореніемъ къ каждому изъ нихъ, но, по доставленіи ему удовлетворенія, прочіе

должники уже освобождаются отъ обязательства. Такъ, во многихъ случаяхъ договоръ займа, обеспеченный поручительствомъ, представляетъ корреальное обязательство, въ которомъ на одной сторонѣ заимодавецъ, на другой должникъ и поручитель: получить вѣритель удовлетвореніе отъ должника, поручитель освобождается отъ отвѣтственности; получить вѣритель удовлетвореніе отъ поручителя, самъ должникъ освобождается отъ обязательства. Что допускается извѣстная послѣдовательность въ требованіи удовлетворенія отъ должника и поручителя, — это нисколько не касается существа корреального обязательства. Или корреальное обязательство возникаетъ на основаніи односторонняго распоряженія какого-либо лица, напримѣръ, по волѣ завѣщателя, такъ что духовное завѣщаніе служитъ источникомъ корреального обязательства. Напримѣръ, завѣщатель дѣлаетъ *отказъ* стороннему лицу, предоставляя ему требовать его отъ любого изъ сонаслѣдниковъ: для каждаго изъ нихъ возникаетъ корреальное обязательство въ отношеніи въ легатарію. Или, наоборотъ, завѣщатель объявляетъ своего наслѣдника какимъ-либо дѣйствіемъ въ пользу нѣсколькихъ лицъ, такъ что каждое изъ нихъ въ правѣ требовать полного удовлетворенія: и здѣсь рождается корреальное обязательство. Наконецъ, въ иныхъ случаяхъ корреальное обязательство устанавливается по опредѣленію закона: такіе случаи представляются, именно, при участіи въ обязательствѣ нѣсколькихъ лицъ, когда мѣра участія каждаго отдѣльнаго лица не опредѣлена и когда въ то же время обязательство не можетъ быть признано солидарнымъ (1). Но если въ обязательствѣ корреальномъ, равно какъ и въ обязательствѣ солидарномъ, одинъ изъ совѣрителей въ правѣ требовать полного удовлетворенія, или можетъ быть потребовано полное удовлетвореніе отъ одного изъ содолжниковъ, то возникаетъ вопросъ, какія же отношенія другихъ совѣрителей къ вѣрителю, получившему удовлетвореніе сполна, какія отношенія должника, произведшаго удовлетвореніе сполна, къ другимъ содолжникамъ, освобожденнымъ отъ обязательства его удовлетвореніемъ? По различію существа обязательства

1) Св. зак. гр. ст. 648, 650.

солидарнаго и обязательства корреальнаго, рѣшеніе этого вопроса представляется различнымъ. Обязательство солидарное представляется совокупностію обязательствъ, и поэтому, если одинъ совѣритель получить удовлетвореніе сполна и тѣмъ устранить отъ удовлетворенія другихъ вѣрителей, то, разумѣется, является предъ ними отвѣтственнымъ лицомъ, и, равнымъ образомъ, должники, освобожденные отъ обязательства дѣйствіемъ одного содолжника, являются предъ нимъ отвѣтственными лицами. Слѣдовательно, при обязательствѣ солидарномъ другіе совѣрители въ правѣ обратиться къ вѣрителю, получившему удовлетвореніе сполна, и требовать себѣ отъ него удовлетворенія по соразмѣрности, или инаго удовлетворенія, смотря по отношенію, между ними существующему; равнымъ образомъ, должникъ, удовлетворившій по обязательству, въ правѣ требовать за то отъ другихъ содолжниковъ соразмѣрнаго, или инаго вознагражденія себѣ. Но обязательство корреальное едино и, по прекращеніи его для одного вѣрителя, или одного должника, оно прекращается и для всѣхъ другихъ совѣрителей, или содолжниковъ: поэтому, вовсе несущественно, чтобы совѣрители могли обратиться за удовлетвореніемъ къ тому изъ нихъ, кто получилъ его отъ должника; вовсе несущественно, чтобы должникъ, удовлетворившій по обязательству сполна, могъ обратиться за вознагражденіемъ къ содолжникамъ. Слѣдовательно, если совѣрители по корреальному обязательству въ правѣ требовать дѣлежа отъ того изъ нихъ, кто получилъ удовлетвореніе, если въ правѣ должникъ обратиться за вознагражденіемъ къ содолжникамъ, то, конечно, только по особымъ какимъ-либо юридическимъ отношеніямъ, существующимъ между ними, но по отношеніямъ, чуждымъ самому существу корреальнаго обязательства. Напримѣръ, поручитель, удовлетворивъ вѣрителя за должника, въ правѣ требовать отъ него вознагражденія, но должникъ, произведя удовлетвореніе вѣрителю и тѣмъ освободивъ отъ обязательства поручителя, не въ правѣ обратиться къ нему за вознагражденіемъ ¹⁾.

1) Св. зак. гр. ст. 1561.

Участники обязательства или принадлежать къ нему отъ самаго начала его, или присоединяются впоследствии, причемъ прежніе участники выбываютъ, такъ что происходитъ перемѣна въ лицахъ, участвующихъ въ обязательствѣ, или они остаются, но присоединяются еще другіе участники. Чаше, при вступленіи въ обязательство новыхъ участниковъ, прежніе выбываютъ, такъ что новые заступаютъ ихъ мѣсто. И вотъ намъ слѣдуетъ рассмотретьъ юридическія отношенія, возникающія при *перемѣнѣ въ лицѣ участниковъ обязательства*. Эта перемѣна представляется, напримѣръ, при переходѣ обязательства отъ одного лица къ другому по праву наслѣдованія: какъ скоро участникъ обязательства умираетъ, на его мѣсто вступаетъ наслѣдникъ. Но участіе въ обязательствѣ можетъ перейти и независимо отъ права наслѣдованія. И говоря о перемѣнѣ въ лицѣ участниковъ обязательства, мы даже, собственно, не имѣемъ въ виду тѣхъ случаевъ, когда эта перемѣна происходитъ по праву наслѣдованія. Далѣе, мы не имѣемъ въ виду тѣхъ случаевъ, когда отъ одного лица къ другому переходитъ, собственно, не участіе въ обязательствѣ, а когда другое лицо получаетъ только выгоды, соединяющіяся съ обязательствомъ: съ юридической точки зрѣнія это не одно и то же, потому что если участникъ обязательства предоставляетъ только выгоды его стороннему лицу, то все-таки самъ онъ остается участникомъ обязательства, а это лицо не дѣлается участникомъ. И точно также, мы не рассматриваемъ здѣсь тѣ случаи, когда одно обязательство замѣняется другимъ, потому что тогда также не происходитъ, собственно, перемѣны въ лицахъ. Напримѣръ А, долженъ В по векселю и съ согласія В поручаетъ С выдать В новый вексель въ замѣнъ прежняго: здѣсь С не замѣняетъ прежняго должника, а является участникомъ новаго обязательства. О перемѣнѣ въ лицѣ участника обязательства можно говорить только тогда, когда обязательство остается то же, но на мѣсто прежняго участника (хотя бы и отчасти только) становится другое лицо. Перемѣна эта можетъ произойти независимо отъ роли, какая принадлежитъ въ обязательствѣ участнику, такъ что перемѣна въ лицѣ участника обязательства можетъ послѣдовать

какъ на сторонѣ вѣрителя, такъ и на сторонѣ должника. Разсмотримъ ее въ томъ и другомъ случаѣ.

Перемѣна въ лицѣ участника на сторонѣ вѣрителя представляется уступкою права по обязательству: оно переходитъ отъ вѣрителя къ другому лицу. Прежде всего переходъ права по обязательству вызываетъ слѣдующія соображенія: а, дѣйствіе лица, составляющее предметъ обязательства, есть нѣчто близко связанное съ его личностію, и отнюдь нельзя сказать, чтобъ для лица было все равно, по отношенію къ кому бы ни совершить это дѣйствіе, такъ что если, напримѣръ, лицо А обязывается по отношенію къ лицу В, то еще нельзя думать, что лицо А готово обязаться и по отношенію къ лицу С, а быть можетъ А ни за какія блага въ мірѣ не согласится быть обязаннымъ по отношенію къ С. И экономическіе интересы, и нравственныя соображенія, даже иногда соображенія приличія берутся въ расчетъ при выборѣ лица, по отношенію къ которому другое лицо принимаетъ на себя обязательство. Напримѣръ, экономическія обстоятельства лица затруднительны: ему, конечно, несравненно тягостнѣе быть обязаннымъ по отношенію къ такому лицу, которое само можетъ раззориться отъ неисправнаго исполненія обязательства, нежели по отношенію къ другому лицу, для котораго исправное исполненіе обязательства не столь необходимо, и которое можетъ, пожалуй, и отсрочить платежъ, или разложить его на разные сроки. Или, напримѣръ, одно лицо въ качествѣ нанимателя осуществляетъ право на чужое дѣйствіе грубо, сурово, тогда какъ другое лицо осуществляетъ его мягко, снисходительно. Или, напримѣръ, иногда человѣкъ высокаго общественнаго положенія находитъ предосудительнымъ для себя быть обязаннымъ по отношенію къ простоядину, тогда какъ не находитъ предосудительнымъ быть обязаннымъ по отношенію къ равному себѣ. Все это ведетъ насъ къ тому заключенію, что для лица обязаннаго весьма важно, кому принадлежитъ право на его дѣйствіе, и поэтому право по обязательству не должно быть передаваемо отъ вѣрителя другому лицу. И вотъ почему между прочимъ римское право, дѣйствительно, только по исключенію допускало передачу права по

обязательству другому лицу, такъ что не одинъ формализмъ римскаго права требовалъ непосредственнаго участія въ заключеніи обязательства, но и существо самаго дѣла ¹⁾. б. Но съ другой стороны представляется, что право на чужое дѣйствіе имѣетъ характеръ имуществва, такъ что отношенія по обязательствамъ примыкаютъ къ сферѣ имущественныхъ отношеній, отношенія же эти требуютъ наибольшей свободы и каждое ограниченіе ея безъ нужды неблагопріятно отражается на экономическомъ положеніи общества. Такъ, почти вся торговля движется кредитомъ, а кредитные знаки, векселя, замѣняютъ деньги—ими производятся платежи точно также, какъ паличными деньгами; но, конечно, платежи векселями предполагаютъ возможность передачи права по обязательству, слѣдовательно безъ этого условія кредитъ не можетъ развиваться, а безъ него не можетъ процвѣтать и торговля. Напримѣръ А, доставилъ В партію товара и получилъ отъ него вексель: если А въ правѣ передать этотъ вексель другому лицу, то онъ можетъ купить партію другаго товара и заплатить за него векселемъ; въ противномъ же случаѣ сдѣлка не состоится и А не можетъ сдѣлать на свой капиталъ (находящійся пока въ долгу) никакого оборота, прежде чѣмъ получить его чистыми деньгами отъ В. Поэтому желательно, чтобы передача права по обязательству была признаваема возможною. Наше законодательство оба эти соображенія согласуетъ такимъ образомъ, что дѣлаетъ различіе между дѣйствіями, смотря потому, менѣе или болѣе связываются они съ личностію должника, менѣе или болѣе одинаково для него, по отношенію къ какому бы лицу ни совершить дѣйствіе, и на этомъ основаніи по однимъ обязательствамъ допускаетъ передачу права другому лицу, тогда какъ по другимъ допускаетъ ее не иначе, какъ только съ согласія должника. Къ обязательствамъ перваго рода, главнымъ образомъ, относятся такія, которыхъ предметъ составляетъ платежъ денегъ: это дѣйствіе таково, что оно нисколько не давитъ личности должника,—существенно тутъ только производство платежа и

1) *Puchta*, *Cursus d. jnstit.* (Leipzig, 1857), III, § 267.

несколько несущественно, кто и кому производить его. И вотъ законодательство постановляетъ, что векселя, заемныя письма, все акты обязательствъ, которыхъ предметъ—производство денежнаго платежа, могутъ быть передаваемы отъ вѣрителя другому лицу независимо отъ воли должника ¹⁾. Но если, на примѣръ, дѣло идетъ объ оказаніи личной услуги, или хотя и о производствѣ денежнаго платежа, но обстановка платежа сколько нибудь касается лица платящаго, на примѣръ, заемъ обезпеченъ залогомъ его имущества, то передача права по обязательству возможна только при согласіи на то должника ²⁾. Во всякомъ случаѣ однако же возможность передачи права по обязательству должно признать за норму, а невозможность ея за исключеніе, которое должно находить себѣ оправданіе въ законѣ или обычаѣ.

Передача права по обязательству отъ вѣрителя другому лицу происходитъ или по соглашенію между ними, на основаніи договора, или независимо отъ соглашенія. Такъ, по духовному завѣщанію лицо можетъ быть обязано передачею права по обязательству другому лицу, такъ что передача будетъ только исполненіемъ обязательства, возникшаго изъ духовнаго завѣщанія ³⁾. На примѣръ, составляется духовное завѣщаніе, по которому лицо А назначается наслѣдникомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ обязывается какою-либо долговою претензію наслѣдодателя, на примѣръ заемное письмо, по которому онъ въ правѣ получить отъ X 1000 р. с., передать лицу В: какъ скоро А вступаетъ въ наслѣдство, для него существуетъ обязательство передать это заемное письмо лицу В, независимо еще отъ какого-либо особаго соглашенія съ нимъ. Или, иногда передача права по обязательству совершается непосредственно на основаніи закона. На примѣръ, производится взысканіе съ какого-либо лица, какъ должника по обязательству, и оказывается, что у лица этого нѣтъ имущества, достаточнаго на покрытіе долга, а долж-

1) Св. зак. гр. ст. 2058; уст. о векс. ст. 555.

1) Св. зак. гр. ст. 1653, 1678, 2238.

1) Тамъ же, ст. 1011.

Ж. М. Ю. Т. VII. Ч. II.

ду тѣмъ есть актъ долговаго обязательства, по которому лицо имѣетъ право на полученіе платежа отъ сторонняго лица: и это право переходитъ къ вѣрителю должника независимо отъ его согласія, непосредственно по опредѣленію закона ¹⁾. Чаще всего однако же передача права по обязательству происходитъ по соглашенію о томъ между вѣрителемъ и стороннимъ лицомъ, приобретающимъ право, такъ что чаще всего основаніемъ перехода права по обязательству служить сдѣлка между ними. На юридическомъ языкѣ запада эта сдѣлка называется обыкновенно *цессією права* (cessio, cession). По русски можно назвать ее *сдѣлкою объ уступкѣ права*, или просто *уступкою права*. Такъ какъ въ большой части случаевъ она представляется возмездною, и такъ какъ право по обязательству, сколько нибудь значительному, обыкновенно воплощается въ письменномъ актѣ, и этотъ актъ съ переходомъ права также переходитъ въ руки новаго приобретателя, то сдѣлку объ уступкѣ права по обязательству легко свести къ куплѣ-продажѣ акта, сдѣлку о правѣ представлять какъ бы сдѣлкою объ актѣ. И вотъ, дѣйствительно, у насъ нерѣдко говорится о *продажѣ* и *покупкѣ векселя, заемнаго письма*. Но не должно упускать изъ виду, что купля-продажа есть сдѣлка о переходѣ права собственности по вещи; при уступкѣ же права по обязательству, хотя и переходитъ право собственности по акту, но это право тутъ нѣчто второстепенное или даже третьестепенное, такъ что не въ собственномъ, а только въ переносномъ смыслѣ говорится о покупкѣ и продажѣ права, въ юридическомъ же смыслѣ можно говорить только о передачѣ, уступкѣ права. Поэтому, и опредѣленія законодательства о куплѣ-продажѣ не примѣняются безусловно къ уступкѣ права по обязательству, ибо они имѣютъ въ виду переходъ права собственности по вещи, а не переходъ права на чужое дѣйствіе.

Каждая уступка права предполагаетъ три лица: а, лицо, передающее право по обязательству другому лицу—*цедентъ*,

1) Уст. о торг. несост. ст. 1949—1956.

в, лицу, которому передается право—*цессіонарій* и с, лицо, котораго дѣйствіе составляетъ объектъ передаваемого права—*должникъ*. Разсмотримъ юридическія отношенія, возникающія между ними по уступкѣ права.

I. Юридическія отношенія между цедентомъ и цессіонаріемъ опредѣляются сущностію передачи права и содержаніемъ соглашенія, состоявшагося между ними (*). Цедентъ уступаетъ свое мѣсто въ обязательствѣ цессіонарію и за то получаетъ отъ него то или другое вознагражденіе, или не получаетъ, получаетъ въ то или другое время, словомъ такъ, какъ это опредѣлено соглашеніемъ, состоявшимся между участниками сдѣлки объ уступкѣ права. Если цедентъ, вопреки соглашенію, не передаетъ права цессіонарію, то тѣмъ нарушаетъ, конечно, его право по сдѣлкѣ и подлежитъ за то отвѣтственности, но право по обязательству тѣмъ не менѣе остается за нимъ. Однако же мы имѣемъ въ виду собственно тѣ случаи, когда передача права совершается: наша рѣчь объ отношеніяхъ цедента къ цессіонарію, а они предполагаютъ уже совершившуюся передачу. Цедентъ передаетъ право цессіонарію въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ для него въ моментъ уступки, независимо отъ того, въ томъ же или другомъ видѣ возникло это право. Но цедентъ можетъ пользоваться по отношенію къ уступаемому праву и какими-либо личными льготами, т. е. такими льготами, которыя не связаны съ правомъ, а именно связаны съ личностію цедента: онъ, разумѣется, не переходятъ къ цессіонарію. Наоборотъ, и лицо, приобретающее право уступкою, можетъ пользоваться какими-либо личными льготами: лицо не можетъ пользоваться ими по отношенію къ праву, приобретенному уступкою ¹⁾. Другое дѣло, если и цедентъ пользуется тѣми же льготами: тогда положеніе лица обязаннаго, равно какъ и стороннихъ лицъ, отъ перехода

(*). На сколько отношенія эти опредѣляются существомъ передачи права по обязательству, они опредѣляются одинаково, независимо отъ основанія, на которомъ совершается передача.

1) *Wening—Jungenheim, Lehrbuch d. gem. Civilrechtes (München, 1897), II, § 210.*

права не становится хуже, и цессіонарій можетъ осуществить это право въ сопровожденіи того исключительнаго положенія, какое присвоено ему. Допустимъ, напримѣръ, что право переходитъ отъ частнаго лица казнѣ и казна по отношенію къ данному праву пользуется какими-либо преимуществами: все-таки казна не можетъ воспользоваться ими, ибо они обратятся въ тягость лицу обязанному или, напримѣръ, кредиторамъ его. Или, напримѣръ, право переходитъ отъ казны къ частному лицу: оно не можетъ воспользоваться тѣми льготами, какія предоставлены казнѣ. Другое дѣло, если, напримѣръ, право переходитъ отъ одного казеннаго вѣдомства къ другому, или отъ казны къ вѣдомству богоугодныхъ заведеній или церкви: льготы обонхъ этихъ лицъ одинаковы и право осуществляется сообразно принадлежащимъ имъ преимуществамъ. По уступкѣ права цедентъ перестаетъ быть его субъектомъ, такъ что онъ уже не можетъ осуществить право и должникъ не исполняетъ своего обязательства по отношенію къ цеденту, а исполняетъ его по отношенію къ цессіонарію. Но цедентъ и по уступкѣ права не перестаетъ быть отвѣтственнымъ лицомъ за его дѣйствительность, такъ что если обязательство, право по которому передано, оказывается недѣйствительнымъ, цессіонарій въ правѣ требовать отъ цедента вознагражденія, на томъ основаніи, что цедентъ не исполнилъ своего обязательства по сдѣлкѣ объ уступкѣ права, не передалъ ему права, ибо то, что передано, недѣйствительно. Однако же только за дѣйствительность переданнаго права и отвѣчаетъ цедентъ, но онъ не отвѣчаетъ за осуществленіе права, за исправность, состоятельность должника. Технически это выражается такъ: цедентъ отвѣчаетъ цессіонарію за *истинность*, *подлинность* обязательства (*veritas*), но не отвѣчаетъ за его *прочность*, *добротность* (*bonitas*), или какъ говорили римскіе юристы: цедентъ отвѣчаетъ за *poen verum*, но не за *poen bonum* ¹⁾. Только по особому соглашенію между участниками сдѣлки объ уступкѣ права можетъ лежать на цедентѣ отвѣтственность и за *добротность* обяза-

¹⁾ Dig. L. XVIII, t. 4, fr. 4, 5.

тельства. И тогда, разумѣется, при неисправности должника, цессіонарій можетъ обратиться за удовлетвореніемъ къ цеденту, имѣеть *регрессъ* къ цеденту, какъ говорится (т. е. идетъ къ нему обратно). Но наоборотъ, по особому соглашенію между участниками дѣлки, можетъ быть также сложена съ цедента ответственность и за дѣйствительность передаваемого права по обязательству (*).

II. *Юридическія отношенія между цессіонаріемъ и должникомъ* въ сущности заключаются въ томъ, что цессіонарій, вступая на мѣсто цедента, получаетъ право на дѣйствіе должника, то право, которое до уступки его принадлежало цеденту. Разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ необходимо согласіе должника на уступку права по обязательству, безъ его согласія право для цессіонарія не приобрѣтается: но тогда оно не прекращается для цедента, такъ что если должникъ устранить требованіе цессіонарія, ссылаясь на отсутствіе своего согласія и признавая по этому уступку недѣйствительною, то все-таки онъ не можетъ устранить требованіе самаго цедента. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ надобности въ согласіи должника на уступку права по обязательству или когда уступка эта произошла съ согласія должника, тогда, конечно, нѣтъ для него основанія устранить требованіе цессіонарія и онъ обязанъ исполнить въ отношеніи къ нему то самое дѣйствіе, исполненіемъ котораго до уступки права по обязательству обязанъ былъ въ отношеніи къ цеденту. Довольно извѣстенъ римскій законъ (*lex Anastasiana*), по которому цессіонарій, приобрѣтающій право за меньшій эквивалентъ сравнительно съ обязательствомъ должника, въ правѣ требовать отъ него только того, что самъ заплатилъ за уступленное ему право¹⁾). Но римскій законъ идетъ къ

(*) Это можетъ быть, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда вѣритель по какому-либо формальному недостатку, представляющимся въ актѣ обязательства, сомнѣвается въ его дѣйствительности, а другое лицо, напримѣръ, адвокатъ надѣется добиться признанія его дѣйствительности судебнымъ порядкомъ, и принимая это на свой страхъ, приобрѣтаетъ отъ вѣрителя право по обязательству, точно также какъ иногда приобрѣтается право по иску, причѣмъ лицо, приобрѣтающее право, принимаетъ на свой страхъ выигрышъ процесса. *Изд.*

1) L. 22 C. (4, 35).

экономическому быту ограниченному, въ которомъ уступка права по обязательству встрѣчается не какъ обычный коммерческій оборотъ, а какъ явленіе болѣе или менѣе исключительное, къ быту, въ которомъ приобрѣтеніе права по обязательству возмездною сдѣлкою составляетъ видъ ростовства. Напримѣръ, лицо А имѣетъ право на полученіе денегъ отъ В, но не можетъ получить ихъ, а между тѣмъ крайне нуждается въ деньгахъ, и вотъ соглашается уступить свое право С за малый эквивалентъ, а С получаетъ въ послѣдствіи удовлетвореніе сполна: римское право осуждаетъ такого роду уступку. Но въ современномъ быту уступка права по обязательству составляетъ явленіе нормальное; — безпрестанно переходятъ права отъ одного лица къ другому, и не крайность есть обычное основаніе уступки права, а потребность въ оборотѣ капитала составляетъ ея основаніе. Извѣстно, что обязательство, по которому лицу принадлежитъ право на полученіе денегъ, можетъ быть передано независимо отъ воли лица обязаннаго, извѣстно также, что обязательство обыкновенно выражается въ какомъ-либо знакѣ, актѣ, по которому вѣритель является собственникомъ. Если допустить, что лицо обязанное безпрятственно можетъ произвести платежъ любому предъявителю акта, свидѣтельствующаго объ обязательствѣ, и если предположить, что должникъ въ состояніи произвести платежъ, когда слѣдуетъ, что довѣріе къ его состоятельности довольно распространено въ обществѣ, то понятно, что уступка права на полученіе денегъ можетъ замѣнять собою передачу самыхъ денегъ, которыя слѣдуетъ получить съ должника, такъ что право на совершеніе дѣйствія сливается съ предметомъ самаго дѣйствія, подобно тому, какъ право собственности совпадаетъ съ вещію, по которой существуетъ оно. Дѣйствительно, въ настоящее время претензія на полученіе денегъ сама имѣетъ значеніе денегъ: векселя, напримѣръ, въ торговомъ быту имѣютъ то же значеніе, что деньги, ими производятся платежи, дѣлаются расчеты. И если бы установить такое ограниченіе, что лицо, приобрѣтающее претензію уступкою, въ правѣ требовать отъ должника только того, что имъ заплачено, то это стѣсни-

до бы движеніе претензіи. Но чѣмъ менѣе свободы въ движеніи права по обязательству, тѣмъ менѣе, конечно, желающихъ пріобрѣсти его и тѣмъ тяжелѣе положеніе тѣхъ, которые желаютъ уступить свое право, тѣмъ потеря ихъ при уступкѣ значительнѣе. Самая разность между цѣнностію претензіи и платежемъ за нее цеденту со стороны цессіонарія, разность, называемая *учѣтомъ* или *дисконтомъ*, не составляетъ какой-либо несправедливой прибыли для цессіонарія, а есть справедливое вознагражденіе за преждевременное удовлетвореніе по обязательству и опредѣляется современнымъ положеніемъ экономическаго быта ¹⁾. Поэтому-то законодательству нашему совершенно чуждо ограниченіе при уступкѣ права по обязательству, установленное римскимъ правомъ, и должникъ обязанъ совершить въ отношеніи къ цессіонарію сполна то дѣйствіе, которымъ обязанъ цеденту. Тѣмъ не менѣе однако юридическія отношенія между цессіонаріемъ и должникомъ могутъ быть и неполны таковы, каковы они были между должникомъ и цедентомъ, именно: какъ должнику, такъ и цессіонарію могутъ быть представлены извѣстныя возраженія, которыя со стороны должника не имѣли бы никакой силы въ отношеніи къ цеденту, или со стороны цедента въ отношеніи къ должнику, тогда какъ возраженія эти, не измѣняя значенія самаго права уступленнаго, со стороны должника имѣютъ силу въ отношеніи къ цессіонарію, или со стороны цессіонарія въ отношеніи къ должнику. Напримѣръ, должникъ является съ своей стороны вѣрителемъ цессіонарія, тогда какъ онъ не былъ вѣрителемъ цедента: если цессіонарій потребуетъ платежа по обязательству, пріобрѣтенному имъ уступкою, должникъ можетъ отозваться, что долгъ его уравнивается долгомъ цессіонарія и потому онъ не обязанъ платить, тогда какъ должникъ не могъ бы сдѣлать такого возраженія цеденту, который не состоитъ ему должнымъ. Или, напримѣръ, вѣритель по отношенію къ своему должнику самъ является должникомъ по другому обязательству, но передаетъ свою претензію сторон-

1) См. ниже—о срокѣ удовлетворенія по обязательству.

нему лицу: должникъ, который могъ бы возразить цеденту, что онъ самъ долженъ ему, не въ правѣ возразить этого цессіонарію, ибо онъ не состоитъ ему должнымъ.

III. Юридическія отношенія между цедентомъ и должникомъ. До передачи права по обязательству отношенія между ними опредѣляются существомъ обязательства, по уступкѣ же права они, собственно прекращаются: на мѣсто цедента вступаетъ цессіонарій, а цедентъ выбываетъ изъ обязательства, такъ что ни онъ уже не въ правѣ требовать совершенія дѣйствія отъ должника, ни должникъ, удовлетворяя цедента, тѣмъ не освобождается отъ обязательства. Но если при уступкѣ права по обязательству особымъ соглашеніемъ между цедентомъ и цессіонаріемъ, послѣднему предоставленъ регрессъ къ цеденту, т. е. предоставлено въ случаѣ неисполненія обязательства со стороны должника обратиться за удовлетвореніемъ къ цеденту, тогда, по удовлетвореніи цессіонарія со стороны цедента, юридическія отношенія по обязательству между нимъ и должникомъ возобновляются (*). Но между ними возможны и отношенія иного рода: самая уступка права по обязательству можетъ составлять нарушеніе права должника со стороны цедента. Напримѣръ, вѣритель обязался не передавать своего права по обязательству стороннему лицу, по между тѣмъ право таково, что можетъ быть передано безъ согласія должника, и вѣритель, пользуясь этимъ, передаетъ право другому лицу: онъ нарушаетъ тѣмъ право должника и изъ этого нарушенія возникаютъ между цедентомъ и должникомъ особыя юридическія отношенія: цедентъ становится обязаннымъ вознаградить должника за понесенныя имъ убытки, или заплатить ему пеню, если обоюднымъ соглашеніемъ между вѣрителемъ и должникомъ она опре-

(*) Независимо отъ регресса, юридическія отношенія между цедентомъ и должникомъ могутъ возобновиться вслѣдствіе того, что цедентъ снова приобрѣтетъ право по обязательству уступкою ему отъ его преемника: но въ такомъ случаѣ цедентъ является въ обязательствѣ какъ новое лицо, до того времени совершенно чуждое ему, такъ что нельзя говорить, собственно, о *возстановленіи* юридическихъ отношеній между цедентомъ и должникомъ, а идетъ рѣчь лишь объ *отношеніяхъ цессіонарія къ должнику*.

дѣлена была за самовольную уступку права. Понятно, что для должника можетъ быть интересъ въ томъ, чтобы вѣритель не уступалъ своего права стороннему лицу, напримѣръ, чтобы оно не перешло въ руки лица болѣе вліятельнаго, которое можетъ настоять на болѣе строгомъ исполненіи обязательства. Иногда само законодательство устраняетъ уступку права лицу болѣе вліятельному. Такъ именно постановляло римское право, разумѣя впрочемъ подъ вліятельностію вліятельность, происходящую не отъ личности, а отъ общественнаго положенія того лица, которому уступается право ¹⁾. Въ наше время, конечно, законное ограниченіе такого рода неумѣстно: оно не сообразно съ нашими понятіями о равенствѣ гражданъ предъ закономъ и наше законодательство не дѣлитъ людей на болѣе и менѣе вліятельныхъ, а если признаетъ за кѣмъ право, то предоставляетъ осуществлять его, не смотря ни на какое лицо. Но тѣмъ не менѣе и въ наше время для отдѣльнаго должника можетъ быть интересъ, по какимъ-либо экономическимъ расчетамъ или нравственнымъ соображеніямъ, обязать вѣрителя не передавать права по обязательству стороннему лицу, и этого должникъ можетъ достигнуть особымъ соглашеніемъ съ вѣрителемъ.

Перемѣна въ лицѣ участника обязательства происходитъ на сторону должника. Самый простой случай перемѣны — тотъ, что должникъ совершенно выбываетъ изъ обязательства, передастъ его стороннему лицу, подобно тому, какъ вѣритель передаетъ право стороннему лицу. Такъ какъ предметъ обязательства всегда составляетъ дѣйствіе извѣстнаго лица, а при вступленіи на мѣсто должника другаго лица нѣтъ уже права на дѣйствіе должника, то кажется сомнительнымъ, можетъ ли быть допущена замѣна одного должника другимъ. Но и здѣсь должно сказать, что между различными предметами обязательствъ есть такіе, относительно которыхъ безразлично, кто бы ни совершилъ дѣйствіе, точно также, какъ иногда безразлично,

1) Puchta, Curs d. jnst. II, § 136; III, § 267.

въ чью бы пользу ни совершить его, и вотъ по отношенію къ такимъ дѣйствіямъ, конечно, можно допустить замѣну одного должника другимъ. Правда, что это будетъ уклоненіе отъ строгой послѣдовательности права, но уклоненіе практическое, составляющее необходимую уступку дѣйствительности. Но должно также сказать, что такъ какъ перемѣна въ лицѣ должника задѣваетъ интересы вѣрителя, то замѣна одного должника другимъ можетъ имѣть мѣсто только при согласіи на то вѣрителя¹⁾. И такимъ образомъ, тогда какъ мы видѣли, что въ иныхъ случаяхъ право по обязательству можетъ быть уступлено вѣрителемъ стороннему лицу и безъ согласія должника, передача обязательства стороннему лицу безъ согласія вѣрителя ни въ какомъ случаѣ не удобомыслима, по крайней мѣрѣ по отношенію къ вѣрителю она не имѣетъ никакой силы, хотя и можетъ установить извѣстныя юридическія отношенія между должникомъ и лицомъ, которому передано обязательство. Напримѣръ, А состоитъ должнымъ В извѣстною суммою денегъ и условливается съ С, чтобы онъ заплатилъ эту сумму В, но С не платитъ: въ отношеніи къ В отвѣтственнымъ лицомъ по прежнему является А, и В въ правѣ требовать отъ него удовлетворенія, но А съ своей стороны въ правѣ требовать отъ С вознагражденія за нарушеніе своего права. Вѣритель или явно выражаетъ согласіе на замѣну должника другимъ лицомъ, или безмолвно. Напримѣръ, стороннее лицо вызывается вѣрителю произвести удовлетвореніе за должника и вѣритель принимаетъ предложеніе: тѣмъ самымъ онъ освобождаетъ отъ отвѣтственности прежняго должника. Въ нашей практикѣ, особенно въ торговомъ быту, передача обязательства называется обыкновенно *переводомъ долга*: «перевести претензію на такого-то»—это значитъ на мѣсто прежняго должника принять другаго, значитъ, что прежній должникъ передаетъ обязательство другому лицу. Но спрашивается, можетъ ли произойти переходъ обязательства безъ согласія должника: напримѣръ, А, безъ вѣдома и согласія должника, вызывается вѣрителю произвести за него удовлетвореніе по обязательству? Должно сказать, что стороннее лицо въ такомъ случаѣ является предъ вѣрителемъ должни-

1) Св. зак. гр. ст. 790, 1994, 2329.

комъ, но и прежній должникъ остается должникомъ, пока имъ не будетъ изъявлено согласіе на переходъ обязательства, а какъ скоро оно изъявлено, прежній должникъ выбываетъ изъ обязательства и остается только новое лицо, вступившее на мѣсто должника: понятно, что точно также какъ право на чужое дѣйствіе не можетъ быть переведено на другое лицо безъ согласія вѣрителя, точно также и обязательство не можетъ быть отдѣлено отъ обязаннаго лица безъ его согласія; но вмѣстѣ съ тѣмъ обязанное лицо не можетъ воспрепятствовать возникновенію такого рода обязательства, что стороннее лицо принимаетъ на себя отвѣтственность за него предъ вѣрителемъ. Но пѣтъ надобности, чтобы со вступленіемъ въ обязательство новаго должника прежній должникъ непременно выбылъ изъ обязательства: одно и то же обязательство можетъ распространиться на нѣсколько лицъ, тогда какъ прежде оно лежало на одномъ лицѣ. Напримѣръ, къ должнику приобщается впоследствии поручитель: обязательство лежитъ уже на должникѣ и поручителѣ, тогда какъ до того времени оно лежало на одномъ должникѣ. О возраженіяхъ, дѣйствительныхъ въ отношеніи къ вѣрителю со стороны одного должника, тогда какъ они не дѣйствительны въ отношеніи къ вѣрителю со стороны другого должника, должно сказать то же самое, что сказали мы прежде, говоря объ уступкѣ права: одинъ должникъ не устранилъ бы обязательство, другой устраняетъ его тѣмъ, что предъявляетъ противъ вѣрителя свое право; одинъ должникъ устранилъ бы обязательство предъявленіемъ своего права противъ вѣрителя, другой не имѣетъ такого права и потому не можетъ устранить обязательство. Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, перемѣну въ участникахъ обязательства какъ на сторонѣ вѣрителя, такъ и на сторонѣ должника. Можно представить себѣ, что перемѣна въ лицахъ происходитъ и совокупно на той и другой сторонѣ, такъ что одно и то же обязательство является съ совершенно новыми участниками. Точно также, обязательство можетъ быть раздѣлено: одна часть права по обязательству уступается другому лицу, а другая по прежнему остается за вѣрителемъ,

или одна часть обязательства переводится на другое лицо, а другая остается на прежнем должникѣ. Напримѣръ, А долженъ В 1000 р.: половину своей претензіи В уступаетъ С, а другую половину оставляетъ за собою; или А долженъ В 1000 р.: половину своего долга А, съ согласія В, переводить на С, а по второй половинѣ по прежнему остается должнымъ. Въ такихъ случаяхъ лицо выбываетъ изъ обязательства не вполнѣ, а только по отношенію къ той части, которая передана другому лицу, но по отношенію къ этой части между лицами, участвующими въ обязательствѣ, возникаютъ точно такія же юридическія отношенія, какія представляются при уступкѣ полнаго права по обязательству, или при полномъ переводѣ долга.

ПРЕДМЕТЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.

Предметъ обязательства, какъ права на чужое дѣйствіе, составляетъ всегда *дѣйствіе другаго лица*, или точнѣе, *совершеніе дѣйствія другимъ лицомъ*, такъ какъ право на чужое дѣйствіе есть такое право, по которому лицо обязанное должно совершить извѣстное дѣйствіе, которое еще не совершено. Какія именно дѣйствія могутъ быть предметами обязательства, этого нельзя опредѣлить: для этого нужно бы исчислить всѣ дѣйствія, какія можетъ совершить лицо въ пользу другаго, но это невозможно. Да и нѣтъ надобности въ такомъ исчисленіи, а достаточно только общими чертами характеризовать тѣ дѣйствія, которыя могутъ быть предметами обязательства. Такъ, 1, дѣйствіе, какъ предметъ обязательства, должно представлять собою юридическій интересъ, ибо обязательства имѣютъ значеніе въ области права. Но кромѣ того, такъ какъ мы рассматриваемъ обязательства гражданскія, касающіяся имущественныхъ отношеній, то дѣйствіе, какъ предметъ обязательства, должно быть таково, чтобы его можно было свести къ имущественнымъ отношеніямъ, другими словами, дѣйствіе

должно подлежать оцѣнкѣ на деньги: дѣйствія, которыя не могутъ быть выражены извѣстною цѣнностію, не могутъ быть и предметами гражданскаго обязательства, развѣ неисполненіе ихъ будетъ поставлено условіемъ совершенія другаго дѣйствія, имѣющаго имущественный интересъ. 2, Дѣйствіе, какъ предметъ обязательства, должно быть физически возможное, т. е. возможное по законамъ природы. Дѣйствіе физически невозможное только въ двухъ случаяхъ можетъ быть предметомъ обязательства: а, когда дѣйствіе, физически невозможное при заключеніи обязательства, становится возможнымъ во время его исполненія; но для этого нужно, чтобъ имѣлась въ виду будущая возможность исполненія, иначе обязательство недѣйствительно; б, когда неисполненіе дѣйствія физически невозможнаго полагается условіемъ совершенія другаго дѣйствія, физически возможнаго. Наконецъ, 3, дѣйствіе, какъ предметъ обязательства должно быть нравственно возможно, т. е. должно соответствовать законамъ юридическимъ и законамъ нравственности: обязательства заключаются въ юридическомъ быту и охраняются общественною властію, нельзя же требовать, чтобъ она покровительствовала безнравственнымъ обязательствамъ, признавала безнравственныя права, принуждала къ безнравственнымъ дѣйствіямъ. Въ дѣйствительности, правда, заключаются и безнравственныя обязательства, но какъ скоро они представляются сужденію общественной власти, она признаетъ ихъ ничтожными. Но спрашивается, какія дѣйствія считать нравственно невозможными? По отношенію къ дѣйствіямъ, согласнымъ или несогласнымъ съ юридическими законами, вопросъ этотъ не представляетъ затрудненія: дѣйствія, запрещенныя закономъ—дѣйствія нравственно невозможныя. Но какія дѣйствія не соответствуютъ законамъ нравственности? На нѣкоторыя дѣйствія само законодательство указываетъ какъ на безнравственныя, но по отношенію къ другимъ оно не даетъ непосредственнаго указанія, а только вообще опредѣляетъ, что дѣйствія безнравственныя не могутъ быть предметами обязательства. Поэтому, должно быть очень осторожнымъ въ признаніи обязательства недѣйствительнымъ по

безнравственности дѣйствія, составляющаго предметъ его. Каждое дѣйствіе, соотвѣтствующее тремъ означеннымъ условіямъ, можетъ быть предметомъ обязательства, все равно, будетъ ли это дѣйствіе положительное, состоящее въ дѣйствительномъ совершеіи чего-либо, или отрицательное, состоящее въ воздержаніи отъ какого-либо положительнаго дѣйствія. Одно дѣйствіе составляетъ предметъ обязательства, или нѣсколько дѣйствій, такъ что лицу обязанному приходится совершить иногда цѣлый рядъ дѣйствій. Но такія соединительныя обязательства не представляютъ ничего особеннаго: въ юридическомъ отношеіи все равно, одно или нѣсколько дѣйствій лицо обязывается совершить, и въ отвлеченіи можно, пожалуй, каждое дѣйствіе раздѣлить на нѣсколько, на цѣлый рядъ дѣйствій. Поэтому, и обязательства, въ которыхъ предметомъ представляются нѣсколько дѣйствій, обсуживаются точно также, какъ и обязательства, предметъ которыхъ составляетъ одно дѣйствіе. Но нѣсколько дѣйствій составляютъ иногда предметъ обязательства въ томъ смыслѣ, что одно только изъ означенныхъ дѣйствій составляетъ предметъ обязательства, такъ что съ совершеіемъ одного, того или другаго дѣйствія, обязательство считается исполненнымъ и прекращается. Напримеръ А въ правѣ требовать такого-то дѣйствія, или такого-то; или А обязанъ совершить то или другое изъ означенныхъ дѣйствій. Такія обязательства, предметомъ которыхъ является одно которое либо изъ нѣсколькихъ дѣйствій, называются технически *раздѣлительными* (*oblig. alternativae*). Имъ противопоставляются обязательства, въ которыхъ предметъ точно опредѣленъ, такъ что именно одно, извѣстное дѣйствіе составляетъ предметъ обязательства—ихъ можно называть *одночленными*. Ближайшій вопросъ, представляющійся при раздѣлительномъ обязательствѣ, заключается въ томъ, кому принадлежитъ выборъ дѣйствія для удовлетворенія по обязательству, вѣрителю или должнику? Съ одной стороны кажется, что вѣритель въ правѣ требовать того, или другаго, или третьяго дѣйствія, слѣдовательно отъ вѣрителя зависитъ избрать между различными дѣйствіями одно. Но съ другой сто-

роны представляется, что какое бы дѣйствіе изъ тѣхъ, которыя включены въ обязательство, должникъ ни совершилъ, этимъ дѣйствіемъ онъ исполняетъ обязательство, слѣдовательно выборъ дѣйствія въ раздѣлительномъ обязательствѣ принадлежитъ должнику, а не вѣрителю, вѣритель же имѣетъ право только на то дѣйствіе, которое изберетъ къ совершенію должникъ. Это послѣднее разрѣшеніе вопроса и есть разрѣшеніе справедливое, наиболѣе соответствующее существу раздѣлительнаго обязательства. Каждая сдѣлка при неопредѣленности ея изъясняется въ пользу лица обязаннаго, какъ отягощеннаго, по соображенію, что если лицо, имѣющее право, желало присвоить большую выгоду, то отъ него зависѣло выговорить ее себѣ и включить въ сдѣлку ¹⁾. Очевидно, что при раздѣлительномъ обязательствѣ для лица обязаннаго выгоды, когда оно можетъ совершить для удовлетворенія обязательства то или другое дѣйствіе: оно и совершить именно то, которое для него по обстоятельствамъ болѣе удобно, или болѣе выгодно. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что выборъ дѣйствія при раздѣлительномъ обязательствѣ принадлежитъ должнику, а не вѣрителю. Но, по соглашенію между участниками раздѣлительнаго обязательства, выборъ дѣйствія можетъ быть предоставленъ и вѣрителю: только въ такомъ случаѣ обязательство нельзя назвать собственно раздѣлительнымъ, ибо тогда характеръ его уже теряется и только по видимому оно представляется раздѣлительнымъ, въ сущности же одночленное, и можно назвать его развѣ *неопредѣленнымъ*, какъ такое обязательство, предметъ котораго уясняется лишь впоследствии, по усмотрѣнію вѣрителя. То же самое должно сказать и о такихъ, по видимому, раздѣлительныхъ обязательствахъ, въ которыхъ выборъ дѣйствія предоставленъ стороннему лицу: разница только та, что при такомъ обязательствѣ самое право вѣрителя находится въ зависимости отъ сторонняго лица, такъ что ни вѣритель не въ правѣ требовать того, или другаго дѣйствія, ни должникъ не можетъ безъ отзыва сторонняго лица совер-

1) Св. зак. гр. ст. 1539.

шить то или другое дѣйствіе и тѣмъ освободиться отъ обязательства, а если отзываетъ сторонняго лица вовсе не послѣдуетъ, то и обязательство окажется несостоявшимся. Но если характеристическая черта раздѣлительнаго обязательства заключается въ томъ, что лицо обязанное можетъ совершить то или другое дѣйствіе, и совершеніе одного изъ нихъ служить удовлетвореніемъ по обязательству, то всякое обязательство, пожалуй, можно считать раздѣлительнымъ, хотя съ перваго взгляда и кажется, что раздѣлительныя обязательства встрѣчаются рѣдко, такъ какъ обыкновенно обязательство направляется къ тому, чтобы лицо совершило извѣстное, определенное дѣйствіе. Дѣло въ томъ, что каждое обязательство представляетъ возможность его нарушенія и съ тѣмъ вмѣстѣ нарушенія права вѣрителя, нарушеніе права влечетъ за собою обязательство произвести вознагражденіе, которое составляютъ цѣнность дѣйствія и убытки, послѣдовавшіе отъ его несвершенія; но нарушеніе права зависитъ отъ лица обязаннаго, отъ него зависитъ исполнить обязательство или представить вознагражденіе за исполненіе его, слѣдовательно выборъ того или другаго дѣйствія въ его власти: и вотъ по этому—то каждое обязательство можно считать раздѣлительнымъ. Однако же не должно понимать существо раздѣлительнаго обязательства въ томъ смыслѣ, что и одночленное обязательство, по возможности его нарушенія, подходитъ подъ понятіе обязательства раздѣлительнаго, тогда какъ существо каждаго изъ этихъ обязательствъ различно: предметъ раздѣлительнаго обязательства одно изъ нѣсколькихъ дѣйствій, то или другое по выбору лица обязаннаго; предметъ одночленнаго обязательства одно, именно определенное дѣйствіе. Если возможность нарушенія одночленнаго обязательства и допускаетъ совершеніе другаго дѣйствія—представленіе вознагражденія, то это дѣйствіе вытекаетъ уже изъ новаго обязательства, именно изъ обязательства, родившагося вслѣдствіе нарушенія права, тогда какъ первое дѣйствіе могло быть предметомъ обязательства, возникшаго по другому основанію, напримеръ, по договору, такъ что въ этомъ случаѣ представляется

только видъ единого раздѣлительнаго обязательства, а въ сущности представляется послѣдовательность обязательствъ: если должникъ не исполняетъ обязательства, то онъ обязанъ произвести вознагражденіе, а пока не слѣдуетъ исполнять обязательство, должникъ не обязанъ вознаграждать за нарушение права, потому что и самаго нарушения нѣтъ.—Предметъ обязательства или точно опредѣляется, или только общими чертами, т. е. или опредѣляется самый видъ предмета обязательства, или только родъ его. На этомъ основаніи обязательства раздѣляются на *родовыя* (*oblig. in genere*) и *видовыя* (*oblig. in specie*). Дѣленіе это близко подходитъ къ дѣленію обязательствъ на раздѣлительныя и одночленныя, но не совпадаетъ съ нимъ. Оно близко подходитъ потому, что если предметъ обязательства опредѣленъ родовымъ понятіемъ, то каждый видъ его составляетъ членъ раздѣленія и каждый можетъ служить удовлетвореніемъ по обязательству. Напримѣръ, А обязывается доставить В лошадей: доставленіе каждой лошади будетъ служить исполненіемъ по обязательству, слѣдовательно предметовъ раздѣленія столько же, сколько существуетъ на свѣтѣ лошадей. Но не совпадаетъ дѣленіе обязательствъ на родовыя и видовыя съ дѣленіемъ на раздѣлительныя и одночленные потому, что нѣсколько дѣйствій могутъ быть предметами обязательства въ томъ смыслѣ, что то или другое изъ означенныхъ дѣйствій должно быть совершено, но различные предметы точно опредѣлены и не подходятъ подъ одно общее понятіе, такъ что обязательство-раздѣлительное, но въ то же время видовое. Напримѣръ, А обязывается доставить В или извѣстную лошадь, или извѣстный драгоценный камень, или извѣстную сумму денегъ: здѣсь три члена раздѣленія, но каждый изъ нихъ опредѣленъ видомъ и всѣ вмѣстѣ не подходятъ подъ одно родовое понятіе. И такъ, предметъ обязательства опредѣляется родовымъ понятіемъ, или означаетъ самый видъ предмета. Если предметъ обязательства опредѣленъ родомъ, то понятно, что каждый видъ этого рода можетъ служить удовлетвореніемъ по обязательству, и должникъ въ правѣ избрать любой видъ родоваго понятія. Но такъ какъ въ ряду видовъ,

входящихъ въ составъ родового понятія, бываютъ крайности, которыхъ обязательственное право не имѣетъ въ виду, то принято разумѣть въ родовомъ обязательствѣ средніе виды, не составляющіе крайностей ¹⁾. Напримѣръ, А, обязывается доставить В лошадь: это не значитъ, что онъ обязывается доставить лошадь наилучшей породы, рѣдкую, драгоцѣнную, но не значитъ также, что онъ можетъ доставить и жалкую клячу, а разумѣется средняя лошадь, удовлетворяющая обыкновеннымъ потребностямъ. Если же имѣются въ виду крайности, то онѣ выговариваются: такъ, если В желаетъ получить лошадь отличной, драгоцѣнной породы, онъ долженъ выговорить это себѣ при вступленіи въ обязательство; равнымъ образомъ и А, если хочетъ выполнить обязательство самымъ жалкимъ представителемъ лошадиной породы, воленъ выговорить себѣ это право при заключеніи обязательства.

Между различными предметами обязательствъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе *деньги* ²⁾. Онѣ часто бываютъ предметомъ обязательствъ, и это очень естественно, ибо обязательства примыкаютъ къ сферѣ имущественныхъ правъ, а всякое имущество оцѣнивается на деньги. Если даже иное обязательство и не чисто-денежное, т. е. предметъ его не составляетъ производство денежнаго платежа, то все-таки и другіе предметы оцѣниваются деньгами, такъ что каждое обязательство можно свести къ обязательству денежному. Но деньги представляются предметомъ обязательства въ различныхъ видахъ: во 1-хъ, деньги, монета, кредитный билетъ, представляются предметомъ обязательства, какъ индивидуальныя вещи: именно такая-то монета, извѣстнаго металла, вѣса, года, съ извѣстнымъ изображеніемъ, или именно такой-то кредитный билетъ, такого-то года и такого-то нумера, составляетъ предметъ обязательства. Напримѣръ, при договорѣ поклада, лицо отдаетъ на сохраненіе деньги—кредитные билеты такого-то года, за такими-то нумерами, или деньги извѣстнаго металла, такихъ-то годовъ, въ такой-то суммѣ. Или, напримѣръ, собствен-

1) *Puchta*, Pandekt. (Leipzig 1838), § 204; *Wening*, Civilrecht, II, § 245.

2) Тамъ же, § 203.

никъ монетнаго собранія обмѣниваетъ у хозяина другаго такого же собранія извѣстную русскую или татарскую монету на извѣстную римскую или французскую. Понятно, что будучи предметомъ обязательства въ такомъ видѣ, деньги не имѣютъ своего спеціальнаго значенія, а представляются вещами, одинаковыми со всѣми другими вещами: точно также какъ иногда монета, или кредитный билетъ отдается на сохраненіе, точно также отдаются на сохраненіе медали, ордена, письма; точно также, какъ монеты и кредитные билеты, вымѣниваются иногда медали, гербы и т. п. Поэтому, и юридическое обсуживаніе денежнаго обязательства такого вида ничѣмъ не разнится отъ юридическаго обсуживанія всякаго другаго обязательства, имѣющаго предметомъ доставленіе движимаго имущества. Но должно сказать, что въ этомъ видѣ деньги рѣдко составляютъ предметъ обязательства, развѣ только тогда, когда монета сама по себѣ представляетъ интересъ, напримѣръ, древняя монета. Во 2-хъ деньги представляются предметомъ родоваго обязательства: опредѣляется родъ монеты, сортъ ея, но не опредѣляются индивидуальныя монеты. Напримѣръ, лицо обязывается заплатить тысячу голландскихъ червонцевъ, или тысячу серебряныхъ рублей, или такую-то сумму кредитными билетами. Очевидно, что при такомъ обязательствѣ все равно, какого бы года ни были червонцы, серебряные рубли, или кредитные билеты, представляемые вѣрителю въ удовлетвореніе по обязательству; равнымъ образомъ все равно, съ какими бы ни были они знаками, только были бы опредѣленнаго рода, сорта. Но такъ какъ для денегъ опредѣлены извѣстныя условія, напримѣръ, для звонкой монеты опредѣляется вѣсъ, форма, знаки и т. п., то разумѣется, что представляемая вѣрителю монета должна соответствовать существующимъ условіямъ денегъ. Это однако же не значитъ еще, что требуется монета именно опредѣленнаго вѣса, опредѣленной формы, съ извѣстными знаками, а требуется только, чтобъ представляемая монета имѣла значеніе денегъ. Возьмемъ, напримѣръ, червонецъ или серебряный рубль: вѣсъ ихъ опредѣленъ, но въ частномъ быту обращаются и такіе червонцы и серебряные рубли, которые не имѣютъ полнаго вѣса. Поэтому, допускаются платежи и такими монетами,

которыя нѣсколько уклоняются отъ нормальнаго вѣса, лишь бы онѣ въ общепитіи не утратили значенія денегъ даннаго рода. Съ другой стороны, не обращается вниманія на измѣненіе курса денегъ, измѣнится ли онѣ въ ущербъ или въ пользу лица, имѣющаго право по обязательству. Извѣстно, что цѣнность звонкой монеты подлежитъ колебаніямъ, которыя могутъ быть приостановлены на нѣкоторое время, но не могутъ быть совершенно устранены, ибо зависятъ отъ отношенія монеты къ наличному количеству металла, находящагося въ странѣ, а это отношеніе измѣняется. Равнымъ образомъ, и цѣнность бумажныхъ денегъ подвергается колебаніямъ, смотря по состоянію кредита, которымъ пользуется правительство, и по потребности въ бумажныхъ деньгахъ для гражданскихъ оборотовъ. Эта-то цѣнность денегъ, подъ вліяніемъ существующихъ для нихъ колебаній, и называется *курсомъ*. Колебанія могутъ быть нечувствительны и поэтому курсъ денегъ можетъ оставаться постояннымъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, но все таки курсъ существуетъ, измѣненіе его возможно, и ранѣе или позднѣе наступаетъ. Но измѣненіе курса, какъ уже сказано, не оказываетъ никакого вліянія на удовлетвореніе по обязательствамъ, предметъ которыхъ опредѣленъ количествомъ монетъ извѣстнаго рода, не оказываетъ потому, что въ такихъ обязательствахъ имѣется въ виду главнымъ образомъ родъ монеты и ея количество, а не ея болѣе или менѣе часто измѣняющаяся цѣнность. Наконецъ, въ 3-хъ, и это всего чаще, деньги представляются предметомъ обязательства въ смыслѣ мѣры цѣнности, такъ что не обращается вниманія не только на индивидуальность монеты, даже на родъ ея, а предметъ обязательства составляетъ производство денежнаго платежа по курсу. При этомъ всегда имѣется въ виду не курсъ времени заключенія обязательства, а курсъ времени его исполненія, такъ что производство платежа по курсу именно означаетъ, что платежъ извѣстной суммы долженъ быть произведенъ по курсу (рыночной цѣнѣ) денегъ, какой будутъ имѣть онѣ въ срокъ обязательства¹⁾. Но если пла-

1) Уст. о векс. ст. 613.

тежъ по курсу кажется участникамъ обязательства неудобнымъ, то нѣтъ препятствія имъ условиться на счетъ точнѣйшаго опредѣленія курса, т. е. постановить, по какому именно курсу долженъ быть произведенъ платежъ, какъ это и дѣлается часто въ обязательствахъ, платимыхъ за границу. Напримѣръ, петербургскій купецъ поручаетъ берлинскому заплатить по его векселю столько-то рублей, считая талеръ по такому-то курсу въ отношеніи къ русскому серебряному рублю, положимъ по 3 р. 20 к. асс.: тогда платежъ и производится уже по этому курсу, хотя бы въ срокъ обязательства курсъ былъ другой. Когда курсъ продолжительно постояненъ, такъ что утрачивается самое понятіе о курсѣ, какъ о рыночной цѣнѣ денегъ, отличной отъ ихъ нарицательной цѣнности, тогда надѣются, что въ курсѣ не произойдетъ перемѣны, и въ обязательствахъ не говорится, что платежъ долженъ быть произведенъ по курсу; но тѣмъ не менѣе и тогда подразумѣвается, что платежъ произведется по курсу. Во внутреннихъ платежахъ однако же курсъ денегъ имѣетъ значеніе только независимо отъ общественной власти, а во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые приходятъ въ соприкосновеніе съ общественною властію, цѣнность денегъ опредѣляется ихъ нарицательною цѣностію: рыночная цѣна денегъ игнорируется общественною властію и все равно, возвысится ли, понизится-ли рыночная цѣна денегъ сравнительно съ ихъ нарицательною цѣностію, общественная власть принимаетъ въ соображеніе ту цѣнность денегъ, которая ею назначена ¹⁾. Такъ, напримѣръ, у насъ до 1839 года къ цѣности бумажныхъ денегъ нарастала еще нѣкоторая цѣнность, известная подъ именемъ *лажа* (*aggio, l'agio*), такъ что государственныя ассигнаціи въ 5 рублей ходили въ 5 р. 25 к. или даже въ 5 р. 50 к., государственныя ассигнаціи въ 100 р. въ частныхъ оборотахъ имѣли цѣнность въ 105 р. и т. д.; но казна принимала и выдавала ассигнаціи по ихъ нарицательной цѣнѣ, и, точно также при взысканіяхъ въ пользу частнаго лица ассигнаціи принимались по ихъ нарицательной цѣнѣ, которая именнo и

1) Уст. монет. ст. 163, 166, 167,

имѣть значеніе *законнаго курса*, которая съ тою цѣлю и устанавливается правительствомъ, чтобы опредѣлить стоимость денегъ въ гражданскихъ оборотахъ, а удовлетвореніе по обязательствамъ одинъ изъ важнѣйшихъ случаевъ примѣненія нарицательной цѣны. Когда деньги представляются предметомъ обязательства въ этомъ видѣ, т. е. когда предметъ обязательства—производство денежнаго платежа безъ опредѣленія даже рода монеты, то отъ должника зависитъ, какими деньгами произвести платежъ, лишь бы представляемые деньги имѣли значеніе денегъ, а будетъ ли то звонкая монета, золотая или серебряная, или бумажныя деньги—все равно. Въ законодательствѣ встрѣчается только одно ограниченіе: денежный платежъ долженъ быть произведенъ русскими государственными деньгами; вѣритель не обязанъ принимать платежъ иностранною монетою ¹⁾. Но кажется, можно допустить еще и другое ограниченіе: можно признать за вѣрителемъ право не принимать платежъ значительной суммы мѣдною монетою, такъ какъ назначеніе мѣдной монеты, представляющей собою въ каждомъ отдѣльномъ кружкѣ незначительную цѣнность, служить въ мелкихъ оборотахъ, слѣдовательно производство значительнаго платежа мѣдною монетою было бы противно ея назначенію ^{*}).

1) Уст. мон. ст. 182.

^{*}) Но замѣтимъ, что бумажными деньгами въ настоящее время у насъ представляются исключительно *государственные кредитные билеты*, всѣ же другіе кредитные знаки правительства, какъ напримѣръ *билеты государственнаго казначейства*, такъ называемыя *серіи*, *билеты государственной комисіи погашенія долговъ*, *билеты государственнаго банка* и т. д., хотя и имѣютъ фактически такое же значеніе, какъ бумажныя деньги, но только фактически, а не юридически. Юридическое отличіе бумажныхъ денегъ отъ другихъ кредитныхъ знаковъ правительства заключается въ томъ, что бумажныя деньги имѣютъ обязательное обращеніе, отъ пріема ихъ въ удовлетвореніе по обязательству отказаться нельзя, тогда какъ кредитные знаки правительства, не имѣющіе значенія бумажныхъ денегъ, каждый воленъ принимать и не принимать по своему усмотрѣнію. Но такое обязательное обращеніе изъ всѣхъ кредитныхъ знаковъ нашего правительства и различныхъ его учрежденій въ настоящее время придается только государственнымъ кредитнымъ билетамъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

ЗАМѢТКИ

по поводу нѣкоторыхъ статей

Т. XV ЗАК. УГОЛ. СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Законы положительныя, какъ бы они ни были совершенны, для вѣрнаго ихъ пониманія и точнаго примѣненія, всегда предполагаютъ свѣдущихъ и добросовѣстныхъ исполнителей. Безъ этого условія законъ нерѣдко теряетъ свое значеніе и силу. Не только предметы, подлежащіе разрѣшенію закона, разнообразны: часто одинъ и тотъ же предметъ, одно и то же преступленіе или проступокъ, по обстоятельствамъ, ему предшествовавшимъ и его сопровождавшимъ, представляетъ такіе видоизмѣняющіе отбѣнки, которые отъ слѣдователя и судьи требуютъ особеннаго вниманія, научнаго знанія и опытности.

Обратимъ вниманіе на узаконенія нашего уголовного судопроизводства *о допросѣ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ и о мѣрахъ къ пресѣченію имъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.*

Не только лишить кого-либо свободы, но и брать для допроса, законы наши предписываютъ въ такомъ лишь случаѣ, когда улика въ преступленіи основана на обстоятельствахъ; возбуждающихъ сильное подозрѣніе (уголов. судопр. ст. 100), улики должны быть разсматриваемы со всевозможною осмотри-

тельностью, подъ опасеніемъ взысканія въ пользу обиженнаго безчестія и причиненныхъ ему убытковъ, если онъ взять незаконно и недѣльно (ст. 101); если обвиненіе не подкрѣплено ясными уликами, но и не совсѣмъ не уважительно, то, не приступая ко взятію обвиняемаго, полиція обязана, чрезъ развѣдываніе безъ огласки или иными непредосудительными для обвиняемаго мѣрами, стараться удостовѣриться, есть ли достаточная причина подвергнуть его уголовному слѣдствію (ст. 102), и только тогда, когда улика основана на обстоятельствахъ, возбуждающихъ сильное подозрѣніе, слѣдуетъ брать обвиняемаго къ слѣдствію, не смотря ни на какія личныя его преимущества (ст. 103). Самое препровожденіе обвиняемаго къ допросу требуетъ обхожденія съ нимъ, какъ съ человекомъ, еще не осужденнымъ, который по слѣдствію и суду можетъ быть найденъ невиннымъ (ст. 131). Затѣмъ уже, по приводѣ обвиняемаго, полиція обязана немедленно допросить его, и потомъ, соображаясь съ важностію обвиненія и съ силою уликъ, а также и со званіемъ его, *поставитъ* мѣру содержанія, для пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, соразмѣряя строгость ея съ дѣйствительною необходимостію (ст. 132). Наконецъ, законъ исчисляетъ и самыя эти мѣры; онѣ заключаются въ содержаніи въ тюрьмѣ или при полиціи, въ домашнемъ арестѣ, надзорѣ полицейскомъ и въ отдачѣ на поруки. Избраніе одного изъ этихъ средствъ зависитъ вообще отъ свойства преступленія, отъ силы обвиненія, званія обвиняемаго и отъ большаго или меньшаго подозрѣнія въ намѣреніи сдѣлать побѣгъ (ст. 133).

Такими законоположеніями, казалось бы, для лица обвиняемаго въ преступленіи, установлена достаточная гарантія: законъ положительно запрещаетъ брать къ допросу, если обвиненіе не подкрѣплено ясными уликами, а лишеніе свободы, какъ мѣру предупредительную для пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, законъ допускаетъ только въ случаѣ *дѣйствительной необходимости*.

Какія же причины огромнаго числа заключенныхъ въ на-

шихъ тюрьмахъ и весьма значительныхъ расходовъ казны на ихъ содержаніе? Неужели всѣ эти арестанты доказанные преступники? Нѣтъ;—мы знаемъ, что весьма многие изъ нихъ, освобождаются отъ суда и возвращаются въ ихъ дома. Причину чрезвычайнаго накопленія содержащихся въ тюрьмахъ, по нашему мнѣнію, надобно искать какъ въ редакціи 134 и 137 ст. угол. судопр., такъ и въ недостаткѣ юридическаго образованія слѣдователей и вниманія при первыхъ важныхъ приемахъ къ обнаруженію вины или виновности лица въ преступленіи. По содержанію приведенныхъ статей, «въ тюрьмахъ содержатся *асъ обвиняемые* въ преступленіяхъ, по которымъ опредѣляется лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или же потеря всѣхъ особыхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, особенно, когда подсудимые уже осуждены въ 1-й степени суда; равнобрно въ тюрьмѣ содержатся и тѣ, которые обвинены въ другихъ, менѣе важныхъ преступленіяхъ, но не могутъ представить по себѣ порукъ. Отдача же на поруки допускается по такимъ преступленіямъ, которыя не имѣютъ слѣдствіемъ лишеніе или ограниченіе правъ состоянія».

Если строгость личнаго задержанія должна соразмѣряться съ дѣйствительною необходимостію, то весьма трудная задача, даже для образованнаго, опытнаго и благонамѣреннаго слѣдователя, въ самомъ началѣ слѣдствія, послѣ допроса, соображаясь съ обвиненіемъ и уликами, опредѣлить,—какой изъ предписанныхъ закономъ мѣръ содержанія долженъ быть подвергнутъ обвиняемый. Если есть улики въ важномъ преступленіи, то и мѣру содержанія обвиняемому законъ назначаетъ самую строгую; но возьмемъ, для примѣра, одно изъ самыхъ частыхъ преступленій, подлежащихъ разсмотрѣнію уголовной практики,—воровство-кражу. Преступленіе это, конечно, важно: оно влечетъ за собою лишеніе правъ и преимуществъ, присвоенныхъ состоянію; положимъ, что противъ обвиняемаго есть и улики, но онѣ недостаточны для судебного обвиненія. Какъ поступить въ этомъ случаѣ слѣдователю? На поруки отдать, по буквѣ закона, нельзя заподозрѣннаго въ кражѣ; подвер-

гать полицейскому надзору законъ разрѣшаетъ также только по менѣ важнымъ преступленіямъ (угол. судопр. ст. 135). Справедливо и важно по послѣдствіямъ было бы предоставленіе слѣдователю права обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, подобныхъ тому, о которомъ мы только-что упомянули, заключать не въ тюрьму, а отдавать на поруки или подъ полицейскій надзоръ, даже и въ томъ случаѣ, когда обвиненіе подкрѣпляется уликами, навлекающими на обвиняемаго подозрѣніе въ преступленіи. Слѣдствіе и судъ, какъ бы они долго ни продолжались, должны кончиться или совершеннымъ освобожденіемъ такого подсудимаго отъ суда, или оставленіемъ его въ подозрѣніи. Подсудимый, если онъ заключенъ въ тюрьму, возвращается къ его семейству, или высылается въ Сибирь, потому что общество, къ которому онъ принадлежитъ, не желаетъ имѣть въ своей средѣ содержавшагося въ тюрьмѣ, и слѣдовательно нравственно-испорченнаго, вреднаго человѣка. Въ ожиданіи новой редакціи означенныхъ статей закона, слѣдователю остается руководствоваться осторожностію и челоѣколюбіемъ, внимательно и добросовѣстно изслѣдовать обстоятельства, обвиняющія или оправдывающія, и къ строгой мѣрѣ содержанія обвиняемаго въ тюрьмѣ прибѣгать тогда только, когда улики противъ него, по обстоятельствамъ дѣла и здравому убѣжденію, поведутъ къ доказательству или къ сильному подозрѣнію въ совершеніи преступленія.

Къ сожалѣнію, немногіе изъ нашихъ слѣдователей до настоящаго времени исполняли свою обязанность съ сознаниемъ ея важности: мы знаемъ всю ихъ неподготовленность, отсутствіе юридическаго образованія, скудость ихъ содержанія. При такомъ состояніи слѣдственной части, личность обвиняемаго конечно не могла быть вполне ограждена правильнымъ и совѣстливымъ производствомъ слѣдствія; тюрьмы наши переполнялись заключенными не только безъ достаточныхъ уликъ къ ихъ обвиненію, но иногда по одному только бездоказательному объявленію истца; частное лицо подвергалось аресту, можетъ быть, только для удобства слѣдователя имѣть обвиняемаго всегда подъ рукою во все время производства слѣдствія. Съ отстраненіемъ этихъ

причинъ неудовлетворительнаго состоянія нашего слѣдственнаго производства, т. е. съ порученіемъ слѣдственной части людямъ юридически образованнымъ, имѣющимъ судебный навыкъ, и съ назначеніемъ имъ, по возможности, достаточнаго содержанія, установится правильное, совѣстливое производство слѣдствій.

Законы нашего уголовного судопроизводства ожидаютъ преобразованія. Необходимость пересмотра ихъ, по нашему мнѣнію, признана въ видахъ устраненія произвола слѣдователей и установленія для нихъ возможно точныхъ правилъ, равно и съ цѣлю огражденія подсудимаго въ судѣ болѣе раціональными, на современныхъ требованіяхъ общества основанными положеніями. Пока подробности трудовъ по преобразованію уголовного судопроизводства намъ еще неизвѣстны, обратимся къ учрежденію «судебныхъ слѣдователей» (*) для производства слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ (т. XV кн. II зак. угол. судопр. ст. 7 и 856).

Этимъ полезнымъ и необходимымъ учрежденіемъ выражено не одно желаніе отдѣленіемъ отъ полиціи судебно-уголовныхъ дѣлъ дать ей болѣе средствъ къ успѣшнѣйшему исполненію ея обязанностей: оно имѣетъ также цѣлю огражденіе, болѣе точными правилами, лица, подвергнутаго уголовному слѣдствію, и къ этому оно озаботилось дать и судебнымъ слѣдователямъ болѣе самостоятельное значеніе. Предоставивъ министру юстиціи опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе судебныхъ слѣдователей, учрежденіе это выборъ ихъ поручило начальнику губерніи по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ, преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, занимавшихъ уголовными дѣлами или производившихъ съ успѣхомъ нѣсколько слѣдствій, и притомъ извѣстныхъ начальству опытностію и добросовѣстностію. Обеспечивъ судебныхъ слѣдователей достаточнымъ содержаніемъ, правительство озаботилось установленіемъ кандидатовъ на эту должность, которые избираются начальникомъ губерніи, также

(*) Высочайшій указъ правительствующему сенату, состоявшійся 8 іюня 1860 г.

по соглашенію съ прокуроромъ. Огражденіе самостоятельности судебныхъ слѣдователей ясно изъ положенія, которое изъяло ихъ отъ административной власти губерніи, и подчинило, по взысканіямъ, суду 2-ой степени. Отъ должности же они могутъ быть удалены не иначе, какъ съ преданіемъ суду.

Собственно въ отношеніи призыва къ допросу и задержанія обвиняемыхъ въ преступленіяхъ въ учрежденіи судебныхъ слѣдователей и въ «наказѣ» имъ мы находимъ: 1) судебный слѣдователь объ основаніяхъ произведеннаго имъ задержанія обвиняемаго обязанъ довести до свѣдѣнія того суда, разсмотрѣнію котораго подлежитъ преступленіе или проступокъ, бывшіе поводомъ къ задержанію (учрежд. ст. 14). 2) Призывъ или распоряженіе о представленіи заподозрѣннаго къ допросу имѣетъ мѣсто только тогда, когда открыты улики или доказательства виновности въ совершеніи преступленія или въ участіи съ преступникомъ (наказъ ст. 13). 3) Судебный слѣдователь обязанъ избѣгать напраснаго стѣсненія обвиняемыхъ и потому для пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда долженъ ограничиваться самыми необходимыми мѣрами, и если слѣдователь признаетъ необходимость личнаго задержанія обвиняемаго, то дѣлаетъ о семъ *постановленіе* (наказъ ст. 85 и 86). Наконецъ 4) весьма важно предоставленное обвиняемымъ право отвода судебного слѣдователя; онъ, сверхъ сего, обязанъ и самъ устранять себя отъ производства слѣдствія въ тѣхъ случаяхъ, которые по законамъ уголовного судопроизводства (ст. 298—303 т. XV кв. II) могутъ быть основаніемъ къ отводу судей (учр. ст. 21).

Намъ остается желать, чтобы образованные слѣдователи, сознавая важность ихъ обязанности, были въ распоряженіяхъ своихъ осторожны и внимательны къ лицу обвиняемаго; чтобы они, лишая свободы явно виновнаго въ преступленіи, не спѣшили заключать въ тюрьму тѣхъ обвиняемыхъ, виновность которыхъ или оправданіе будетъ завѣсть отъ дальнѣйшаго развитія слѣдствія. Чѣмъ оправдать преждевременное заключеніе въ тюрьму, отвлеченіе обвиняемаго отъ работъ или занятій, раззореніе его и семейства, когда личное задержаніе, какъ мѣра

пресѣченія способоу уклоняться отъ слѣдствія и суда, допускается только крайнею необходимостію? Тюремному заключенію обвиняемый всегда можетъ быть подвергнутъ по распоряженію суда, когда мѣра эта, по разсмотрѣнннхъ обстоятельствъ дѣла и найденной доказанности преступленія, признана будетъ справедливою.

Мы надѣемся, что судебные слѣдователи, отъ которыхъ мы въ правѣ ожидать совѣстливаго и точнаго исполненія своихъ обязанностей, значительно уменьшатъ число содержащихся въ тюрьмахъ, и тѣмъ дадутъ возможность лицамъ, имѣющимъ надзоръ за содержащимися въ тюрьмахъ, ближе заняться тѣми несчастными, которые дѣйствительно подлежатъ заключенію, и приучать ихъ къ полезнымъ работамъ и къ чтенію.

Законы наши, оправдывая личное задержаніе обвиняемыхъ въ преступленіяхъ только дѣйствительною необходимостію, ограждаютъ постановленіями и подсудимыхъ, уже подвергшихся личному задержанію.

Подсудимымъ, содержащимся въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней, предоставлено приносить совѣстному суду жалобы, если имъ въ теченіе 3-хъ дней не объявлена причина ихъ содержанія въ тюрьмѣ или еще не сдѣланъ имъ допросъ (т. XV кн. II ст. 192).

Приступая къ разсмотрѣнію этого узаконенія, считаемъ не лишнимъ упомянуть, что совѣстные суды изъ шести засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ совѣстнаго судьи, состоятъ въ настоящее время только въ губерніяхъ с.-петербургской и московской. Въ губерніяхъ архангельской, астраханской и олонеккой, дѣла совѣстнаго суда вѣдаются въ мѣстныхъ палатахъ уголовного и гражданскаго суда, по правиламъ, для совѣстныхъ судовъ въ губерніяхъ с. петербургской и московской постановленнымъ. Затѣмъ въ прочихъ 39 губерніяхъ дѣла совѣстнаго суда вѣдаются также въ мѣстныхъ палатахъ уголовного и гражданскаго суда по принадлежности; но въ каждой изъ этихъ губерній состоитъ совѣстный судья, который, въ разсмотрѣннхъ судебныхъ палатами дѣлъ, совѣст-

ному разбирательству подлежащихъ, и въ постановленіи по онымъ рѣшеніи, участвуетъ въ качествѣ старшаго послѣ предсѣдателя палаты.

Къ обязанностямъ совѣстныхъ судовъ, (а гдѣ ихъ нѣтъ, совѣстнаго судьи или палаты), численнымъ въ 1 и 2 примѣч. къ 2438 ст. II т. общ. губерн. учрежд. по 2 прод. и 2448 ст. II т., относится, какъ мы сказали, и разсмотрѣніе дѣлъ по жалобамъ о содержаніи подѣ стражею болѣе 3-хъ дней безъ допроса.

Изложенное въ 192 ст. узаконеніе, сколько намъ извѣстно, на практикѣ находило весьма рѣдкое примѣненіе, и вѣроятно потому, что причину заключенія въ тюрьму объясняетъ подсудимому допросъ, который долженъ быть отобранъ прежде заарестованія. Мы далеки отъ мысли защищать чистоту дѣйствій прежнихъ слѣдователей, но полагаемъ, что случаи личнаго задержанія безъ допроса были рѣдки, а съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей будутъ невозможны.

Далѣе въ той же статьѣ говорится, что требованіе совѣстнаго суда по жалобѣ подсудимаго должно быть исполняемо немедленно, и если оно останется безъ исполненія болѣе сутокъ, то виновные въ томъ *предсѣдатель и засѣдатели* подвергаются взысканіямъ по ст. 378 улож. о наказ. По содержанію этой статьи, означенное требованіе совѣстнаго суда относится къ судебному мѣсту: это подтверждаетъ указъ, состоявшійся 7 ноября 1775 г. объ учрежденіяхъ для управленія губерній, въ 401 ст. котораго, между прочимъ, опредѣлена пеня въ 300 рублей съ предсѣдателя и 100 рублей съ засѣдателей за оставленіе *судебнымъ мѣстомъ* требованія совѣстнаго суда безъ исполненія болѣе сутокъ. Въ послѣдствіи (Высочайше утвержденное 14 ноября 1831 года мнѣніе государственнаго совѣта) денежные пени хотя и замѣнены другими взысканіями, тѣмъ не менѣе указъ 7 ноября 1775 г. остался основаніемъ 192-ой и слѣдующихъ двухъ статей уголовного судопроизводства. Но какое дѣло можетъ быть окончено слѣдствіемъ и представлено въ судъ въ три

дня тюремнаго заключенія подсудимаго? Можно допустить, что подсудимый взятъ подъ стражу предъ самымъ поступленіемъ дѣла въ судъ или по распоряженію самаго суда. Но въ такомъ случаѣ, въ дѣлѣ не можетъ не быть вопроса подсудимому и слѣдовательно ему не можетъ не быть извѣстна причина его заключенія въ тюрьму.

Намъ можетъ быть возразить, что изложенная въ 192 ст. зак. угол. судопр. обязанность доставлять совѣстному суду свѣдѣнія по жалобамъ подсудимыхъ относится не къ однимъ судебнымъ мѣстамъ, но также и къ слѣдователямъ или полиціи, такъ какъ въ прежнее время судъ не былъ еще отдѣленъ отъ полиціи и оба эти вѣдомства совокунно именовались судомъ, и что поэтому подъ судомъ разумѣли тогда не только дѣйствіе собственно судебное, но и дѣйствіе полицейское, по производству слѣдствія (зак. угол. судопр. ст. 317 и примѣч. къ ней). На это мы отвѣтимъ, что если бы приведенный указъ 7 ноября 1775 г., на которомъ основана 192 ст. зак. угол. судопр., подъ именемъ суда, предсѣдателя и засѣдателей разумѣли не только судебное мѣсто и его членовъ, но также полицію и ея членовъ, то мы не нашли бы въ этомъ же указѣ статей 243, 245, 266 и 268, по нашему мнѣнію ясно разграничивающихъ обязанности земскихъ исправниковъ и городничихъ отъ дѣйствій судебныхъ мѣстъ. По содержанію этихъ статей указа 7 ноября 1775 г., земскій исправникъ и городничій обязаны изслѣдовать всякое насиліе или похищеніе чего-либо въ уѣздѣ или городѣ, допросить свидѣтелей, и затѣмъ обо всемъ дать знать уѣздному суду, въ который отсылаются и виновные. Ни земскій исправникъ, ни городничій сами собою не могутъ налагать на виновныхъ пени или наказанія: право это, означеннымъ указомъ, предоставлено только суду по законамъ. Конечно, въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ отдѣленіе суда отъ полиціи выражено болѣе положительно. Такъ, въ «уставѣ благочинія или полицейскомъ» (указъ 8 апрѣля 1782 г.) изображено, что управа благочинія или полиція должна дѣло о каждомъ преступленіи, не подлежащемъ ея рѣшенію, по изслѣдованіи, отослать въ судебное

мѣсто, куда надлежитъ по законамъ; вѣдомству же полиціи предоставлены дѣла о кражѣ и мошенничествѣ на сумму ниже 20 рублей (ст. 37, 42, 70 и 72). Наконецъ манифестомъ 25 іюня 1811 г. «объ учрежденіи министерства полиціи», непосредственному дѣйствию полиціи предоставлены однѣ маловажныя полицейскія вины и способы воздержанія отъ оныхъ; во всѣхъ прочихъ винахъ, полиціи принадлежитъ производство слѣдствія и всѣ мѣры къ тому относящіяся; съ окончаніемъ же слѣдствія дѣйствія полиціи пресѣкаются и дѣло поступаетъ въ судъ установленнымъ порядкомъ (§§ 75 и 76).

Указаніемъ на прежнія узаконенія мы старались подтвердить наше мнѣніе, что изложенная въ 192 ст. зак. угол. судопр. обязанность немедленно доставлять совѣстному суду свѣдѣнія по жалобамъ подсудимыхъ, относится только къ судебнымъ мѣстамъ, и что если распространить эту обязанность также на слѣдователей и вообще на мѣста и лица, по распоряженію которыхъ заключенъ подъ стражу подсудимый, жалующійся на неотобрание отъ него допроса, то должна быть измѣнена редакція 192 и слѣдующихъ двухъ статей зак. угол. судопр.

Продолжая разборъ 192 ст., мы въ ней находимъ ограниченіе, постановленное для обвиняемыхъ въ преступленіяхъ государственныхъ, означенныхъ въ статьяхъ 275—280 и 282—287 улож. о наказ., въ смертоубійствѣ, закигательствѣ, разбоѣ, грабежѣ, воровствѣ—кражѣ и воровствѣ—мошенничествѣ. Обвиняемые въ этихъ преступленіяхъ лишены права приносить жалобы совѣстному суду на оставленіе ихъ безъ допроса въ теченіе 3-хъ дней ихъ тюремнаго заключенія. Такое ограниченіе лицъ, обвиняемыхъ въ важныхъ преступленіяхъ, по нашему мнѣнію, не оправдывается началомъ права, справедливостію. Если законъ допускаетъ возможность случаевъ взятія подсудимыхъ въ тюрьму безъ объясненія имъ причинъ такой мѣры, то причины эти обвиняемымъ въ важныхъ преступленіяхъ знать не менѣе необходимо, чѣмъ тѣмъ, которые обвиняются въ маловажныхъ проступкахъ. Опредѣляетъ же законъ взысканіе чшповнику, который, взявъ кого-либо подъ стражу

по подозрѣнію въ преступленіи или проступкѣ, въ теченіе первыхъ затѣмъ трехъ сутокъ не приступить къ производству допроса, или, по крайней мѣрѣ, не объяснить задержанному имъ причину задержанія (улож. о нак. ст. 475). Смысль этой статьи не ведетъ къ заключенію, оправдывающему слѣдователя въ нарушеніи имъ законнаго порядка и обязанностей въ отношеніи лицъ, обвиняемыхъ въ важныхъ преступленіяхъ. Кромѣ того, самое исчисленіе въ 192 ст. важныхъ преступленій мы считаемъ неполнымъ: не говоря уже о томъ, что въ этой 192 ст. нѣтъ указанія на ст. 290 и 293 улож., въ которыхъ назначается уголовное наказаніе за преступленія противъ народнаго права, мы находимъ во всѣхъ двѣнадцати раздѣлахъ уложенія весьма много предусмотрѣнныхъ преступленій, послѣдствіемъ которыхъ бываетъ не только наказаніе исправительное, но и тяжкое уголовное, — лишеніе всѣхъ правъ состоянія, наказаніе плетью чрезъ палачей, заклеяніе и каторжныя работы или ссылка на поселеніе; а между тѣмъ преступленія эти 192 ст. угол. судопр. не поставлены препятствіемъ къ принесенію со-вѣстному суду жалобы на неотобраніе отъ подсудимаго допроса въ теченіе трехъ дней его тюремнаго заключенія. Въ подтвержденіе нашего вывода достаточно указать на нѣкоторыя такія преступленія: богохуденіе въ церкви или въ публичномъ мѣстѣ (улож. ст. 192), лживую присягу (270 и 271 ст.), подлоги по службѣ (ст. 403 и 404), неправосудіе изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ (ст. 408), вымогательство (ст. 421), мужеложство (ст. 1348 и 1349) и другія. И такъ, по смыслу 192 ст. угол. судопр., совѣстный судъ не отступить отъ буквы закона, если приметъ и дастъ ходъ жалобѣ лица, сдѣлавшаго подлогъ по службѣ, или кривосуда и вымогателя, и въ тоже время не приметъ прошенія отъ крестьянина, сдѣлавшаго кражу, можетъ быть, по крайней нуждѣ. По нашему мнѣнію, справедливость и законъ должны допускать все способы къ оправданію противъ обвиненія, независимо отъ степени важности этого обвиненія.

Въ слѣдующихъ 193 и 194 ст. мы читаемъ: «по представленію въ совѣстный судъ какъ объясненія, такъ и подсу-

димаго, судъ этотъ, не выходя изъ присутствія, дѣлаетъ опредѣленіе объ освобожденіи подсудимаго на поруки, какъ въ отношеніи поведенія его, такъ и представленія его къ тому суду, который самимъ подсудимымъ избранъ будетъ, куда совѣстный судъ *отсылаетъ и дѣло*. Воспользовавшійся таковымъ правомъ совѣстнаго суда не можетъ по тому же дѣлу прежде рѣшенія онаго подвергнуться быти тюремному заключенію. Если же совѣстный судъ усмотритъ, что подсудимый сдѣлалъ ложное показаніе, или если онъ порукъ по себѣ не представитъ, то возвращаетъ его въ прежній судъ, а за ложное показаніе подвергаетъ наказанію по 1209 ст. улож. о наказ.».

Предоставленное совѣстному суду приведенными узаконеніями право отсылать уголовное дѣло въ тотъ судъ, который будетъ избранъ самимъ подсудимымъ, приводитъ насъ къ заключенію, что на совѣстные суды не распространяется правило, изложенное въ 18 ст. и въ примѣчаніи къ ней уголов. судопр., что «всякое преступленіе изслѣдывается въ томъ городѣ или уѣздѣ, гдѣ оно учинено, и судится въ томъ судѣ, ко- ему тотъ городъ или уѣздъ по уголовнымъ дѣламъ подсуденъ, и что *переводъ дѣлъ* изъ одного въ другое мѣсто 1-й степени одной и той же губерніи разрѣшается правительствующимъ сенатомъ, съ согласія министра юстиціи». Предметъ этотъ требуетъ, по нашему мнѣнію, разъясненія въ самомъ законѣ.

Совѣстному суду 194 статьею разрѣшается подвергать подсудимаго наказанію на основаніи 1209 ст. улож. о наказ., если усмотритъ, что имъ сдѣлано ложное показаніе. Мы полагаемъ, что 1209 ст. относится къ ложнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ, какъ по содержанію своему, такъ и потому, что она помѣщена въ отдѣленіи статей озаглавленныхъ: «о лжесвидѣтельствѣ и ложныхъ показаніяхъ на повальныхъ обыскахъ». — Ложное же показаніе подсудимаго, по нашему мнѣнію, составляетъ обстоятельство, на основаніи 10 п. 141 ст. улож. о нак. увеличивающее вину и наказаніе за то только преступленіе, въ которомъ подсудимый будетъ

судомъ признанъ виновнымъ. Это наше мнѣніе отчасти подкрѣпляется указомъ 7 ноября 1775 г., ст. 401, въ которой сказано: возвращать подсудимаго, показавшаго ложно, что онъ еще не допрошенъ, «въ тюрьму пуще прежней.» Выраженіе это, въ послѣдствіи Высочайше утвержденнымъ 21 января 1846 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, замѣнено опредѣленіемъ за ложное показаніе наказанія по уложенію о наказаніяхъ.

Говоря о необходимости предоставленія подсудимымъ всѣхъ возможныхъ средствъ къ своему оправданію, мы считаемъ не лишнимъ внести въ наши замѣтки нѣкоторыя узаконенія о *жалобахъ* или *отзывахъ* на рѣшенія по дѣламъ уголовнымъ.

Наши законы не допускаютъ жалобъ на окончательныя рѣшенія уголовныхъ палатъ въ правительствующій сенатъ по важнымъ преступленіямъ, на томъ основаніи, что по этимъ преступленіямъ всѣ дѣла поступаютъ установленнымъ порядкомъ на ревизію, частію въ уголовныя палаты, частію же восходятъ и въ правительствующій сенатъ, и что поему законъ и безъ просьбы подсудимыхъ самъ собою доставляетъ всѣ нужные способы къ ихъ защитѣ и оправданію (угол. судопр. ст. 461), и вообще законы наши разрѣшаютъ подавать отзывы по тѣмъ дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, которыя, на основаніи установленнаго въ 364 ст. угол. судопр. порядка, не вносятся на ревизію въ уголовную палату, т. е. по дѣламъ, которыя не подвергаются подсудимаго лишенію всѣхъ правъ состоянія, или же лишенію всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, или наконецъ ограниченію нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ, по ст. 54 улож. о наказ. (ст. 463.)

Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе, что уголовныя палаты, имѣющія въ настоящее время судей, подготовленныхъ юридическимъ образованіемъ и судебнымъ навыкомъ, обезпечиваютъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, правильность постановленныхъ рѣшеній. Притомъ же рѣшенія эти поступаютъ на просмотръ къ губернскимъ прокурорамъ

и на утверждение къ начальникамъ губерній, — къ лицамъ, обязаннымъ по закону наблюдать за правильностію судебныхъ рѣшеній. Мы знаемъ однакожъ не мало примѣровъ, что приговоры уголовныхъ палатъ, внесенные съ дѣлами въ высшую судебную инстанцію, въ слѣдствіе прокурорскихъ протестовъ, подвергались отбѣнамъ или измѣненіямъ въ существѣ. А если бы случилось, что и лица, имѣющія надзоръ за правильностію такихъ рѣшеній, оставили ихъ безъ возраженій, то приговоренному, по званію своему не изъятому отъ тѣлеснаго наказанія, осталось бы одно: принесть жалобу на рѣшеніе правительствующему сенату по приведеніи надъ нимъ приговора въ исполненіе, изъ арестантскихъ ротъ или изъ мѣста ссылки (угол. судопр. ст. 484.) Конечно, потерпѣвшему наказаніе, если онъ найденъ будетъ въ послѣдствіи невиннымъ, возвращаются всѣ прежнія права его состоянія, и наказаніе не вмѣняется ему въ безчестіе, а съ судьей, по приговору которыхъ онъ понесъ наказаніе или безвинно или выше мѣры, сверхъ узаконенной ответственности по службѣ, производится соразмѣрное въ пользу его взысканіе вознагражденія (угол. судопр. ст. 490); но соответствуетъ ли матеріальное вознагражденіе правительственному чувству стыда, униженія, обиды, при сознаніи, что наказаніе понесено безвинно?

К. ПОПЕ.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

НА

АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

Всякое уголовное преступление нарушает интересы всего общества или его членов и искажает достоинство гражданского общества. Поэтому всякое государство старается противодействовать последствиям такого незаконного движения, то посредством мѣръ предупреждения, то угрозою наказанія. Дѣло предупреждения оно ввѣряет властямъ, называемымъ въ настоящее время полицією, police, ministère public; право же наказанія передаетъ власти судебной. Если задача первой важна и не легка, то дѣло послѣдней еще труднѣе и щекотливѣе. Отъ несоблюдения интересовъ общественныхъ государство терпитъ вредъ, но неправильное дѣйствіе судебныхъ органовъ причиняетъ прямое зло обществу. Судъ обладаетъ огромными средствами. Онъ лишаетъ челоуѣка свободы гражданской или даже и физической; подвергаетъ его разнымъ лишениямъ и страданіямъ, изгоняетъ его изъ общества и даже можетъ отнять ему жизнь, разрушить его существованіе. Такая грозная сила должна быть сдержана непременно закономъ, движеніе ея должно быть определено строгими правилами. Если оно будетъ дѣйствовать слабо, то оно не покоритъ разрушительныхъ элементовъ; если же ей позволятъ руководствоваться произволомъ, то для личности и для общества могутъ

возникнуть еще большія несчастія. Тогда извращаются понятія народа о справедливости, нравственность его приходитъ въ упадокъ и неправедный судъ обогащаетъ страну цѣлыми потоками невинной крови. Грустные и неоднократные примѣры исторіи служатъ тому доказательствомъ.

Дѣйствительно, съ древнѣйшихъ временъ мы замѣчаемъ во всѣхъ народахъ стремленіе дать правильный ходъ этой власти. Сужденіемъ въ темнотѣ, подъ покрывалами, дробленіемъ вопроса на категоріи, защитою преступника, испытываніемъ непосредственнымъ воли Божіей, старались люди, сообразно своимъ понятіямъ и своимъ средствамъ, придать суду характеръ правосудія, справедливости.

До настоящаго времени идетъ эта работа. Сознывая вполне ея громадную важность, мы обращаемся къ изученію успѣхъ англійскаго народа, какъ самыхъ удачныхъ въ настоящее время. Систему англійскаго судопроизводства можно назвать дѣйствительно образцовою по высокимъ идеямъ, лежащимъ въ ея основаніи, по бережливому охраненію правъ личности, по гуманности взгляда на преступника и обширности масштаба для оцѣнки преступления, по всѣмъ тѣмъ признакамъ, однимъ словомъ, которыми она умѣетъ внушить обществу полное довѣріе и уваженіе къ себѣ.

Мы, впрочемъ, расширимъ еще нашу задачу. Мы обратимъ вниманіе на опытъ перенесенія англійской системы на другую почву. Взглянемъ на французскую процедуру и рассмотримъ, что возникло изъ сочетанія идей, выработанныхъ англо-саксонскимъ племенемъ, съ французскими, столь отличными и своеобразными элементами. Задача такая имѣетъ интересъ современный. Новое человѣчество отличается именно тѣмъ, что все добытое однимъ народомъ переходитъ въ общее достояніе всей цивилизованной семьи. Благотворныя послѣдствія такого воздѣйствія обнаруживаются въ полной силѣ всегда, если только перенесеніе совершено правильно, если новое со старымъ приведено въ органическую связь.

Англійская система дѣйствуетъ, кромѣ Англій, еще въ Шотландіи, въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ,

гдѣ она получила даже болѣе развитіе, во Франціи, Бельгійи, Пруссіи, многихъ мелкихъ государствахъ Германіи. Для полноты нужно было бы обозрѣть всѣ эти модификаціи института присяжныхъ, выработаннаго долготѣми усиліями Британіи, но, по скудости средствъ, которыя мы могли имѣть въ своемъ распоряженіи, мы должны ограничиться изученіемъ первообраза и одного опыта пересадки, именно, на французскую почву.

Методъ нашъ будетъ сравнительный. Параллельно мы изложимъ общія основанія, рассмотримъ устройство органовъ судебного движенія, перейдемъ къ изслѣдованію самыхъ дѣйствій судовъ англійскихъ и французскихъ, наконецъ въ послѣднемъ сравнительномъ взглядѣ постараемся представить послышки для заключительнаго силлогизма. Начнемъ съ Англійи и притомъ съ краткаго историческаго введенія.

ЧАСТЬ I.

СУДОУСТРОЙСТВО.

I.

АНГЛІЙСКАЯ СИСТЕМА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЕЯ ПРОИСХОЖДЕНІЕ.

Ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ происхожденія института присяжныхъ, всѣ единомысленно находятъ первые его зародыши въ древнегерманской общинѣ. Когда преступленіе было совершено не въ присутствіи суда или когда преступника, пойманнаго *in flagrante delicto*, не привела съ крикомъ и шумомъ толпа, то однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ доказать виновность или невинность было, кромѣ ордалій, свидѣ-

тельство сосѣдей (Verwandten und Genossen). Ихъ бывало рѣдко меньше 7-ми и больше 12-ти.

На британской почвѣ связь членовъ англійской общины дѣлается еще тѣснѣе и прочнѣе. Повсемѣстно тамъ образовались общества, основанныя на началѣ круговой поруки. Всякіе свободные десять человекъ могли составлять ассоціацію, въ которой всѣ члены ручались за каждого, защищали его и несли за него отвѣтственность. Личный интересъ принуждалъ всякаго входить въ такой поручительный союзъ (pledge), потому что человекъ, не имѣвшій заступниковъ, могъ быть убитъ безнаказанно. Короли, заинтересованные въ дѣлѣ земскаго мира, покровительствуютъ этому учрежденію. Мало по малу, подъ влияніемъ единачей королевской власти изъ friborg'овъ (наименьшихъ общинъ, называемыхъ также десятками (theothings), образуются сотни (hundreds) и ширы (scires). Они находятся въ законахъ Эдуарда исповѣдника.

Кромѣ того, уже при Альфредѣ великомъ, мы замѣчаемъ присутствіе новаго элемента въ этихъ союзахъ: руководителями народныхъ собраній являются таны (thegenas), графы (eorls) и лорды (lords). Всѣ они происходятъ изъ ближайшихъ спутниковъ и представляютъ особу короля, который олицетворяетъ въ себѣ идею государственнаго единства, препятствуетъ разпаденію его на общинные атомы, защищаетъ невложенныхъ въ плеги членовъ и является источникомъ правосудія.

Два эти элемента—мѣстный и государственный—сохраняютъ свое правильное, нормальное отношеніе и во времена датскаго владычества. Кануть не только не разрушаетъ общины, но даже усиливаетъ ея развитіе. Онъ повелѣваетъ, чтобы всякое лицо, прожившее 12-ть зимъ, вкладывалось въ friborg, если оно хочетъ удостоиться преимуществъ свободного человека: очистительной присяги, виры и. т. п. Впослѣдствіи, людей, не состоящихъ въ плеги, преслѣдуютъ какъ бродягъ.

Главная обязанность общины состояла въ храненіи земскаго мира. Кануть, боясь за своихъ датчанъ, велѣлъ брать отъ каждого вновь вступающаго присягу, что онъ ни самъ не совершитъ никакого преступленія, ниже будетъ участвовать

въ совершении оного другими. Община подвергалась ответственности, если позволила схоронить найденное въ ея предѣлахъ мертвое тѣло прежде, чѣмъ будетъ произведено нужное сабдствіе. Вообще при всякомъ преступленіи, совершенномъ на ея грунтѣ, начальникъ ея съ двумя товарищами долженъ былъ передъ судомъ объявить свою непричастность преступленію и подтвердить слова присягою. Это впрочемъ не освобождало общину отъ обязанности платить обиженному виру изъ имущества виновныхъ или изъ своего собственного, если первое было недостаточно. Такимъ образомъ, община постоянно заинтересована въ преслѣдованіи преступниковъ и въ охраненіи страны отъ людей безпокойныхъ.

Отдѣльно отъ общинъ стояла только феодальная аристократія. Бароны епископы, лорды имѣли въ своихъ участкахъ (lordships, baronies manors) сами судебную власть.

Вильгельмъ завоеватель относится также дружелюбно къ общинамъ: *Omnis homo, qui voluerit se teneri pro libero, qui sibi vult justitiam exhiberi vel se pro legali et justiciabili haberi, sit in francplegio*. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воздвигаетъ гоненіе на великихъ вассаловъ, вступаетъ въ борьбу съ феодализмомъ и начинаетъ собою время усиленія королевской власти.

Переворотъ этотъ отразился и въ области уголовной. Нормандскіе короли и Плантагенеты централизируютъ власть судебную. Отнимая ее у мѣстныхъ шерифовъ, они поручаютъ управленіе судебными дѣлами странствующимъ осудьямъ (первые въ 1176 г.), отряженнымъ прямо изъ *Curia Regis*. Общественный порядокъ переименовывается теперь въ «королевскій миръ», приговоры судебные получаютъ названіе «*placita corone*», коронеры, шерифы, мирные судьи выступаютъ въ качествѣ орудій монарха. Но это измѣненіе общественнаго порядка не ослабило общиннаго элемента. Короли, въ видахъ болѣе дѣятельнаго охраненія общественныхъ интересовъ, хотятъ ввести инквизиціонное начало, но для этого они должны были отнестись опять таки къ общинамъ. Шерифамъ или особенымъ комиссарамъ были даваемы инструкции, *capitulas*, по ко-

торымъ они предлагали общинѣ запросы о случившихся здѣсь преступленіяхъ и о преступникахъ. Свидѣтельство 12-ти чело-
вѣкъ считалось общимъ мнѣніемъ (*fama patriae, fama publi-*
ca). Эта процедура называлась инквизиціей (*inquisitio, inquest*,
самое же обвиненіе *praesentatio, presentment*). Изъ этихъ очисти-
тельныхъ судовъ въ XIV в. образовались обвинительные присяжные
(*Grand Jury*), выбираемые уже изъ цѣлаго графства. Они не сами
жалуются на преступника, но обсуживаютъ жалобу, принесен-
ную другимъ частнымъ или официальнымъ лицомъ и ставятъ
подсудимаго въ состояніе обвиненія.

Такимъ образомъ королевская власть восполнила то, чего
не доставало общинѣ, придала ей новые органы дѣятельности, не
разрушая ея и не касаясь добрыхъ ея сторонъ. *Magna Charta*
1215 г. признаетъ съ одной стороны судъ народный (*judi-*
cium parium, lex terrae), съ другой власть короля, какъ источ-
ника правосудія.

Между тѣмъ во времена Генриха II, въ замѣнъ устарѣв-
шихъ судебныхъ доказательствъ (суда Божія и поединка), являет-
ся другая система рѣшать вопросы—*per recognitores*. Первонач-
ально только въ дѣлахъ гражданскихъ, въ спорахъ о собствен-
ности, о владѣніи, о казенныхъ повинностяхъ, въ дѣлахъ съ
мѣстнымъ, а не личнымъ характеромъ и въ дѣлахъ фискаль-
ныхъ—судъ велѣлъ назначать четырехъ рыцарей, которые вы-
бирали изъ *hundred'a 12 legales milites ad recognoscendum*,
подчиненныхъ широкому въ то время праву отвода со стороны
обвиненнаго. Они даютъ клятву, произносятъ свой вердиктъ,
основанный на томъ, «что они сами видѣли, слышали, или отъ
«отцовъ узнали, или отъ такихъ людей, къ которымъ питали
«полное довѣріе». Ассиза эта (*assise*) представляла собою
всю сотню и выражала какъ бы общественное мнѣніе о данномъ
вопросѣ. Такое судопроизводство вскорѣ возбудило симпатію и
выборнымъ тяжущіеся начали передавать право рѣшенія и дру-
гихъ споровъ на третейскомъ началѣ. Это называлось: *assisa*
vertitur in juratam.

Запрещеніе церковью судовъ Божіихъ 1219 г. произвело
большое замѣшательство въ тогдашней процедурѣ. Чтобы по-

мочь горю, дозволено было обвиненнымъ ссылаться на приговоръ обвинительныхъ присяжныхъ, какъ на представителей своей общины. Обвиненный обыкновенно говорилъ, что онъ хочетъ защищаться «by god and my country». Наконецъ при Эдуардѣ III судебные присяжные отдѣлены отъ обвинительныхъ и такъ какъ первые выбирались только изъ своей сотни, а послѣдніе изъ всего графства, то съ этого времени и установились названія Grand Jury, Petty Jury.

Вотъ къ какимъ отдаленнымъ временамъ возводится полная уже организація суда присяжныхъ.

При Тюдорахъ, впрочемъ во времена наибольшей силы королевской власти, мы видимъ, что институтъ присяжныхъ отъсненъ простыми коронными судами.

По причинѣ неразвитости и не совсѣмъ строгой честности присяжныхъ, Генрихъ VII-ой отнимаетъ у нихъ завѣдываніе самыми важнѣйшими преступленіями и устанавливаетъ для послѣднихъ особенную, Звѣздную Палату (Star Chamber), составленную изъ члена Privy Council и изъ двухъ судей. Палата эта была главнымъ судилищемъ Англіи до временъ Стюартовъ. Извѣстно, что злоупотребленія Звѣздной Палаты были одною изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ революцію и катастрофу 1648 г. Съ революціи этой присяжные опять занимаютъ свое прежнее мѣсто въ государственномъ устройствѣ Англіи. Не смотря на многія свои несовершенства, они были предметомъ особенной любви народа, особенныхъ похвалъ парламента, и они быстро созрѣваютъ. Уже въ 1670 г. присяжные мужественно отстаиваютъ свой очистительный приговоръ въ дѣлѣ Пенна противъ пристрастнаго суда. Наконецъ bill of rights и act of settlement упрочиваютъ устройство Англіи и даютъ присяжнымъ независимое положеніе. Вниманіе народа теперь обращается на внутреннее строеніе института и вотъ, подъ голосъ журналистики и общественнаго мнѣнія, онъ постоянно преобразуется и совершенствуется. Важнѣйшія реформы въ судѣ присяжныхъ въ послѣднее время произве-

дены законами 1825, 26, 27, 1835, 1848 г., которые при-
дали ему правильное и разумное строение.

Уже изъ этого историческаго обзорѣнія можно было за-
мѣтить, что въ англійскомъ судилищѣ должны были явиться
два элемента—власть королевская, представительница государ-
ственного интереса, и элементъ общинный, народный, какъ за-
щитникъ отдѣльной личности.

Въ настоящемъ составѣ суда первый представляется пред-
сѣдательствующимъ судьей, а второй присяжными. Дѣйствіе
обоихъ опредѣлено общимъ древнимъ правиломъ, что государ-
ственная карательная власть не можетъ быть приложена до тѣхъ
поръ, пока само общество, въ лицѣ 12 своихъ представителей,
не выдастъ ей своего члена, какъ виновнаго и достойнаго на-
казанія. Только съ минуты изреченія присяжными «guilty»
судья можетъ считать подсудимаго правонарушителемъ, пре-
ступникомъ, опредѣлить юридическій характеръ его дѣянія и
подвергнуть его отъ имени оскорбленнаго общества наказанію,
экспіаціи.

Вторая черта состоитъ въ томъ, что дѣло обвиненія не ввѣ-
рено въ Англїи какой нибудь особенной государственной власти,
а передано въ частныя руки. Государство не беретъ на себя
обязанности разузнавать и розыскивать преступленія. Это дѣло
всякаго гражданина, затронутаго преступленіемъ. Такъ, напри-
мѣръ, въ дѣлѣ Слоунъ (Sloane) судья вызываетъ, не найдется ли
обвинитель, и если бы адвокатъ попечительнаго о бѣдныхъ об-
щества не взялъ на себя труда провести обвиненіе, то дѣло не
могло бы поступить въ судъ. Только для преступленій про-
тивъ государства, которыя могутъ, не задѣвая никого лично,
угрожать всему обществу, установлены королевскіе адвокаты,
Attorney General и Solicitor General. Но ни тотъ, ни другой не
имѣютъ никакихъ особенныхъ привилегій. Они тѣже адвокаты,
какъ и частные, и въ случаяхъ особенно важныхъ, запутан-
ныхъ, предлагаютъ свои услуги и частнымъ лицамъ, конечно,
за хорошій гонорарій. De jure они могли бы выступать въ
каждомъ процессѣ, но de facto они являются обвинителями толь-
ко въ дѣлахъ, касающихся общаго блага и государственныхъ

интересовъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ роль обвинителя принадлежитъ частному лицу.

Поэтому, въ третьихъ, судъ англійскій остается спокойнымъ зрителемъ борьбы между обвиняющимъ и обвиняемымъ; онъ не питаетъ ни къ какой сторонѣ ни ненависти, ни расположенія; взвѣшиваетъ ихъ доводы и, только по надлежащемъ сличеніи всего выслушаннаго, составляетъ мнѣніе о дѣлѣ, которое уже превращается въ несокрушимый, неизмѣнный приговоръ. Такое вполне безпристрастное отношеніе суда къ подсудимому внушаетъ обществу полное довѣріе и уваженіе къ его справедливости.

Эти три черты: разграниченіе власти отъ сужденія, равенство партій и обвинительное начало составляютъ главные отличительные признаки англійскаго судопроизводства.

Ясно, что правильное дѣйствіе такимъ образомъ устроенной судебной власти возможно только въ томъ обществѣ, гдѣ сознаніе гражданскихъ обязанностей сдѣлалось принадлежностью каждаго гражданина. Англичанинъ не будетъ ждать, пока лицо чиновное начнетъ официальное слѣдствіе объ убійствѣ, поджогѣ и т. п.; онъ непременно проведетъ самъ обвиненіе или обратится къ атторнею генеральному, частному, содержащему городомъ, корпорацію и т. п. Въ 1838 г. было уже 500 ассоціаций съ цѣлью преслѣдовать разныя преступленія.

Сознаніе общественнаго интереса сильно коренится въ сознаніи англійскаго гражданина, проходить чрезъ всѣ его убѣжденія и возведено имъ до идеальнаго олицетворенія. Хранителемъ общаго мира, гражданскаго порядка, и теперь, какъ во времена нормандскія, является въ соображеніи англичанина монархъ. Образу его приданы самыя идеальныя черты. She (the queen) is the fountain of justice; отъ каждаго преступленія ликъ этотъ омрачается; каждый правонарушитель оскорбляетъ королеву, ея корону и достоинство, дѣлается ея противникомъ.

Перейдемъ теперь къ болѣе подробному очерку этой системы и начнемъ предварительно съ судоустройства.

СОСТАВЪ АНГЛІЙСКАГО УГОЛОВНАГО СУДА.

Предсѣдательствуютъ въ судѣ, управляютъ преніями и назначаютъ соотвѣтственное доказанному преступленію наказаніе судьи, отражаемые ежегодно изъ трехъ высшихъ судебныхъ мѣстъ Англіи: *Queens Bench*, *Common Pleas* и *Exchequer*.

Такъ какъ каждый изъ этихъ судовъ состоитъ изъ предсѣдателя и 4 судей, то во всей Англіи находится судей только 15 человѣкъ; они называются *Justices*, а члены *Exchequer* — *Barons*.

При такомъ маломъ количествѣ предсѣдательствующихъ и судей, они должны объѣзжать поочередно всѣ графства (которыхъ въ одной собственно Англіи считается 40), чтобы удовлетворить требованіямъ многолюдной страны. Поэтому два раза въ году (лѣтомъ и весною) они отправляются изъ Лондона по двое во всѣ шесть округовъ (*circuits*), изъ которыхъ каждый содержитъ нѣсколько графствъ.

Тѣ же судьи по возвращеніи въ Лондонъ въ своемъ полномъ собраніи образуютъ три высшія ревизіонныя и апелляціонныя мѣста, именно *Court of Queens Bench* по преимуществу для уголовныхъ, *common Pleas* для гражданскихъ и *Exchequer* для финансовыхъ, коммерческихъ, казенныхъ дѣлъ.

Такая экономія въ составѣ высшаго судебного персонала приноситъ много выгодъ въ разныхъ отношеніяхъ.

1) Государство можетъ окружить ихъ всѣмъ блескомъ и великолѣпіемъ, необходимымъ для представителей правосудія. Это сановники, независимые ни отъ какой другой власти въ государствѣ, не подчиненные никакому постороннему вліянію, пожизненные и несмѣняемые. Смѣщены они могутъ быть только по прошенію обѣихъ палатъ къ королевѣ. Такой независимый судья можетъ судить совершенно покойно.

2) При ограниченномъ числѣ ихъ не трудно найти всегда людей достойныхъ, которымъ бы можно было безъ опасенія ввѣрить столь трудныя обязанности и столь обширныя

права. Дѣйствительно, опытъ и практика подтверждаютъ этотъ выводъ. Судьи англійскіе выбираются изъ лучшихъ представителей адвокатскаго сословія и отличаются почти всегда обширнымъ юридическимъ образованіемъ, часто замѣчательнымъ талантомъ, но преимущественно твердостью и чистотою характера. Многіе изъ нихъ извѣстны какъ знаменитые писатели по предметамъ уголовного права.

3) Будучи всѣ членами однихъ высшихъ судилищъ, они всѣ пропитываются одними началами и, слѣдовательно, разѣхавшись по провинціямъ, наилучшимъ образомъ могутъ представлять единство англійскаго закона и требованій гражданскаго общежитія.

Такимъ образомъ, англійскіе предсѣдатели въ судахъ ассизовъ обладаютъ всѣми средствами, нужными для внушенія народу уваженія къ ихъ сану. И дѣйствительно, уваженіе это очень велико, довѣріе къ нимъ почти безгранично. День въѣзда судей въ главный городъ графства считается торжественнымъ: шерифъ, гвардія, толпы народа встрѣчаютъ ихъ и отводятъ къ мѣсту засѣданій. Одинъ обыкновенно отправляется предсѣдательствовать въ ассизахъ *nisi prius* (гражданскихъ), другой въ уголовныхъ.

Вотъ одинъ составной элементъ англійскаго уголовного суда—представители требованій общаго англійскаго закона и государственныхъ интересовъ.

Другой существенный составной элементъ этого суда—присяжные. Это суть простые граждане, болѣе или менѣе независимые по своему матеріальному и общественному положенію, которымъ предлагается обсужденіе факта и опредѣленіе отношенія его къ волѣ обвиненнаго. Они провѣряютъ показанный въ обвинительномъ актѣ составъ преступленія, изрекаютъ виновность или невинность подсудимаго, что называется рѣшеніемъ вопроса о фактѣ,—и даже, объявляя извѣстное лицо невиннымъ въ томъ преступленіи, какое обозначено въ *indictment*, могутъ объявить его виновнымъ въ другомъ, менѣе тяжкомъ, слѣдовательно могутъ рѣшить, по крайней мѣ-

рѣ инцидентально, вопросъ о правѣ, назвать известное дѣяніе законнымъ именемъ.

Для исполненія всѣхъ этихъ обязанностей не требуются особенныя знанія, а одинъ только здравый смыслъ, зрѣлое, спокойное сужденіе и известныя матеріальныя условія.

Вотъ, чего требуетъ отъ присяжныхъ актъ парламента отъ 22-го іюня 1825 г.

1) Присяжнымъ можетъ быть каждый англичанинъ, имѣющій мѣстожительство въ какомъ нибудь графствѣ соединенныхъ королевствъ Великобританіи, но не иностранецъ, получившій право гражданства (*natural born subject of the king*).

2) Возрастъ, въ которомъ граждане допускаются къ должности присяжныхъ, есть все время отъ 21 до 60 года отъ роду.

3) Физическія качества, требуемыя закономъ, суть: здоровое состояніе, отсутствіе глухоты, слѣпоты, тумоумія, помѣшательства и. т. п.

4) Нравственныя: полная гражданская честь. Кто разъ былъ уличенъ въ преступленіи (*felony*), безчестномъ поступкѣ, или былъ подвергнутъ изгнанію изъ отечества, тотъ не можетъ быть присяжнымъ.

5) Матеріальныя условія суть: собственность, приносящая 10 ф. дохода, аренда въ 20 фунт. по контракту, заключенному по крайней мѣрѣ на 21 годъ; владѣніе (наемъ) домомъ въ 15-ть оконъ, платящимъ подать на бѣдныхъ или приносящимъ 20 ф. ренты. Въ Лондонѣ масштабъ этотъ больше. Тамъ 30 ф. составляетъ *minimum*; для Уаллиса онъ низведенъ на $\frac{3}{5}$ общихъ англійскихъ цифръ.

Цензъ этотъ служить только для того, чтобы къ исполненію обязанностей присяжнаго призывать лица, которыя дѣйствительно могутъ нести это бремя. Въ Англии должность присяжнаго считается не столько почестью, сколько неизбежною тяжестью, необходимою обязанностію гражданина.

Вотъ перечень лицъ, увольняемыхъ закономъ: всѣ лица старше 60 лѣтъ, всѣ перы, 15 верховныхъ судей, духовные, всѣ практикующіе адвокаты и ходатаи, дѣйствительные чинов-

ники судебныхъ мѣстъ, коронеры, надзиратели и чиновники смиренныхъ домовъ, члены и лиценціаты королевской медицинской лондонской коллегіи, хирурги, патентованные аптекари, офицеры морской и сухопутной службы, состоящіе на жалованьи, слуги королевскаго двора, таможенные акцизные чиновники, чиновники шерифа, оберъ-констабли и секретари мирныхъ судовъ; лица, уволенные особымъ позволеніемъ королевскимъ или особыми привилегіями, члены цирюльническаго общества, моравскіе братья и. т. п., наконецъ члены нижней палаты во все время парламентскихъ засѣданій.

Всѣ остальные граждане, если они только имѣютъ требующія закономъ качества, обязаны нести эту неизбежную тяжесть.

Изъ такой обширной среды можно всегда выбрать людей, наиболѣе приспособленныхъ къ обсужденію даннаго факта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выборъ этотъ можетъ быть чрезвычайно опасенъ, если онъ будетъ переданъ въ ненадежныя руки. Этотъ вопросъ поднимаетъ много заботъ въ западной криминалистикѣ и вотъ какъ разрѣшаютъ его англичане.

Согласно предписанію парламентскаго акта 1825 года, секретарь мирнаго суда всякаго графства (Clerk of the Peace), чиновникъ очень важный, обращается черезъ посредство оберъ-констаблей, къ начальникамъ дистриктовъ, hundred'овъ, къ церковнымъ старостамъ и надзирателямъ содержимаго приходомъ пролетаріата (the churchwardens and overseers of the poor of the several parishes or townships) съ порученіемъ изготовить именные списки къ 1-му сентябрьскому воскресенію. Мѣстные списки собираетъ констабль и составляетъ списокъ для всего дистрикта (hundred), а къ половинѣ октября всѣ оберъ-констабли присылаютъ свои списки упомянутому секретарю, который составляетъ книгу присяжныхъ на 0000 годъ.

Такимъ образомъ приходскія власти должны переписать всѣ лица, имѣющія требующія закономъ отъ присяжныхъ качества, при чемъ главнымъ образомъ они руководствуются податными книгами и свѣдѣніями, полученными отъ сборщиковъ

разныхъ налоговъ, именно: поземельнаго, подати съ домовъ и на бѣдныхъ. Съ 1-го сентября въ теченіе трехъ недѣль списки эти должны быть прибываемы каждое воскресенье на дверяхъ церковныхъ, а въ будни выставяемы дома на всеобщее усмотрѣніе.

На послѣдней недѣлѣ открывается специальное засѣданіе мирныхъ судей для разсмотрѣнія представленныхъ протестовъ, для пополненія пропусковъ и для устраненія изъ списковъ глухихъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ, п. т. п.

Исправленные такимъ образомъ и подписанные по крайней мѣрѣ двумя судьями списки передаются оберъ-констаблю, который пересылаетъ ихъ секретарю мирнаго суда цѣлаго графства, который передаетъ ихъ шерифу, а тотъ своему наслѣднику по должности.

Вотъ какъ составляется первый основной списокъ (Urliste) присяжныхъ. Процессъ тутъ очень простъ: выборные общинные старшины представляютъ всѣхъ безъ исключенія квалифицирующихся обывателей своей общины.

Но въ судъ нельзя призвать вдругъ весь списокъ: онъ состоитъ иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Для засѣданія собственно выбирается другой, такъ называемый служебный списокъ (Dienstliste, panel). Эту важную функцію англичане поручаютъ шерифу. Къ каждому засѣданію и къ каждому дѣлу онъ выбираетъ 48—72 присяжныхъ, имена которыхъ, списанные на узкой длинной полосѣ пергамента (panel), объявляются подсудимому за нѣсколько дней до сужденія его процесса.

Право выбирать изъ нѣсколькихъ тысячъ (въ графствахъ йоркскомъ и ланкастерскомъ до 10,000 именъ) и при томъ въ то время, когда уже извѣстны всѣ дѣла, которыя пойдутъ на разсмотрѣніе ассизовъ,—слишкомъ обширно и опасно. Какимъ же образомъ англичане могли его ввѣрить одному человѣку? какое же это лицо?

Шерифъ есть блюститель королевскаго или, правильнѣе, земскаго мира, есть, лицо до сихъ поръ имѣющее обширную власть

административную. Онъ назначается королемъ по представленію предсѣдательствующихъ судей, которые во время своего путешествія освѣдомляются о кандидатахъ, предложенныхъ предыдущимъ шерифомъ. Служба его продолжается одинъ годъ, и вновь получить ее можетъ онъ развѣ по прошествіи трехъ лѣтъ. Должность эта почетная. Онъ не получаетъ никакого жалованья, а напротивъ самъ несетъ значительныя издержки на содержаніе своихъ слугъ и на поддержаніе достоинства своего графства. Поэтому, принимать подобную должность могутъ только люди съ большими средствами. По истеченіи года, они возвращаются опять въ частную сферу и имъ не предстоитъ никакое повышеніе въ государственной іерархіи.

При такихъ условіяхъ шерифъ стоитъ, конечно, выше всякаго подозрѣнія въ подкупѣ или въ умышленномъ составленіи служебнаго списка.

И дѣйствительно, практика показываетъ, что шерифъ очень рѣдко употребляетъ данную ему власть во зло.

На него впрочемъ есть столь сильныя законныя средства, что весь вредъ, причиненный незаконнымъ употребленіемъ власти, уничтожается съ разу. Это есть данное подсудимому право отвести вдругъ весь списокъ (challenge to the whole array), если найдутся доказательства на то, что списокъ составленъ пристрастно. Но обыкновенно шерифъ бываетъ очень полезенъ суду и подсудимымъ. Какъ постоянный житель графства, онъ можетъ имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о выставленныхъ въ списокѣ присяжныхъ, а потому безъ труда можетъ выбрать такихъ, которые по опытности, приобретенной въ своей обычной гражданской жизни, покажутся ему наиболее способными къ обсужденію даннаго факта.

Потомъ, сейчасъ за открытіемъ засѣданія, до сужденія, вынимаютъ поочередно имена назначенныхъ шерифомъ присяжныхъ, при чемъ обвиненный и обвинитель имѣютъ право отводить тѣхъ, къ которымъ они питаютъ подозрѣніе, съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ. Отводъ этотъ дается обѣимъ сторонамъ въ размѣрахъ очень широкихъ. Въ обыкновенныхъ

процессахъ можно отвести 20, въ политическихъ 35 безъ выраженія причины отвода (*peremptory challenge*) и неограниченное число съ объявленіемъ причины, и даже цѣлый списокъ шерифа (*to the array*), съ обязанностию доказать его пристрастіе.

Такимъ образомъ, посредствомъ баллотировки и отвода образуется третій, судный списокъ, состоящій изъ 12-ти чело-вѣкъ, не подлежащій уже никакому возраженію.

Дѣло присяжныхъ, какъ мы уже сказали, состоитъ въ изслѣдованіи существа данного факта и въ опредѣленіи виновности или невинности подсудимаго. Но и при самомъ сужденіи о фактѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаются вопросы теоретическіе, вопросы права. Въ этомъ отношеніи необходимъ совѣтъ и надлежащія объясненія со стороны судьи. Въ самомъ дѣлѣ, взаимное, правильное и разумное содѣйствіе съ обѣихъ сторонъ составляетъ одну изъ свѣтлыхъ сторонъ англійской юстиціи.

Вотъ два главные составные элемента высшаго англійскаго уголовного суда (ассизовъ); адвокаты, секретари, берристеры и т. п. менѣе обращаютъ на себя вниманіе закона, по этому мы о нихъ говорить не станемъ.

Въ другихъ судилищахъ Англій составъ другой.

Въ коронерскихъ судахъ присяжныхъ собираютъ изъ окольных жителей и допускаютъ къ этой судебной дѣятельности всякаго, кто имѣетъ требуемый возрастъ и пользуется незапятнаннымъ именемъ. Суды же мировые и полицейскіе имѣютъ составъ одноличный. О нихъ говорить не будемъ.

Такимъ образомъ обвиненный, являясь въ англійскій судъ ассизовъ, знаетъ, что онъ тамъ найдетъ своихъ согражданъ, людей взятыхъ изъ сферы практической и имѣющихъ живой, вѣрный взглядъ на жизнь и ея обстоятельства; онъ знаетъ, что отличный юристъ, судья, всѣми мѣрами облегчитъ присяжнымъ путь, которымъ они доходятъ до яснаго понятія о дѣлѣ, наконецъ если судъ подастъ свое мнѣніе не въ его

пользу, онъ знаетъ, что судья подвергнетъ его наказанію, по возможности соразмѣренному со степенью преступности его воли, потому что предсѣдатель не связать мертвою буквою отвлеченнаго закона.

Взглянувъ на устройство судовъ, на самые органы, посредствомъ которыхъ производится изслѣдованіе факта и приложеніе закона, мы теперь должны ввести подсудимаго и посмотреть, какимъ образомъ будутъ они относиться къ нему, чтобы разгадать тайны его духовныхъ побужденій, какимъ образомъ доходятъ они до убѣжденія въ его виновности или невинности и какимъ послѣдствіямъ подвергается онъ по произнесеніи приговора.

Но, прежде чѣмъ успѣемъ прослѣдить шагъ за шагомъ всю эту процедуру, само судопроизводство, мы посмотримъ на французскую копію съ рассмотрѣннаго нами оригинала.

Тутъ впрочемъ сдѣлаемъ одно маленькое отступленіе, именно: скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней обстановкѣ суда асеизовъ. Обстановка эта очень проста: на возвышеніи сидитъ судья, нѣсколько ниже секретарь суда, при одномъ столѣ адвокаты, при другомъ репортеры газетъ и журналовъ. За одною рѣшеткою является обвиненный, за другою свидѣтели. Для нихъ построена каеэдра. Свидѣтель долженъ взойти на нее, повторить присягу вслѣдъ за глашатаемъ (cier) и потомъ дѣлать свои показанія. Третья рѣшетка отдѣляетъ судилище отъ публики. Мѣста для последней немного, особеннаго вниманія къ ней не замѣтно: главный органъ гласности,—репортеры, о которыхъ мы сейчасъ упомянули.

II.

СОСТАВЪ УГОЛОВНЫХЪ СУДОВЪ ВО ФРАНЦІИ.

Наравнѣ съ другими сторонами общественной жизни, и отправленіе правосудія во Франціи въ послѣднія времена

ancien régime дошло до такой степени упадка, законы уголовные до того устарѣли, что пересмотръ и исправленіе ихъ сдѣлалось общемо и крайнею потребностію. Депутаты трехъ сословій, призванные въ 1789 году на собраніе генеральныхъ штатовъ, всѣ почти принесли въ своихъ cahiers требованіе ревизіи этихъ законовъ.

Дѣйствительно, національное учредительное собраніе (Assemblée Constituante) среди своихъ разнообразныхъ занятій обратило вниманіе въ 1790 г. и на уголовную процедуру. 16—29-го сентября оно втировало Code d'instruction criminelle, 6-го октября утвердило Code pénal и прибавило къ нимъ еще инструкцію въ формѣ закона.

Въ этомъ новомъ кодексѣ уголовного судопроизводства являются въ первый разъ присяжные въ высшихъ судахъ, которымъ ввѣрено сужденіе о самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ (crimes).

Введя этотъ элементъ во французскіе суды, національное собраніе естественно должно было руководствоваться началами, принятыми въ Англіи, откуда заимствованъ былъ институтъ. Въ самомъ дѣлѣ, новое законодательство старалось по возможности правильно переносить главныя черты первообраза на свою копію, но, совершая такой громаднѣйшій переворотъ во время крайняго броженія всѣхъ идей государственныхъ, въ самомъ разгарѣ борьбы за начала политическія, оно не было въ состояніи установить новое зданіе на спокойныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ.

Въ то время не былъ еще рѣшенъ споръ ни съ властію королевскою, ни съ партіею аристократическою. По этому tiers-état долженъ былъ созидать новый институтъ на совершенно исключительной почвѣ и образовать изъ него независимый отъ упомянутыхъ элементовъ органъ.

Такимъ образомъ, въ самое основаніе вложенъ былъ зародышъ порчи.

Къ функціямъ присяжнаго новое законодательство при звало всѣхъ гражданъ, *ayant les qualités, requises pour les électeurs. Electeurs*, замѣтимъ мимоходомъ, были делегаты отъ первоначальныхъ собраній (*assemblées primaires*), назначенные къ избранію членовъ въ законодательное собраніе. Всякій такой избиратель (отъ избирателя конституція 1791 г. требовала 25-лѣтняго возраста и 150—200 ливровъ дохода) долженъ былъ самъ явиться къ секретарю округа (*secrétaire-greffier de chaque district*) и записаться тамъ въ списокъ присяжныхъ, подъ опасеніемъ лишенія голоса во всѣхъ политическихъ собраніяхъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ. Списокъ этотъ былъ пересылаетъ чрезъ прокурора синдика генеральному прокурору синдикату (*Procureur Général Syndic*), лицу избираемому народомъ, которому тогда ввѣрена была административная власть департамента. Онъ образовалъ общій списокъ—*liste générale*.

Procureur Général Syndic извлекалъ изъ общаго списка служебный, состоящій изъ 200 человекъ. Этотъ новый списокъ получаетъ официальный характеръ только со времени подтвержденія его административнымъ совѣтомъ департамента (*Directoire du département*), состоящимъ также изъ избираемыхъ народомъ лицъ.

Изъ списка этого могъ отвести 10-ю часть, то есть 20 человекъ, общественный обвинитель; опять выбираемый отъ народа.

Очищенный въ такомъ видѣ списокъ передавали президенту трибунала, который 1-го числа всякаго мѣсяца по жребію долженъ былъ избрать 12 человекъ и объявить имена ихъ обвиненному за двѣ недѣли до засѣданій, начинавшихся 15-го.

Отводъ обвиненнаго образовалъ наконецъ послѣдній, судный списокъ.

Кто же предсѣдательствуетъ въ трибуналѣ? Парламенты разрушены, національное собраніе враждебно имъ и вотъ предсѣдательство это ввѣряется также лицамъ, прямо избраннымъ отъ народа. Король обязанъ утвердить представлен-

ныхъ ему кандидатовъ, если только соблюдены были всѣ формальности. Но при такомъ исключительномъ преобладаніи непосредственнаго народнаго элемента не было ли опасности въ томъ, что въ судилище могли ворваться страсти и возненія толпы?

Каковы будутъ присяжные и каковъ будетъ судъ, если должность прокурора-синдика займетъ Геберъ, публичнаго обвинителя Фукъе—Тенвилль, а предсѣдательство въ судѣ достанется Дюмасу?

Не смотря на то, вожди революціи не остановились на этомъ опасномъ пути. Конвентъ поручилъ составленіе списковъ прямо политическимъ агентамъ и предоставилъ имъ право выбирать тѣхъ гражданъ, которые имъ покажутся способными къ исполненію этой должности. По тогдашней демократической конституціи всѣ безъ исключенія считались къ этому способными.

Подъ напоромъ обстоятельствъ, угрожавшихъ существованію Франціи, конвентъ, какъ извѣстно, долженъ былъ прибѣгнуть къ самому страшному деспотизму и къ самому неограниченному вмѣшательству государственныхъ властей въ личныя отношенія гражданъ. Вскорѣ является терроръ и военная процедура дѣлается однимъ изъ самыхъ прозныхъ его орудій. Учрежденный 10-го марта 1793 революціонный трибуналъ въ самомъ своемъ основаніи не имѣлъ назначенія быть органомъ правосудія. Особенный выборъ присяжныхъ, уничтоженіе права отвода, устраненіе защитниковъ, введеніе такъ называемыхъ нравственныхъ доказательствъ и т. п., конечно, имѣли одну только цѣль—устроить канцелярію смертныхъ приговоровъ. Извѣстно, въ какихъ страшныхъ явленіяхъ осуществлена была идея знаменитаго «salut public», во имя которой дѣйствовалъ трибуналъ.

Терроръ, пожравъ своихъ собственныхъ учредителей, породилъ быструю и могущественную реакцію, которая впрочемъ мало принесла пользы дѣлу правосудія.

Попытка директоріи замирить Францію и дать болѣе пра-

вильное устройство судебной власти осталась тщетною. Проект поручения списков присяжных коллегиям (кодекс 3 Brumaire, an IV) не приводится въ исполнение. Судьбы Франціи беретъ въ свои руки Наполеонъ.

Постановленіемъ 7 germinał, an IX (28 марта 1801 г.) назначены шесть комиссаровъ для составленія уголовного кодекса, въ которомъ должно было заключаться и судопроизводство. Проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе всѣхъ трибуналовъ, а 16 prairiał, an XII (5 Юня 1804 г.) начались пренія въ законодательномъ отдѣленіи государственнаго совѣта.

Но тутъ уже поднятъ былъ вопросъ о самомъ существованіи присяжныхъ, потерявшихъ вслѣдствіе мѣръ конвента все уваженіе общества. Съ трудомъ отстояли ихъ защитники, но пересозданіе института было необходимо. Въ слѣдствіе этого: во первыхъ, обвинительные присяжные были уничтожены; во вторыхъ, составленъ былъ проектъ, чтобы предсѣдательство въ ассизахъ передать особымъ савоикамъ, которымъ назначалось по проекту положеніе высшее, выше всѣхъ предсѣдателей уголовныхъ трибуналовъ. Отъ нихъ требовался объѣздъ нѣсколькихъ департаментовъ для отправленія въ нихъ функций судебныхъ. Они должны были называться преторами (Préteurs). Въ пренія вмѣшался самъ Наполеонъ и вдругъ переѣнилъ ихъ ходъ своимъ неожиданнымъ предложеніемъ соединенія гражданскихъ судовъ съ уголовными, для увеличенія ихъ энергіи и почета въ обществѣ. Новые суды должны были, по его мнѣнію, быть образованы изъ судовъ аппеляціонныхъ. Защитники присяжныхъ возстали всѣми силами на таковой проектъ, который, переводя всѣ трибуналы въ немногіе правительственные и судебные центры, отдалилъ бы ихъ слишкомъ отъ всѣхъ другихъ жителей и сдѣлалъ бы службу присяжныхъ невозможною. 20-го декабря впрочемъ всѣ эти пренія были отложены на цѣлые четыре года. Наконецъ въ 1808 г. явился новый Code d' instruction criminelle, утвержденный законодательнымъ собраніемъ 16 декабря 1808 года.

Присяжные въ немъ сохранены, но реформа въ ихъ составѣ произведена чисто въ наполеоновскомъ духѣ. Это самое рѣшительное противорѣчiе устройству ихъ по кодексу 1791 г. Ассизы должны открывать свои засѣданiя каждыя три мѣсяца. Предсѣдательствуетъ въ нихъ совѣтникъ суда императорскаго (Conseiller de la Cour Impériale), назначенный министромъ юстиціи. Общій списокъ присяжныхъ составляетъ префектъ, списокъ служебный выбираетъ тотъ же префектъ и при томъ только 60 человекъ; наконецъ судебный списокъ изъ 36 составляетъ предсѣдатель, т. е. чиновникъ, похожій на префекта. Въ списокъ вносятся, кромѣ членовъ избирательныхъ коллегій, кромѣ казенныхъ сараси́és, кромѣ банкротовъ, богатыхъ купцовъ, еще чиновники административной службы, получающіеся 4,000 фр. жалованья, и всѣ лица, которыхъ по ихъ собственной просьбѣ представить префектъ министру юстиціи.

Мы поймемъ еще лучше, какую сумму гарантій представляетъ личности новый кодексъ, если припомнимъ, что составленіе служебнаго списка поручено было префекту за 15 дней до засѣданiя, т. е. въ то время, когда было уже извѣстно, какія дѣла поступятъ въ судъ, и что президентъ, который все таки могъ еще сохранять тѣнь независимости, былъ обязанъ сократить списокъ вышеуказаннымъ образомъ въ теченіи 24-хъ часовъ. Это значило отнять у него возможность сдѣлать нужныя справки. Въ добавокъ списки были составляемы тайно, а судебный списокъ могъ быть объявленъ обвиняемому не раньше 24-хъ часовъ до начала засѣданій. Не нужно, кажется, доказывать, что такое устройство судебной власти нисколько не удовлетворяло самымъ элементарнымъ требованіямъ теоріи и превращало суды въ комиссіи правительственныя, какъ называетъ ихъ Боатаръ (стр. 18).

Причины, побудившія законодателей 1808 г. къ такому искаженію института присяжныхъ, выяснены значительно мнѣніемъ императора, поданнымъ въ пользу соединенія судовъ гражданскихъ съ уголовными еще въ 1804 г.

Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ него:

Sa Majesté, en adoptant cette opinion (de la réunion), s'est surtout décidée par le désir de donner plus d'intensité à la justice criminelle Mais on ne doit pas attendre tant de fermeté de tribunaux, composés d'un président et de deux assesseurs, qui ne sont pas soutenus par la force de l'opinion, et que les avocats dominant. Le ressort de la justice criminelle n'est donc pas assez étendu, et dès lors l'ordre civil n'est pas constitué en France, car il n'existe, que lorsque la justice criminelle contient chacun dans le devoir. C'est surtout dans les pays, qui ont une puissance militaire considérable, qu'il convient de l'organiser fortement Il s'agit de former des grands corps. . . . qui fassent pâlir les coupables. Il s'agit enfin d'organiser la poursuite des crimes; elle est nulle dans l'état actuel des choses.

Энергія въ преслѣдованіи преступленій—вотъ девизъ, во имя котораго законъ подвергъ опасности обременить не разъ несправедливымъ приговоромъ и незаслуженнымъ наказаніемъ безукоризненнаго гражданина.

Слишкомъ рѣзкіе недостатки новой системы обнаружались скоро. Не прошло 20-ти лѣтъ (кодексъ получилъ обязательную силу въ 1811 г.) и уже явилась настоятельная потребность реформы. Она произведена въ 1827 году.

Законъ 2-го мая 1827 года вводитъ нѣкоторыя измѣненія и въ опредѣленіи способности къ службѣ присяжной, и въ отношеніи къ составленію списковъ. Такимъ образомъ, призывавъ къ этой службѣ избирателей изъ чиновниковъ, онъ допускаетъ только тѣхъ, которые назначены королемъ и которые служатъ безвозмездно, безъ жалованья. Отъ другихъ лицъ официальныхъ требуются разные сроки жительства и гражданскихъ занятій въ томъ же департаментѣ; такъ напр. отъ ученыхъ 10 лѣтъ, отъ нотаріусовъ три года и пр. Еще важнѣе правила для составленія списковъ. Префектамъ велѣно подавать первоначальные списки на всеобщее усмотрѣніе и прибавать съ 15-го августа на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ.

Возраженія принимались до 30-го сентября совѣтомъ префектуры съ аппеляціею къ императорскимъ судамъ. Исправленные и очищенные списки опять афишируются 20-го октября, но ужь безъ подчиненія ихъ праву возраженія. Списки эти служатъ вмѣстѣ и для выборовъ политическихъ, и для набора присяжныхъ. Тутъ гласностію хотѣли уничтожить вредъ полицейскаго вліянія, но все таки оно пользуется еще большею силою. Извлеченіе 2-го списка изъ общаго предоставлено опять префекту, который долженъ былъ оставить четверть именъ, если она не превышала 300. Въ Парижѣ число присяжныхъ установлено на 1500. Служебный списокъ изъ 36 человекъ и 4 подставныхъ изъ мѣстныхъ обывателей составлялся по жребію президентомъ. Наконецъ судебный списокъ образовался изъ служебнаго по жребію и по приложеніи права отвода.

Конечно, префекту дана власть несравненно меньше шерифовой. Онъ можетъ выбрать не меньше $\frac{1}{4}$ части или по крайней мѣрѣ 300 именъ; потомъ, онъ выбираетъ ихъ не за нѣсколько дней до засѣданія, а въ такое время, когда еще не извѣстны дѣла, поступающія въ ассизы. Но самыя ограниченія, препятствующія злу, не дѣлаютъ еще добра. Шерифъ выбираетъ присяжныхъ къ каждому засѣданію; поэтому ему можно назначить лица, самыя способныя къ обсужденію даннаго случая, а отъ злоупотребленій съ его стороны подсудимый огражденъ правомъ отвести весь списокъ.

Префектъ выбираетъ присяжныхъ на весь годъ; ни одного засѣданія въ частности онъ предвидѣть не можетъ, но придать всѣмъ вообще извѣстный характеръ ему даны средства. Да и къ чему, спрашивается, нужна рекомендація правительственнаго агента при составленіи служебнаго списка? Можно было бы взять тотъ же списокъ изъ *liste générale*, безъ посредства префекта. Его участіе въ этомъ случаѣ, необходимость котораго возникла изъ ненужнаго соединенія списка избирателей (отъ нихъ законъ требуетъ 25 лѣтняго возраста и *политическаго* мѣсто жительства въ департаментѣ) со спискомъ присяжныхъ (имѣющихъ 30 лѣтъ отъ роду и 20-

стоянное жительство въ департаментѣ), не можетъ принести никакой пользы дѣлу правосудія. Наконецъ ввѣрить составленіе судебного списка судьбѣ, случаю, не очень удобно для подсудимаго. «Жребій, говоритъ Боатаръ (стр. 644), можетъ «призвать къ службѣ присяжной такихъ людей, которымъ «страшно ввѣрить права судьи, но отъ этого неудобства можетъ предохранить только отводъ. Дайте обвиненному и публичному обвинителю широкое право отвода, и вы можете «быть увѣрены, что всѣ явно неспособныя лица будутъ «устранены».

Такимъ образомъ, для поправленія этого недостатка, должно существовать широкое право отвода. Между тѣмъ французское законодательство не только не расширило этого права въ сравненіи съ англійскимъ, но даже стѣснило его до невѣроятности. Президентъ въ день засѣданія представляетъ сторонамъ 36 именъ; изъ нихъ и обвиненный, и *ministère public* могутъ отвести по 12-ти человѣкъ, а остальные, кто бы они ни были, не могутъ быть подвержены никакимъ возраженіямъ и немедленно превращаются въ присяжныхъ.

Такое ограниченное право отвода далеко не можетъ исправить недостатковъ всей организаціи института и мы должны заключить, что реформа 1827 г. вовсе не удовлетворяетъ самымъ умѣреннымъ требованіямъ правосудія. Произведены были нѣкоторыя измѣненія въ 1831 и 2-мъ годахъ, но они не имѣютъ существеннаго значенія. Замѣтимъ только *circonstances atténuantes*, введенныя въ 1832 году.

Наконецъ въ 1848 г. революція вызвала новую и уже радикальную реформу. 25-го мая тогдашній министръ юстиціи Кремё (Crémieux) представилъ собранію проектъ, а 7 августа вотированъ былъ законъ, восполнившій пробѣлы проекта.

Въ силу этого закона, въ *liste générale* повелѣно было вносить всякаго Француза, достигшаго 30 лѣтняго возраста, умѣющаго читать и писать, обладающаго правами гражданскими и не устраненнаго слѣдующею статьею по причинѣ неспособности. Списки составлялъ мэръ, лицо въ то время

выборное. Префектъ соединялъ только частные списки въ одинъ общій для всего кантона.

Изъ первоначальнаго списка выбираемъ былъ одинъ присяжный на 200 человекъ особою комиссіею, составленною изъ Conseiller général, мирнаго судьи и 2-хъ совѣтниковъ муниципальныхъ. Префектъ соединялъ опять частные списки въ одинъ общій годичный служебный списокъ.

Этотъ второй списокъ долженъ былъ содержать только имена людей достойныхъ, по замѣчанію комиссіи, возражавшей на неполный въ этомъ отношеніи проектъ *Кремё*. «Во всѣхъ слояхъ общества, говоритъ комиссія, есть люди, которые, не будучи поражены законною неспособностію (*incapacité légale*)—по своему личному характеру и по своей нравственности не могутъ быть судьями въ извѣстныхъ дѣлахъ.» Этихъ-то людей устраняетъ совѣтъ кантона. Далѣе судьбою подсудимаго распоряжается уже жребій по прежнему правилу. Право отвода не было расширено, функціи *ministère public* не были измѣнены, о предсѣдателяхъ не сказано ни слова. Не смотря на всѣ эти пробѣлы, не смотря на то, что выборъ наиболѣе способныхъ былъ производимъ по абстрактнымъ соображеніямъ на цѣлый годъ, а не къ извѣстному заведенію или къ данному дѣлу, все таки мы находимъ въ этомъ законѣ задатки важныхъ улучшеній.

Составленіе списковъ поручено уже не префектамъ, но комиссіямъ, болѣе независимымъ отъ администраціи и представляющимъ болѣе ручательствъ въ безпристрастіи. Это шагъ очень важный. Въ немъ видно сознаніе въ необходимости доставить юстиціи независимое положеніе, устранить её отъ чуждыхъ вліяній.

Притомъ въ возстановленіи прежняго отношенія для большинства (8: 4) видно желаніе усилить обезпеченіе обвиненнаго.

Но извѣстное *сoup d'état* 2-го декабря вызвало новый законъ и притомъ вовсе не въ духѣ прогресса по указанному пути.

Въ мотивахъ сказано, что законодательное сословіе испугалось увеличенія числа очистительныхъ приговоровъ (съ 33% на 40%) «Le jury a visiblement cessé d'inspirer un effroi suffisant! и вотъ, чтобы помочь горю, выходитъ законъ 4-го іюня 1853 г. sur la composition du jury, который мы и должны рассмотретьъ, какъ дѣйствующее во Франціи законодательство.

Новый законъ вводитъ нѣсколько замѣчательныхъ преобразованій. Во первыхъ, онъ уничтожаетъ *liste générale*. Возобновленная въ 1827 г., она была значительно распространена въ 1848 г. Кремьё хотѣлъ раздвинуть ее до предѣловъ *suffrage universel*, но оказалось, что для объявленія всѣхъ именъ, для одного Парижа нужно бы было составлять листы въ 200—300 метровъ длиною или печатать книги въ 5—6 увѣсистыхъ томовъ. Поэтому, законъ 7 августа предписалъ извѣстные ограничительныя условія. Наконецъ законъ 1853 г. находитъ, что изъ такого обширнаго списка могли бы въ сокращенный попасть люди разныхъ убѣжденій, и что удобнѣе и безопаснѣе ввести систему выбора. Такимъ образомъ, статья 6-я назначаетъ 2000 присяжныхъ для сенскаго департамента, по 500 для департаментовъ, въ которыхъ народонаселеніе превосходитъ 300000 жителей, 400 для тѣхъ, въ которыхъ народонаселеніе 200—300,000, наконецъ 300 человѣкъ для менѣ населенныхъ департаментовъ.

Выбирать законъ предписываетъ изъ лицъ, имѣющихъ качества, опредѣленныя статьями первою и второю. Сущность ихъ состоитъ въ требованіи полноправности политической, гражданской и семейной, въ умѣннн чптать и писать по французски и въ устраненіи 1) лицъ, подвергавшихся наказаніямъ не только уголовнымъ и осрамительнымъ (*peines afflictives et infamantes*), но даже полицейскимъ, если они превосходили мѣсяць тюремнаго заключенія. Это называется *incapacité*; 2) извѣстныхъ должностныхъ лицъ, каковы: министры, президенты совѣщательныхъ и законодательныхъ сословій, префекты, офицеры и т. п. до приходскаго учителя, это называется *incom-*

patibilité. Чтобы уразумѣть яснѣе требованія закона, посмотримъ, кому онъ поручаетъ дѣло выбора?

Статья 7-я. Число присяжныхъ, входящихъ въ годичный списокъ, должно быть распределено по округамъ и кантонамъ сообразно съ официальными таблицами населенности. Распределеніе это совершается постановленіемъ (arrêté) префекта, составленнымъ въ совѣтъ префектуры до 15-го октября.

Постановленіе свое онъ препровождаетъ мирнымъ судьямъ кантоновъ, съ приложеніемъ списковъ текущаго и прежняго годовъ. До истеченія трехъ лѣтъ нельзя никого принуждать къ службѣ присяжной.

Статья 8-я. Коммисія, составленная въ каждомъ кантонѣ изъ мирнаго судьи и изъ мэровъ, составляетъ предварительные годичные списки. Они должны содержать тройное число требуемыхъ отъ кантона присяжныхъ.

Статья 11-я. Коммисія, составляемая изъ префекта или субъ-префекта и мирныхъ судей всего округа, выбираетъ изъ предварительныхъ списковъ нужное число присяжныхъ, сообразно съ распределеніемъ префекта, хотя она можетъ возвысить или понизить комплектъ, установленный префектомъ. . . . Рѣшеніе образуется большинствомъ; въ случаѣ раздѣленія мнѣній, рѣшаетъ голосъ префекта. И такъ, предварительный списокъ составляютъ мирные судьи, которые считаются членами судебной полиціи, подвѣдомственной прокурору, и мэры, которые въ послѣднее время назначаются отъ правительства и изъ которыхъ одинъ предсѣдательствуетъ въ совѣтъ.

Составленіе же настоящаго списка представляетъ еще меньше гарантій. При огромной власти, какую имѣетъ префектъ, нельзя и думать, чтобы мирные судьи могли на него оказать какое нибудь вліяніе. Такимъ образомъ, мы не можемъ назвать настоящаго узаконенія иначе, какъ возобновеніемъ порядковъ первой имперіи, посягнувеніемъ на независимость института присяжныхъ.

Liste générale необходима. Иначе, человекъ посторонній можетъ ли требовать внесенія или исключенія изъ списковъ

лица достойнаго или недостойнаго, если все дѣло основывается на выборѣ и слабо опирается на категоріи двухъ, трехъ статей закона? Да впрочемъ теперь вѣдь нѣтъ и возраженій, нѣтъ и разбираательства. Все дѣло улаживается канцелярскимъ порядкомъ: законъ умолчалъ о гласности. А префектъ всегда можетъ найти въ департаментѣ челоуѣкъ 300 «благонамѣренныхъ». Въ 1820 г. говорили, что въ число присяжныхъ попадали полицейскіе шпионы и имъ подобные агенты; теперь опять возвращается возможность подобныхъ выборовъ.

Такимъ образомъ не для сравненія, а развѣ для контраста можно сопоставить новую французскую систему съ англійскою, въ которой участіе лицъ должностныхъ и притомъ все независимыхъ ни отъ Дерби, ни отъ Росселя, ни отъ Пальмерстона, ограничивается только, можно сказать, механическимъ трудомъ внесенія въ списки всѣхъ, имѣющихъ требуемыя закономъ качества, гражданъ; всѣ же поправки на счетъ нравственной ихъ годности къ дѣлу производятся непосредственно самими гражданами, обществомъ.

Замѣтимъ, что составленный по новому закону списокъ подвергается одному только владычеству жребія. 15 декабря онъ долженъ быть переданъ въ канцелярію суда или трибунала, въ которомъ будутъ засѣдать ассизы.

Право отвода нисколько не распространено. Вердиктъ присяжныхъ составляется по этому закону опять простымъ большинствомъ голосовъ. При такомъ составѣ приговора, конечно можно ждать скорѣ обвиненія, и вотъ подсудимому нанесенъ еще одинъ ударъ.

Вотъ каково устройство перваго и самаго главнаго элемента во французскомъ судѣ. Не смотря на его несовершенства, ему дана первенствующая роль въ дѣлѣ судебномъ. Французы называютъ присяжныхъ всемогущими. И въ самомъ дѣлѣ ихъ приговоръ неперевержаемъ; основаній для него законодатель ищетъ только въ совѣсти, во внутреннемъ убѣжденіи присяжныхъ. Они не связаны теоріею доказательствъ, а съ 1832 г. они получили даже сильное вліяніе на опредѣленіе самаго наказанія. Я разумѣю здѣсь *circonstances atténuantes*.

Другой элементъ, входящій въ составъ суда и при томъ постоянный и очень важный, есть предсѣдатель. Оная въ 1804 году объ учрежденіи особыхъ сановниковъ, которые бы на подобіе англійскихъ судей объѣзжали по нѣскольку департаментовъ и предсѣдательствовали въ ассизахъ съ титуломъ преторовъ, не было, какъ извѣстно, приведень въ исполненіе. Теперь это просто совѣтникъ императорскаго суда (*conseiller de la cour impériale*), назначаемый въ должность предсѣдателя на три мѣсяца государственнымъ канцлеромъ (онъ же и министръ юстиціи); съ нимъ засѣдаютъ двое судей ассизовъ. Власть французскаго предсѣдателя меньше въ сравненіи съ властію англійскаго: онъ во 1) ограниченъ закономъ о *maximum et minimum* наказанія, хотя предѣлы его все таки широки (5—20 лѣтъ каторжной работы), 2) при объявленіи присяжными *circonstances atténuantes* онъ обязанъ понизить наказаніе на одну или на двѣ степени. Но вліяніе его на ходъ преній и доказательствъ очень велико, что, впрочемъ, нисколько не относится къ выгодамъ его положенія. Президентъ французскій часто вмѣшивается въ борьбу и тогда онъ, конечно, нисходитъ съ того возвышеннаго мѣста, на которомъ онъ находился, какъ охранитель интересовъ правосудія.

Онъ имѣетъ обширную власть, такъ называемую *puissance discrétionnaire*, по которой мы будемъ говорить въ послѣдствіи. Кроме того онъ снабженъ средствами, нужными для охраненія порядка во время засѣданій, — вывести и приговорить къ извѣстному наказанію обвиненнаго, закрыть засѣданіе для публики, приставить къ дверямъ стражу и т. п.; онъ можетъ издавать *mandats d'arrêt, d'amener, de dépôt* и пр.

Кромѣ присяжныхъ, президента и ассессоровъ, въ составъ суда ассизовъ входитъ какъ непременный членъ прокуроръ генеральный, точно такъ какъ въ составъ другихъ французскихъ судилищъ входятъ прокуроры императорскіе или ихъ субституты или другіе члены такъ называемаго *ministère public*.

Элементъ этотъ чуждъ англійской процедурѣ. Онъ состав-

ляютъ отличительную и исключительную принадлежность французской. Поэтому мы должны обратить на него особенное вниманіе.

Функции давнишнихъ мирныхъ судей и жандармскихъ чиновниковъ (*officiers de la gendarmerie*), по отношенію къ преслѣдованію преступленій, законъ 7 pluviöse an IX, передалъ въ руки болѣе могущественныхъ властей, названныхъ въ то время *magistrats de la sûreté publique*. Обязанности ихъ было разыскивать преступленія, увѣдомлять о нихъ слѣдственныхъ судей (*juges d'instruction*) и вмѣстѣ съ ними содѣйствовать дѣятельности публичнаго обвинителя. *Code d'instruction criminelle* переименовалъ этихъ чиновниковъ въ прокуроровъ и сдѣлалъ ихъ главными предсѣдателями такъ называемаго *ministère public*.

По этому кодексу слѣдственная власть ввѣрена была мирнымъ судьямъ, мэрамъ, полевой и лѣсной стражѣ (*gardes champêtres et forestiers*), потомъ, въ большемъ объемѣ, императорскимъ прокурорамъ и ихъ субститутамъ, наконецъ въ первой инстанціи генеральному прокурору; обязанность всѣхъ этихъ лицъ бодрствовать надъ спокойствіемъ и интересами общества; поэтому всякое преступленіе, всякій случай или извѣстіе о немъ вызываютъ немедленно ихъ дѣятельность. Вмѣстѣ со слѣдственнымъ судьей прокуроръ старается раскрыть всѣ обстоятельства преступленія, заботится объ исполненіи всѣхъ распоряженій судьи, слѣдитъ за ходомъ и результатами обвиненія въ трибуналѣ 1-ой инстанціи, препровождаетъ рѣшеніе онаго по принадлежности. Если оно передано въ ассизы, то состоящіе при нихъ члены *ministère public* составляютъ обвинительный актъ и участвуютъ во всемъ ходѣ формальнаго слѣдствія какъ обвинители. Вліяніе ихъ прекращается только тогда, когда дѣло вполнѣ кончено и когда его не нужно подвергать кассаци; роль обвинителя въ дѣлахъ уголовныхъ, или, правильнѣе, въ *actions publiques* принадлежитъ ему исключительно. Частное лицо можетъ являться истцомъ, но только въ гражданскихъ искахъ, а въ уголовныхъ только какъ *partie civile*, т. е. требовать вознагражденія себѣ проторей и убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ (*dommages-intérêts*), но преслѣдованіе самаго

преступленія, охраненіе общества отъ его вліянія, принадлежить исключительно государственной власти.

Введеніе такого начала придаетъ французскому процессу особенный характеръ. Судъ не можетъ начать дѣла, пока не явится обвинитель, но притомъ преступленіе преслѣдуется государствомъ по инквизиціонному началу. По этому французскій процессъ называется смѣшаннымъ.

Какое вліяніе этого элемента на дѣло правосудія? отвѣтъ можно дать только относительный. Англичанинъ думаетъ, что частный обвинитель будетъ и усерднѣе, и дѣятельнѣе собирать нужные для обвиненія матеріалы. Также полиція, посредствомъ которой дѣйствуетъ прокуроръ, служитъ въ Англій частному обвинителю, если только онъ выполнитъ извѣстныя условія. Французы не находятъ въ своемъ обществѣ достаточнаго развитія и укорененія гражданскихъ понятій. Поэтому, они передали лицу оффиціальному функцію чисто гражданскую. Черта эта состоитъ въ связи съ другими сторонами ихъ общественнаго быта и мы, не подвергая анализу этого, слишкомъ сложнаго вопроса, должны ограничиться требованіемъ только того, чтобы передъ лицомъ суда обѣ стороны пользовались равными правами. Хотя французское законодательство само признаетъ важность такого начала и въ правилахъ отвода даже покровительствуетъ обвиненному, но эта лишняя милость приносить подсудимому весьма сомнительную пользу, при допущеніи столькихъ въ высшей степени опасныхъ для него постановленій.

Наконецъ, въ составъ суда входитъ еще протоколистъ, секретарь. Названіе его: greffier. Онъ читаетъ списки присяжныхъ, свидѣтелей обвиненія и т. п. составляетъ протоколъ засѣданія (procès-verbal) и управляетъ состоящею при судѣ канцелярію.

Вотъ весь составъ французскаго суда ассизовъ. Обвиненнаго намъ придется ввести въ него съ чувствомъ опасенія за его судьбу. Обвиненію тутъ даны всѣ нужныя средства, а защита стѣснена предписаніями закона. Въ самомъ судопроизводствѣ мы еще не разъ встрѣтимся съ этимъ недружелюбнымъ взглядомъ законодателя на лицо обвиненное, но можетъ быть вовсе невинное.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

О. КОРЗОНЪ.

ОТДѢЛЪ II.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

A. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

I.

Судебное рѣшеніе, вступившее въ окончательную законную силу, не можетъ подлежать пересмотру, вслѣдствіе одного только представленія новизнъ, не бывшихъ еще въ виду суда документовъ.

Послѣ смерти полковницы Нефедевой осталось въ разныхъ губерніяхъ недвижимое имѣніе, которое было раздѣлено въ 1816 г. между двумя ея внуками, князьями Михаиломъ и Федоромъ Голицыными.

Изъ этого имѣнія сестра означенныхъ князей Голицыныхъ, Марья, по мужѣ штабсъ-капитанша Булатова, отыскивала слѣдующую ей указную $\frac{1}{4}$ часть изъ половины имѣнія, доставшейся ея брату князю Михаилу Голицыну, и другую $\frac{1}{4}$ часть, уступленную ей ея отцомъ, княземъ Андреемъ Голицынымъ.

Въ слѣдствіе сего иска по указу 7-го департамента правительствующаго сената изъ имѣнія князя Михаила Голицына

была взята въ опекуновское управленіе часть имѣнія, состоящая въ разныхъ деревняхъ въ числѣ 211-ти душъ, и потомъ, по рѣшенію московскаго совѣстнаго суда 5-го февраля 1834 г., утвержденному опредѣленіемъ 7-го департамента сената 6-го іюня тогоже 1834 г., изъ означенной части было отсуждено во владѣніе Марьи Булатовой 208 душъ, — въ томъ числѣ и деревня Токарева, находящаяся въ Мышкинскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

Послѣ сего князь Михаилъ Голицынъ вошелъ въ 1836 году въ московское губернское правленіе съ просьбою, въ которой объяснилъ, что по неправильному распоряженію мышкинскаго уѣзднаго суда отданы въ 1834 г. Булатовой 20 пустошей разныхъ наименованій.

Повѣренный Булатовой напротивъ того объяснилъ, что означенныя пустоши (числомъ 19, за исключеніемъ одной по названію «Головина») издавна принадлежатъ къ деревнѣ Токаревой, и просилъ выдать Булатовой актъ на владѣніе тѣми пустошами.

По произведенному въ 1839 г., въ слѣдствіе распоряженія уѣзднаго суда, дознанію оказалось, что пустоши находятся въ Мышкинскомъ, Мологскомъ и Угличскомъ уѣздахъ въ отдаленіи отъ деревни Токаревой, что ими владѣетъ князь Голицынъ и что онѣ не находились во владѣніи Булатовой.

Возникшее изъ сего иска дѣло, какъ заключающее въ себѣ искъ объ имѣніи, лежащемъ въ разныхъ уѣздахъ, разсматривалось въ ярославской гражданской палатѣ, которая, находя, что спорныя пустоши должны составлять принадлежность деревни Токаревой, доставшейся Марьѣ Булатовой, по поводу поступить также къ ней, по рѣшенію 13-го августа 1847 г., заключила: спорныя пустоши оставить при деревнѣ Токаревой во владѣніи Булатовой.

2-й департаментъ сената, разсматривавшій дѣло по аппеляціи князя Голицына, по опредѣленію 11 мая 1850 г. утвердилъ рѣшеніе гражданской палаты.

На это рѣшеніе братъ и наслѣдникъ Михаила Голицына, коллежскій ассесоръ князь Федоръ Голицынъ приносилъ двѣ всеподданиншія жалобы, по которымъ дѣло подвергалось пересмотру въ общемъ собраніи правительствующаго сената.

Общее собраніе сената находило:

1) что Булатова, которой по рѣшенію 7-го департамента 1834 г. присуждена $\frac{1}{7}$ часть имѣнія, находившагося во владѣніи князя Михаила Голицына, должна получить какъ $\frac{1}{7}$ часть крестьянъ, такъ и $\frac{1}{7}$ часть земли;

2) что о полученіи Булатовою въ такомъ видѣ седьмой части изъ имѣнія, князь Голицынъ доказательствъ не представилъ;

3) Что князя Михаилъ и Федоръ Голицыны оспаривали права Булатовой на пустоши только тѣмъ, что онѣ, доставшись имъ по раздѣлу, не находились въ вѣдѣніи опеки по иску Булатовой и не принадлежатъ къ деревнѣ Токаревой, доставшейся Булатовой на 7-ю часть, тогда какъ обстоятельства сіи могли бы быть приняты въ соображеніе въ такомъ только случаѣ, если бы Булатовой была выдѣлена полная 7-ая часть, чего въ настоящемъ дѣлѣ не представляется.

4) Что принадлежность спорныхъ пустошей къ деревнѣ Токаревой вполне доказывается показаніемъ ихъ при той деревнѣ въ раздѣлѣ 1816 г. и нахожденіемъ пустошей во владѣніи князя Михаила Голицына вмѣстѣ съ деревнею Токаревою: если бы спорныя пустоши не числились при деревнѣ Токаревой, а принадлежали къ другимъ деревнямъ, то не могли бы состоять во владѣніи князя Михаила Голицына.

По симъ основаніямъ общее собраніе, по опредѣленію 17-го марта 1836 г., заключило: оставить во всей силѣ опредѣленіе 2 департамента сената.

Послѣ сего князь Федоръ Голицынъ вошелъ 10-го октября 1857 г. въ общее собраніе сената съ прошеніемъ, при которомъ представилъ новые документы на количество земли, слѣдующей каждому изъ наслѣдниковъ полковницы Нефедь-

вой. На основаніи этихъ документовъ князь Федоръ Голицынъ доказывалъ, что Булатова на свою часть получила все слѣдующее ей количество и потому просилъ: отхожія пустоши, состоящія въ Мышкинскомъ и Мологскомъ уѣздахъ, возвратити въ его владѣніе. При прошеніи князя Голицына представлены двѣ копии съ картушей плановъ генеральнаго и спеціальнаго размежеванія земель, выданныя изъ межевой канцеляріи, въ которыхъ въ подробности обозначено количество земли во всѣхъ деревняхъ, доставшихся изъ наслѣдственнаго имѣнія Марьи Булатовой.

Изъ вышензложеннаго общее собраніе усмотрѣло, что послѣдовавшимъ по настоящему дѣлу рѣшеніемъ сената спорныя пустоши признаны принадлежащими къ деревнѣ Токаревой, и на этомъ основаніи присужлены въ собственность Булатовой.

Послѣ сего окончательнаго рѣшенія ни 2-й департаментъ сената, ни общее собраніе, за силою ст. 586 т. X ч. 2-й св. зак. гр., не имѣютъ права принимать отъ князя Голицына никакихъ прошеній съ ходатайствомъ объ измѣненіи прежняго рѣшенія.

Посему поступившее отъ князя Федора Голицына прошеніе 10 октября 1857 г. съ приложеніемъ новыхъ документовъ, за силою вышеозначенной 586 ст., не можетъ подлежать въ настоящее время разсмотрѣнію, а должно быть оставлено безъ послѣдствій.

При томъ, по постановленіи рѣшенія по дѣламъ вотчиннымъ, законъ въ ст. 688 т. X ч. 2-й св. зак. гр. дозволяетъ принимать отъ тяжущихся пополнительныя прошенія только въ такихъ дѣлахъ, о рѣшеніи коихъ просители не были извѣстны. Но чтобы князю Голицыну не было извѣстно вышеозначенное судебное рѣшеніе, о томъ не только онъ самъ не говоритъ, а напротивъ того въ прошеніи своемъ 10 октября 1857 г. положительно объясняетъ, что помянутое рѣшеніе общаго собранія было ему объявлено 21-го октября 1856 г.

По сему основаніямъ и имѣя въ виду законъ (ст. 634 т. X ч. 2-й зак. гражд.) о непоколебимости окончательныхъ

судебныхъ рѣшеній, общее сената собраніе нашло, что поданное княземъ Федоромъ Голицынымъ прошеніе съ представленными документами, за вошедшими въ полную законную силу окончательными рѣшеніями, не можетъ подлежать разсмотрѣнію правительствующаго сената, и потому заключило: домогательство князя Голицына о новомъ пересмотрѣ настоящаго дѣла оставить безъ послѣдствій.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла заявлено было и другое, противоположное мнѣніе—объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на пересмотръ дѣла по вновь открывшимся, изъ представленныхъ княземъ Голицынымъ документовъ, обстоятельствамъ. Лица, заявившія это мнѣніе, вошли въ подробный разборъ означенныхъ документовъ и пришли къ тому заключенію, что они совершенно измѣняютъ положеніе дѣла. За симъ, принимая во вниманіе, что законъ допускаетъ пересмотръ дѣла по вновь открывшимся обстоятельствамъ, когда они измѣняютъ существо прежняго рѣшенія, вышеупомянутыя лица полагали удовлетворить прошеніе князя Голицына.

Соображеніе этого мнѣнія съ опредѣленіемъ общаго собранія, состоявшимся ему въ противность, показываетъ, что главный вопросъ, возбуждаемый настоящимъ дѣломъ, заключается въ томъ: какъ понимать статьи 238 т. I учр. прав. сен. и 597 т. X ч. II св. зак. гражд., кои допускаетъ пересмотръ по вновь открывшимся обстоятельствамъ рѣшеній, вошедшихъ въ окончательную законную силу.

Намъ кажется, что для пересмотра подобныхъ рѣшеній необходимы слѣдующія два условія: 1, чтобы вновь открытыя обстоятельства могли измѣнить положеніе дѣла и имѣть послѣдствіемъ отмѣну или измѣненіе прежняго рѣшенія, и 2, чтобы они дѣйствительно были *вновь открыты*, т. е. чтобы представляющая ихъ сторона доказала, что они не были и не могли быть ей прежде извѣстны, или что она не могла, по независѣвшимъ отъ нея обстоятельствамъ, представить ихъ своевременно, при первоначальномъ производствѣ дѣла.

Лица, мнѣніе которыхъ было несогласно съ окончательнымъ рѣшеніемъ общаго собранія, допускали необходимость перваго изъ этихъ условій; но упустили изъ виду второе. Они полагали, что пересмотръ дѣла возможенъ каждый разъ, когда вновь представленныя обстоятельства существенно измѣняютъ положеніе его. Но при такомъ толкованіи закона, процессы легко могутъ сдѣлаться безконечными и недобросовѣстный тяжущійся, желающій замедлить окончаніе дѣла, всегда будетъ представлять, послѣ рѣшительнаго опредѣленія, какіе-либо документы, измѣняющіе повидимому положеніе дѣла. Мы говоримъ; *по, видимо, потому* что для пересмотра рѣшенія не нужно полного убѣжденія въ неправильности его, — иначе отмѣна рѣшенія предшествовала бы, если можно такъ выразиться, его пересмотру, — а достаточно предположенія о возможности его отмѣны или измѣненія. Несвоевременное представленіе документа тогда только не можетъ служить препятствіемъ къ принятію его, когда будетъ доказано, что оно не было произвольно и что замедленіе произошло независимо отъ тяжущейся стороны. Князь Федоръ Голицынъ не доказалъ этого, — и вотъ почему мы признаемъ совершенно правильнымъ рѣшеніе, состоявшееся противъ него въ общемъ собраніи сената. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія, мы можемъ еще сослаться на статью 606 т. X. ч. II. св. зак. гражд., въ которой выраженіе «по вновь открывшимся обстоятельствамъ», замѣнено выраженіемъ болѣе точнымъ и опредѣлительнымъ: «по вновь открытымъ документамъ,» т. е. *по документамъ, вновь открытымъ тою стороною, которая ихъ представляетъ и которая прежде не знала о ихъ существованіи.* Если пересмотръ дѣла допускается лишь *по вновь открытымъ документамъ,* то очевидно слѣдуетъ доказать, что они дѣйствительно *вновь открыты* стороною, а не только *вновь открылись для суда.*

II.

Споры объ учрежденіи третейскаго суда для разбора дѣлъ между страховыми обществами и страхователями подсудны гражданской палатѣ того города, гдѣ учреждено правленіе общества.

По случаю претензіи мѣщанки Буртовой объ удовлетвореніи за пожаръ, происшедшій въ домъ ея, состоящемъ въ городѣ Одессѣ, возникъ споръ между нею, Буртовою, и правленіемъ 2-го страховаго отъ огня общества о количествѣ слѣдующаго за пожарные убытки вознагражденія.

Въ слѣдствіе уклоненія повѣреннаго правленія общества, Черкунова, отъ составленія третейскаго суда для разбора вышеозначеннаго спора, повѣренный Буртовой, Полиньи, съ жалобою своею обратился въ 1853 году въ одесскій коммерческій судъ.

По разсмотрѣніи этой жалобы, коммерческій судъ предоставилъ Полиньи съ претензіею своею обратиться куда слѣдуетъ по принадлежности дѣла, на томъ основаніи, что въ домству суда предоставлены только дѣла по морскому застрахованію.

Восьмой департаментъ правительствующаго сената, на обсужденіе коего восходило настоящее дѣло, принимая въ уваженіе, что уставы 1-го и 2-го страховыхъ отъ огня обществъ указаны XI т. уст. торг. въ раздѣлѣ II о торговыхъ договорахъ, разнымъ родамъ торговли свойственныхъ, и что въ домству коммерческаго суда принадлежать все дѣла по оборотамъ къ торговлѣ относящимся, 7 сентября 1853 г. опредѣлилъ: предписать одесскому коммерческому суду войти въ разсмотрѣніе претензіи Полиньи.

На такое определение директоры 2-го страхового от огня общества принесли всеподданнейшую жалобу, которая, в следствие Высочайшаго о семъ повелѣнія, подлежала разсмотрѣнію общаго сената собранія.

Въ означенной всеподданнейшей жалобѣ своей директоры 2-го страхового от огня общества между прочимъ изъясняли, что по закону дѣла страховыхъ отъ огня обществъ не подчинены вѣдомству коммерческихъ судовъ, и что одно лишь изъясненное въ XI томѣ указаніе всѣхъ существующихъ компаній на акціяхъ, въ томъ числѣ и страховыхъ отъ огня обществъ, не можетъ превратить страховое общество въ торговое, ни по чему къ учрежденіямъ торговымъ не принадлежащее.

По существу обжалованнаго директорами 2-го страхового отъ огня общества опредѣленія правительствующаго сената разрѣшенію общаго собранія подлежалъ вопросъ о подсудности дѣлъ страховыхъ обществъ.

По закону: споры объ убыткахъ между страховыми обществами и хозяевами застрахованныхъ домовъ подлежатъ узаконенному третейскому суду (ст. 1188 т. X ч. 2-й св. зак. гражд.) Въ случаѣ, если одна изъ спорящихся сторонъ будетъ уклоняться отъ выбора посредника или отъ составленія записи, то по жалобѣ другой, судебное мѣсто, коему дѣла общества подвѣдомы, истребовавъ отъ уклоняющейся стороны объясненіе, назначаетъ вмѣсто ея отъ себя посредниковъ (ст. 1194).

Во исполненіе сихъ узаконеній, Высочайше утвержденнымъ 21 октября 1837 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено, что дѣла страховыхъ отъ огня обществъ подлежатъ вѣдомству мѣстной гражданской палаты (т. X ч. II ст. 1190) (*).

Вышеизложенныя узаконенія показываютъ, что споры, меж-

(*) Дѣло Рубинраута, по коему послѣдовало мнѣніе государственнаго совѣта 21 октября 1837 года, напечатано нами въ январской книжкѣ нашего Журнала за 1860 годъ.

ду страховыми обществами и страхователями возникающие, подсудны узаконенному третейскому суду.

Таковой узаконенный третейский судъ не есть учрежденіе постоянное, и потому самому до установленія онаго, всѣ возбуждаемые по сему предмету вопросы должны быть разрѣшаемы тѣмъ судебнымъ мѣстомъ, коему дѣла страхового общества подвѣдомы, т. е. мѣстною гражданскою палатою.

Изъ сего явствуется, что для страховыхъ обществъ сдѣлано закономъ извѣтїе изъ общаго для опредѣленія подсудности правила.

Согласно общему по сему предмету правилу, иски должны быть начинаемы въ томъ судѣ, коему подвѣдомъ отвѣтчикъ (ст. 202). Если же дѣло касается страхового общества, то въ семъ случаѣ совершенно безразлично, представляет ли общество истцомъ или отвѣтчикомъ; и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ дѣла сего рода, до учрежденія третейскаго суда, согласно Высочайше утвержденному 21 октября 1857 г. мнѣнію государственнаго совѣта, подсудны мѣстной гражданской палатѣ, т. е. тому судебному мѣсту, коему дѣла общества подвѣдомы, какъ то именно выражено въ 1194 ст. т. X зак. гражд.

При этомъ возникаетъ вопросъ о томъ, что должно почитать въ вышеозначенныхъ случаяхъ мѣстною гражданскою палатою, т. е. палату ли того города, гдѣ находится правленіе страхового общества, или же палату того города, гдѣ состоитъ застрахованное имущество, послужившее предметомъ спора?

Страховыя общества составляются на акціяхъ и учреждаются на общихъ правилахъ товариществъ (ст. 2199 т. X ч. I-й св. зак. гражд.).

Всякое общество или товарищество есть ничто иное, какъ лицо юридическое, и мѣстомъ пребыванія его должно почитаться то, гдѣ сосредоточены всѣ его дѣла и гдѣ находится его правленіе, которое представляетъ собою все общество.

Согласно сему, въ уставѣ торговомъ постановлено въ отношеніи товариществъ торговыхъ, что мѣстомъ жительства и пребыванія оныхъ, по дѣламъ, всего товарищества касающимся, почитается то, въ коемъ находится его фирма.

Такимъ образомъ судебнымъ мѣстомъ, коему подвѣдомы всѣ дѣла страховаго общества, очевидно будетъ гражданская палата того города, въ коемъ находится правленіе общества, такъ какъ въ ономъ сосредоточиваются всѣ дѣла общества.

Если допустить, что дѣло, возникающее между обществомъ и страхователемъ, можетъ быть подсудно гражданской палатѣ того города, въ коемъ состоитъ застрахованное имущество, то это послужило бы явнымъ противурѣчіемъ ст. 1194 т. X ч. II-й св. зак. гражд., по которой дѣла сего рода должны быть подсудны тому судебному мѣсту, коему подвѣдомы всѣ дѣла общества.

Примѣненіе вышеизложенныхъ узаконеній къ настоящему случаю обнаруживаетъ, что повѣренный правленія 2-го страховаго отъ огня общества Черкуновъ, уклонился отъ составленія третейскаго суда, для разбора спора, возникшаго между обществомъ и мѣщанкою Буртовою о вознагражденіи ея за убытки, происшедшіе отъ пожара, бывшаго въ домѣ ея въ г. Одессѣ.

На такое уклоненіе повѣреннаго Черкунова мѣщанка Буртова должна обратиться съ жалобою, по нахожденію правленія общества въ С. Петербургѣ, въ мѣстную гражданскую палату, которая, какъ въ ст. 1194 т. X ч. 2-й зак. гражд. означено, истребовавъ по таковой жалобѣ отъ уклоняющейся стороны объясненіе, назначаетъ вмѣсто нея отъ себя посредниковъ.

По сямъ основаніямъ общее сената собраніе заключило: объявить мѣщанкѣ Буртовой, что на уклоненіе 2-го страховаго отъ огня общества отъ составленія третейскаго суда, она должна, согласно существующимъ узаконеніямъ, обратиться съ жалобою въ с. петербургскую гражданскую палату, по мѣсту нахожденія правленія общества въ С. Петербургѣ.

III.

Духовное завѣщаніе, на которомъ подписался рукоприкладчикомъ или свидѣтелемъ родственникъ наследника по завѣщанію, можетъ ли быть принято къ засвидѣтельствуванію, если оно составлено въ пользу одного изъ прямыхъ наследниковъ по закону, хотя бы и съ исключеніемъ прочихъ, и если спора противъ завѣщанія ни съ чьей стороны предъявлено не будетъ?

Мѣщанка Матрена Киндякова представила при прошеніи во 2-й департаментъ московской гражданской палаты къ утвержденію домашнее духовное завѣщаніе умершей матери своей, мѣщанки вдовы Марфы Киндяковой, — по которому она предоставила ей, Матренѣ Киндяковой, деревянное строеніе (въ Москвѣ на землѣ Чудова монастыря, хамовнической части, 3-го квартала, подъ №. 278) и все, что приготовлено ей въ приданое: въ завѣщаніи этомъ, между прочимъ, сказано, что если дѣти завѣщательницы, Тимофей и Петръ Киндяковы, будутъ оспаривать это ея распоряженіе и вступаться послѣ нея въ наследство, то отъ нихъ не принимать никакихъ бумагъ. Завѣщаніе сіе подписали: писавшій оное канцелярскій служитель 2-го разряда Орловъ, рукоприкладчикъ за завѣщательницу сынъ ея мѣщанинъ Петръ Киндяковъ и три свидѣтеля: духовный отецъ завѣщательницы, священникъ Архангельскій, купецъ Казаковъ и купеческій сынъ Самойловъ.

По разсмотрѣннн этого завѣщанія, гражданская палата нашла, что оно составлено въ пользу дочери завѣщательницы Матрены Киндяковой, съ извѣщеніемъ, что у нея, завѣщательницы, есть еще дѣти, сыновья — Тимофей и Петръ Киндяковы, а подписано это завѣщаніе, вмѣсто завѣщательницы, по ея неграмотности, сыномъ ея Петромъ; по закону (ст. 1053

ч. I-й т. X зак. гр.), рукоприкладчикъ за завѣщателя долженъ имѣть всѣ тѣ же качества, какія требуются отъ свидѣтеля при завѣщаніи, а по силѣ 1054 ст. того же тома, свидѣтелями не могутъ быть: 1) лица, въ пользу коихъ составлено завѣщаніе, 2) родственники сихъ лицъ до 4-й степени, если завѣщаніе дѣлается не въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ вполне, или хотя частію.

Посему, принявъ во вниманіе, что завѣщаніе Киндяковой составлено частію не въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ, кои послѣ нея долженствовали, по 1127 ст. ч. I-й X т. зак. гражд., состоять дѣти мужескаго пола, гражданская палата признала, что братъ Матрены Киндяковой не имѣлъ права быть свидѣтелемъ или рукоприкладчикомъ за завѣщательницу, ибо, по ст. 204 X тома, находится во 2-й степени родства съ приемницею имѣнія по завѣщанію. На семъ основаніи палата, не утвердивъ завѣщанія, какъ составленнаго вопреки вышеприведенныхъ узаконеній, заключила сдѣлать на ономъ о семъ надпись и возвратить Матренѣ Киндяковой.

На это заключеніе Матрена Киндякова, 26-го марта 1857 года, принесла правительствующему сенату частную жалобу и, представляя подлинное завѣщаніе матери своей, просила утвердить оное на томъ основаніи: 1) что по 1130 ст. X т. зак. гражд., она, какъ и братья, состоитъ прямою наслѣдницею послѣ матери, и потому братъ ея Петръ могъ быть не только рукоприкладчикомъ за завѣщательницу, но и свидѣтелемъ; 2) что въ составленіи завѣщанія соблюдены всѣ главныя правила, установленныя закономъ, и оно сомнѣнію не подлежитъ; и 3) что рукоприкладство брата ея еще болѣе удостовѣряетъ въ дѣйствительности воли матери ея, выраженной въ завѣщаніи, чѣмъ рукоприкладство лица посторонняго.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, общее сената собраніе нашло, что гражданская палата признала невозможнымъ утвердить представленное Матреною Киндяковою духовное завѣщаніе ея матери на томъ основаніи, что по силѣ 1053 ст., 1 и 2 пунк. 1054 ст. ч. I-й X тома зак. гражд., родной

братъ ея, Матрены Киндяковой, Петръ Киндяковъ не могъ подписываться вмѣсто завѣщательницы подъ означеннымъ завѣщаніемъ, составленнымъ въ пользу ея одной, Матрены Киндяковой, съ исключеніемъ какъ его, Петра Киндякова, такъ и другаго ея брата Тимофея Киндякова отъ участія въ наслѣдствѣ; но такъ какъ рукоприкладство, сдѣланное Петромъ Киндяковымъ подъ завѣщаніемъ добровольно, тогда какъ онъ, по закону, имѣлъ право на участіе въ завѣщанномъ имѣніи, служитъ еще большимъ удостовѣреніемъ въ дѣйствительности воли завѣщательницы и въ подлинности завѣщанія, то засимъ, а равно и при неимѣніи въ виду никакого спора противъ сего завѣщанія со стороны братьевъ Киндяковой, Петра и Тимофея, вышеозначенное обстоятельство, что Петръ Киндяковъ подписался подъ завѣщаніемъ вмѣсто завѣщательницы, вовсе не могло служить гражданской палатѣ препятствіемъ къ утвержденію сего завѣщанія. Впрочемъ, рукоприкладство подъ завѣщаніемъ вмѣсто завѣщательницы сдѣлано имъ, Петромъ Киндяковымъ, нисколько не въ нарушеніе правилъ, установленныхъ для составленія завѣщаній въ приводимыхъ гражданской палатою въ основаніе своего заключенія узаконеніяхъ (ст. 1053 и 1054 п. 1 и 2 т. X зак. гражд.), но даже совершенно согласно съ точнымъ смысломъ сихъ узаконеній, потому что на основаніи оныхъ родственники до 4-й степени лицъ, въ пользу коихъ составлено завѣщаніе, не могутъ быть свидѣтелями и рукоприкладчиками вмѣсто завѣщателя въ томъ только случаѣ, когда завѣщаніе составлено не въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ; Матрена же Киндякова, коей предоставлено имущество по завѣщанію ея матери, по силѣ 1127 и 1130 ст. X т. зак. гражд., состоитъ вмѣстѣ съ братьями прямою наслѣдницею послѣ своей матери. Слѣдовательно, руководствуясь точнымъ и буквальнымъ смысломъ вышеприведенныхъ узаконеній, гражданская палата была не въ правѣ отказывать Матренѣ Киндяковой въ засвидѣтельствваніи означеннаго завѣщанія.

Посему, признавая заключеніе гражданской палаты, по этому дѣлу состоявшееся, неправильнымъ, общее сената собраніе опредѣлило: уничтоживъ это заключеніе, препроводить

Ж. М. Ю. Т. VII. Ч. II.

представленное Матреною Киндяковою подлинное завѣщаніе ея матери въ гражданскую палату съ тѣмъ, чтобы въ утверженіи сего завѣщанія поступила на законномъ основаніи, буде не встрѣтятся другихъ законныхъ препятствій.

При разрѣшеніи настоящаго дѣла, заявлено было и другое, противоположное мнѣніе, слѣдующаго содержанія:

По точной силѣ ст. 1053 и 1054 ч. 1-ой т. X св. зак. гражд., Петръ Киндяковъ, какъ состоящій во 2-й степени родства съ Матреною Киндяковою, въ пользу которой составлено духовное завѣщаніе, не имѣетъ требуемыхъ закономъ качествъ для рукоприкладчика подъ завѣщаніемъ, потому что завѣщаніе это составлено частью не въ пользу прямыхъ наследниковъ завѣщательницы, которыми по закону (ст. 1127, 1128 и 1130 ч. 1-ой X т. св. зак. гражд.) считаются законныя дѣти мужскаго пола, ибо имъ, по силѣ 1127 ст., принадлежитъ ближайшее право наследованія послѣ отца или матери, а дочерямъ они выдѣляютъ только указныя части.

Изъ сего явствуетъ, что Петръ Киндяковъ не могъ подписаться подъ духовнымъ завѣщаніемъ матери своей по безграмотности ея.

Обращаясь за тѣмъ къ вопросу, должно ли такое отступление отъ предписанной закономъ формы служить препятствіемъ къ утверженію духовнаго завѣщанія, лица, заявившія это мнѣніе, находили, что въ законахъ поименованы съ точностью отступления, которыя не препятствуютъ засвидѣтельствуванію завѣщанія (ст. 1027, 1034, 1047 и 1049 ч. 1-ой т. X св. зак. гражд.), но къ числу таковыхъ отступленій не отнесено нарушение правила о качествахъ, требуемыхъ отъ рукоприкладчика; слѣдовательно всякое нарушение законнаго порядка въ семъ отношеніи должно служить препятствіемъ къ утверженію завѣщанія.

Что же касается до того, что Петръ Киндяковъ имѣлъ самъ, по закону, право на участіе въ завѣщанномъ имуществѣ, и потому сдѣланное имъ рукоприкладство подъ завѣщаніемъ служитъ еще большимъ удостовѣреніемъ въ подлинности онаго, то и этотъ приводимый просительницею доводъ не

имѣть достаточнаго основанія, ибо въ настоящемъ случаѣ изъ самаго завѣщанія видно, что кромѣ Петра Книдякова устраняется отъ наслѣдованія и другой братъ, Тимофей, и въ дѣлѣ не имѣется положительныхъ свѣдѣній о другихъ могущихъ существовать наслѣдникахъ по закону.

По всѣмъ симъ основаніямъ вышеозначенныя лица полагали: жалобу Матрены Книдяковой на постановленіе 2-го департамента московской гражданской палаты, отказавшаго въ засвидѣтельствованіи духовнаго завѣщанія Матрены Книдяковой, оставить безъ уваженія.

IV.

Безпорядочность и неправильность веденія торговыхъ книгъ не можетъ сама по себѣ служить основаніемъ къ признанію несостоятельнаго должника злостнымъ банкротомъ, если жалобами кредиторовъ и обстоятельствами дѣла не обнаружено со стороны должника злаго умысла или подлога.

Повѣренный комиссіонеровъ сарептскаго общества Семеновъ представилъ въ 1853 году въ 1 департаментъ с. петербургской управы благочинія ко взысканію съ с. петербургскаго 3 гильдіи купца Ефима Рогачева вексель въ 896 р. 43 к. сер.

Впослѣдствіи, повѣренный Семеновъ въ 1854 г. отказался отъ предъявленной имъ претензіи и уничтожилъ искъ на Рогачева.

По предъявленіи означенной претензіи, Рогачевъ далъ 21 мая 1853 г. подписку въ томъ, что долгъ сарептскому обществу обезпечиваетъ имуществомъ своимъ и товаромъ, находящимся въ лабазѣ.

Управа благочинія, по случаю предъявленныхъ на Рогачева

кроме претензии Семенова и других долгов, передала дело 4 февраля 1854 года в коммерческий суд, для объявления Рогачева должником несостоятельным.

Коммерческий суд сдѣлалъ вызовъ кредиторамъ Рогачева, въ слѣдствіе чего было предъявлено на него долговъ на сумму 11489 р. 19 к. сер., въ томъ числѣ отъ коммерческаго банка по векселю 835 р. и отъ казенной палаты за гербовыя пошлины 34 р. сер.

Никто изъ кредиторовъ не явился для избранія членовъ конкурснаго управленія, и потому управленіе это было составлено по назначенію коммерческаго суда.

По описи, составленной присяжнымъ попечителемъ, имущество Рогачева было оцѣнено въ 15 р. 20 к. сер.

Книги Рогачева ведены не по установленной формѣ, въ нихъ оказались поправки, статьи писаны не подъ рядъ и въ нихъ итоги не подведены.

Въ описи Рогачева о долгахъ, слѣдующихъ ему отъ разныхъ лицъ, показано претензій до 10-т. р. сер. безъ означенія документовъ.

На вопросъ конкурснаго управленія о причинахъ упадка, Рогачевъ объяснилъ, что купилъ лабазъ у дяди своего Осипа Рогачева, которому заплатилъ выхода 10-т. р. сер.; что долги его всѣ пропали; книги онъ велъ какъ умѣлъ, также какъ велись оныя прежде его дядею, что долги его увеличились преимущественно отъ процентовъ, выросших на капиталы при выдачѣ кредиторамъ новыхъ долговыхъ обязательствъ.

При открытіи несостоятельности Рогачева, онъ, по распоряженію коммерческаго суда, былъ отправленъ въ отдѣленіе долговыхъ арестантовъ для содержанія подъ стражею; но какъ ни отъ кого изъ кредиторовъ не было требованія о содержаніи Рогачева подъ стражею, то конкурсное управленіе 2 марта 1855 г., освободило Рогачева изъ подъ стражи, а коммерческий судъ, по случаю нахожденія въ числѣ долговъ Рогачева претензій коммерческаго банка, предписалъ содержать Рогачева подъ стражею на счетъ казны.

Конкурсное управленіе, по постановленію 6 Іюня 1855 г., распредѣливъ предъявленныя на Рогачева претензіи и сдѣлавъ заключеніе о порядкѣ ихъ удовлетворенія, признало Рогачева должникомъ злонамѣреннымъ и заключеніе свое по симъ предметамъ положило представить общему собранію заимодавцевъ, но сіи послѣдніе, за двукратнымъ вызовомъ чрезъ вѣдомости, не явились.

С. петербургскій коммерческій судъ, разсмотрѣвъ дѣло по отзыву коммерческаго банка и не имѣя въ виду жалобъ отъ кого-либо изъ кредиторовъ на опредѣленіе 10 апрѣля 1856 г., утвердилъ заключеніе конкурснаго управленія какъ о порядкѣ удовлетворенія долговъ, такъ и о свойствѣ несостоятельности Рогачева.

На рѣшеніе коммерческаго суда о свойствѣ несостоятельности Рогачевъ принесъ апелляціонную жалобу, по которой дѣло, за послѣдовавшимъ въ 4 департаментѣ сената разногласіемъ, разсматривалось въ общемъ сената собраніи.

Въ жалобѣ своей Рогачевъ, опровергая основанія, принятыя конкурснымъ управленіемъ и коммерческимъ судомъ къ признанію его злонамѣреннымъ должникомъ, объяснилъ, что по закону несостоятельность признается злонамѣреннымъ банкротствомъ тогда, когда неоплатность соединена съ умысломъ или подлогомъ, но что ничего подобнаго не доказано по дѣлу о его несостоятельности и потому просилъ рѣшеніе коммерческаго суда о признаніи его злонамѣреннымъ несостоятельнымъ должникомъ отмѣнить и освободить его отъ содержанія подъ стражею.

Изъ вышеизложеннаго видно, что разсмотрѣнію правительствующаго сената въ настоящемъ дѣлѣ подлежалъ вопросъ о свойствѣ несостоятельности Рогачева.

Коммерческій судъ въ основаніе своего заключенія о признаніи Рогачева злонамѣреннымъ должникомъ принялъ существенно то обстоятельство, что книги Рогачева оказались въ безпорядкѣ и ведены не по установленной формѣ.

Изъ дѣла видно, что въ книгахъ Рогачева не выведено итоговъ и статьи записаны не по порядку, почему нельзя вы-

вести съ точностію, на какую именно сумму простирались торговые обороты Рогачева и не заключались ли оныя въ размѣрѣ 3000 р. сер., для котораго законъ въ прим. къ ст. 535 т. XI уст. торг. дѣлаетъ изъятіе въ отношеніи обязанности содержать установленныя торговыя книги.

Въ самомъ законѣ опредѣлено, что должно быть признаваемо банкротствомъ злонамѣреннымъ и неосторожнымъ.

Несостоятельность есть неосторожная и именуется простымъ банкротствомъ, когда неплатность послѣдуетъ отъ вѣдны должника, но безъ умысла и подлога; несостоятельность есть подложная и называется злонамѣреннымъ банкротствомъ, когда неплатность соединена съ умысломъ и подлогомъ (ст. 1861 и 1862 т. XI уст. торг.).

По точному смыслу сихъ узаконеній, а равно по отсутствію несомнѣнныхъ свѣдѣній, что оборотъ торговли Рогачева превышалъ размѣръ (3000 р. сер.), для котораго предписано закономъ веденіе установленныхъ книгъ, надлежитъ разрѣшить вопросъ о томъ:

Была ли соединена неплатность Рогачева съ умысломъ или подлогомъ и подъ которое изъ вышеозначенныхъ опредѣленій подходитъ несостоятельность должника Рогачева?

Обстоятельства дѣла показываютъ, что ни при самомъ началѣ дѣла, ни при послѣдующемъ его производствѣ никто изъ кредиторовъ Рогачева не жаловался на сокрытіе имъ имущества, не обвинялъ его въ умыслѣ и подлогѣ и по дѣлу не обнаружено никакихъ обстоятельствъ, которыя бы указывали на умышленное и подложное сокрытіе имущества.

Напротивъ того изъ дѣла видно:

1, Что претензія повѣреннаго комисіонеровъ сарептскаго общества Семенова, которая послужила поводомъ къ открытію несостоятельности Рогачева, впоследствии была уничтожена и искъ по ней прекращенъ.

2, Общаго собранія заимодавцевъ Рогачева, не смотря на двукратные вызовы конкурснаго управленія, не состоялось, и никто изъ кредиторовъ не явился, въ слѣдствіе чего о свойствахъ

несостоятельности Рогачева не было постановлено предписанного закономъ (ст. 1991 т. XI уст. торг.) рѣшенія общаго собранія заимодавцевъ, а конкурсное управленіе, постановивъ свое заключеніе о свойствѣ несостоятельности Рогачева, поступило вопреки точной силѣ 1983 и 1990 ст. т. XI уст. торг., по смыслу которыхъ конкурсное управленіе обязано сдѣлать только заключеніе свое о причинахъ упадка, а самое рѣшеніе по сему предмету предоставлено общему собранію заимодавцевъ.

Посему коммерческой судъ, утвердивъ заключеніе конкурснаго управленія о признаніи Рогачева злонамѣреннымъ должникомъ, отступилъ отъ установленнаго въ законѣ порядка.

Такимъ образомъ, несостоятельность Рогачева по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ оную, по отсутствію всякихъ доказательствъ умысла и подлога, не подходитъ подъ законное опредѣленіе злонамѣреннаго банкротства (ст. 1862 т. XI уст. торг.).

Разсмотрѣніе книгъ Рогачева ясно показываетъ всю безпорядочность и небрежность, съ коими онъ ведены. Книги эти, а равно письменныя объясненія, данныя Рогачевымъ на вопросы, предложенныя ему конкурснымъ управленіемъ, убѣждаютъ въ крайней малограмотности Рогачева, который едва умѣетъ писать.

Изъ сего надлежитъ заключить, что неоплатность Рогачева, хотя и не была соединена съ умысломъ и подлогомъ, но тѣмъ не менѣе произошла отъ вины самаго должника, изобличеннаго въ безпорядочномъ веденіи торговыхъ дѣлъ.

Посему неоплатность Рогачева подходитъ подъ опредѣленіе, выраженное въ ст. 1861 т. XI уст. торг. для несостоятельности неосторожной, именуемой простымъ банкротствомъ.

Въ слѣдствіе сего бывший с. петербургскій 3-й гильдіи купецъ Ефимъ Рогачевъ долженъ быть признанъ несостоятельнымъ должникомъ неосторожнымъ и подвергнутъ всѣмъ послѣдствіямъ, въ законѣ ст. 2001 т. XI для несостоятельности этого рода постановленнымъ.

На основаніи изложенныхъ соображеній и принявъ во вни-

маніе, что должникъ Рогачевъ содержится подъ стражею и что въ виду коммерческаго суда и правительствующаго сената жалобъ ни отъ кого изъ кредиторовъ не имѣется, общее сената собраніе опредѣлило: рѣшеніе коммерческаго суда о признаніи Рогачева злонамѣреннымъ должникомъ, какъ несогласное съ законами, отмѣнить со всѣми послѣдствіями, и Рогачева признать несостоятельнымъ должникомъ неосторожнымъ.

V.

При раздачѣ оброчныхъ казенныхъ земель во время генеральнаго межеванія въ пополненіе узаконенной пропорціи, слѣдуетъ наблюдать, чтобы прежде всего учиненъ былъ надѣлъ къ казеннымъ селеніямъ до 15 десятинной пропорціи и чтобы только остающееся засилье количество могло быть обращено въ продажу частнымъ владѣльцамъ.—Планъ, выданный въ противность законовъ, не можетъ быть причисленъ къ актамъ генеральнаго межеванія.

При генеральномъ межеваніи саратовской губерніи частные владѣльцы и крестьяне казенныхъ селеній предъявили просьбы о надѣленіи ихъ 15-ти десятинною пропорціею изъ порожжихъ казенныхъ земель.

Саратовская межевая контора, рассматривая въ различное время эти прошенія, раздала казенныя оброчныя земли на рѣчкахъ Еланѣ и Синевкѣ, разнымъ смежнымъ и не смежнымъ помѣщикамъ, въ числѣ послѣднихъ, то есть несмежныхъ, отдала Страховымъ на рѣчкѣ Синевкѣ 1230 дес., а казенныхъ крестьянъ села Троицкаго, Юрта тожъ, и Пригородной слободы города Новохоперска оставила безъ удовлетворенія, на томъ основаніи, что отданная помѣщикамъ земля съ означенною казен-

ною землею не смежна, и что крестьяне села Троицкаго не означили въ просьбѣ, изъ какихъ мѣстъ слѣдуетъ имъ нарѣзать землю, а крестьяне Пригородной слободы просили о томъ уже послѣ раздачи казенныхъ земель частнымъ владѣльцамъ.

По жалобѣ казенныхъ крестьянъ на означенныя дѣйствія межевой конторы, правительствующей сенатъ, въ 1806-мъ году, предоставилъ разсмотрѣнiе этого дѣла межевой канцелярiи, которая, признавая, что, на основанiи 1-го п. указа 14-го августа 1798-го года (№. 18625), казенные крестьяне должны быть надѣлены узаконенною 15-ти дес. пропорціею преимущественно предъ частными владѣльцами, и что Страховы, за силою Высочайшаго указа 28-го августа 1802-го года (№. 20390), не имѣли права на *предпочтительное* предъ казенными крестьянами надѣленіе землею, въ 1815-мъ году, опредѣлила: неправильно отмежеванныя Страхову 1230 дес. отобрать изъ его владѣнiя и оставить въ казенномъ вѣдомствѣ.

Между тѣмъ межевая контора, не представивъ на утверженіе высшихъ правительствъ распоряженiй своихъ о раздачѣ казенныхъ земель, выдала Страхову, въ 1802-мъ году, планъ на отмежеванныя изъ казеннаго вѣдомства земли; за тѣмъ земли сiи, послѣ 1808-го года, исключены изъ оброка, а въ 1807-мъ году заселены Страховыми.

Правительствующій Сенатъ, разсматривая это дѣло въ 1822-мъ году по аппеляціонной жалобѣ Страхова, призналъ рѣшеніе межевой канцелярiи правильнымъ, но, въ уваженіе сдѣланнаго на той землѣ Страховыми въ 1807-мъ году заселенiя, положилъ намѣрить Страхову изъ означенной земли 8-ми десятинную пропорцію, всего 496 десятинъ, а остальную землю, 687 десятинъ съ саженьями, отрѣзать въ казенное вѣдомство.

Въ исполненіе этого рѣшенiя сената, утвержденнаго въ 1824-мъ году и государственнымъ совѣтомъ, въ 1826-мъ году отрѣзано изъ владѣнiя Страховыхъ 687 дес. 2133 сажени, которыя и отданы казеннымъ поселянамъ Пригородной слободы въ безпореоброчное содержаніе. Затѣмъ, при переложенiи податей съ душъ на землю, участокъ этотъ вошелъ въ оцѣнку,

и за него государственными крестьянами уплачивается донынѣ поземельная подать вообще съ прочею, состоящею въ ихъ пользованіи, землею.

Страховъ на всѣ эти распоряженія не жаловался, но въ 1848-мъ году, по истеченіи 24-хъ лѣтъ со времени восполнѣнія мѣрнѣя государственнаго совѣта, дочь Страхова, жена генераль-лейтенанта Вохина, принесла всеподданнѣйшее прошеніе, въ коемъ объясняла, что рѣшеніе межевой канцеляріи о надѣленіи Страхова 8-ми, а не 15-ти десятинами пропорціею земли послѣдовало *по недоразумѣнію*, и просила о *пожалованіи ей отрѣзанной въ казну земли въ уваженіе 35-ти лѣтней службы мужа и заслугъ родственниковъ*.

Прошеніе сіе, равнымъ образомъ какъ и два другія всеподданнѣйшія прошенія ея, поданныя въ 1851-мъ и 1858-мъ годахъ, оставлены безъ удовлетворенія.

Въ послѣдствіи Вохина принесла четвертое всеподданнѣйшее прошеніе, въ коемъ доказывала, что рѣшенія правительствующаго сената и государственнаго совѣта нарушаютъ всѣ существующіе коренные законы, утверждающіе права собственности, и просила возвращенія ей собственности, неотъемлемой по законамъ.

Это прошеніе, по Высочайшему повелѣнію, передано было на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Доводы Вохинной, по существу дѣла, приводятся къ слѣдующимъ главнымъ основаніямъ:

- 1) что распоряженіе саратовской межевой конторы 1801-го года о надѣленіи Страхова землею основано было на точномъ смыслѣ 1-го п. указа 14-го августа 1798-го года;
- 2) что съ того времени, до рѣшенія межевой канцеляріи 1815-го года, земля эта находилась во владѣніи Страхова болѣе земской давности;
- 3) что изъ саратовской межевой конторы выданъ Страхову на означенную землю въ 1802-мъ году планъ, принадлежащій къ непоколебимымъ актамъ генеральнаго межеванія;

4) что казенные крестьяне вовсе не владѣли и нынѣ не владѣютъ означенною землею;

5) что Страховы лишены законно принадлежащей имъ собственности по случаю несогласнаго съ существомъ дѣла изложенія всеподданнѣйшаго доклада правительствующаго сената 1822-го года.

При разсмотрѣніи сихъ доводовъ въ государственномъ совѣтѣ были приняты слѣдующія основанія:

1.) *Относительно законности распоряженія саратовской межевой канторы объ отмежеваніи Страховымъ въ 1810-мъ году казенной оброчной земли.* Настоящее дѣло возникло не по особому исковому прошенію, а по случаю генеральнаго межеванія саратовской губерніи, по частнымъ просьбамъ помѣщиковъ и казенныхъ крестьянъ о надѣленіи ихъ узаконенною пропорціею земли на точномъ основаніи межевыхъ законовъ, и потому разрѣшеніе онаго должно быть основано, какъ на общихъ межевыхъ законахъ того времени, когда событія совершались, такъ и на особыхъ узаконеніяхъ, установленныхъ именно для генеральнаго межеванія саратовской губерніи.

Общее коренное правило относительно раздачи казенныхъ оброчныхъ земель при генеральномъ межеваніи въ пополненіе узаконенной пропорціи, выраженное въ межевой инструкціи 1766-го года (гл. XIX п. 2 и гл. XXXII п. 9), состоитъ въ томъ, чтобы *прежде всего* изъ оброчныхъ земель оставлять къ казеннымъ селеніямъ такое число, чтобы всей земли была полная 15-ти десятинная пропорція, а частнымъ владѣльцамъ продавать *то за тѣмъ останется.*

Строгое наблюденіе сего правила неоднократно было подтверждено въ особенноти для всѣхъ многоземельныхъ губерній, къ числу коихъ въ то время была причислена и саратовская.

Въ самомъ указѣ 25-го іюня 1797-го года (№ 18019), о началѣ межеванія въ саратовской, оренбургской и другихъ губерціяхъ, въ 10-мъ пунктѣ именно сказано, что въ тѣхъ

губерніяхъ заключается наибольшее пространство лѣсовъ и земель казенныхъ и установлены первоначальныя правила, дабы изъ оныхъ не было отмежевано какое-либо количество неправильнымъ образомъ къ дачамъ владѣльческимъ. Правила сіи дополнены и пояснены рядомъ постановленій, состоявшихся въ 1797-мъ, 1798-мъ, 1800-мъ и 1801-мъ годахъ и имѣвшихъ цѣлью точнѣйшее исполненіе Высочайшей воли о надѣленіи казенныхъ крестьянъ 15-ти десятиною пропорціею земли.

Такимъ образомъ:

1.) Указомъ 27-го ноября 1797-го года (№. 18256) предписано крестьянамъ, не имѣющимъ назначенной межевою инструкціею пропорціи земли по 15-ти десятинамъ, отдать изъ оборочныхъ казенныхъ земель такое количество, чтобы съ находящею нынѣ у тѣхъ крестьянъ во владѣніи было полное число по 15-ти десятинамъ на душу: ибо чрезъ таковое удовлетвореніе крестьяне, землями скудные, прійдутъ въ лучшее состояніе и сдѣлаются исправными казенныхъ податей плательщиками.

2.) Указомъ 14-го августа 1798-го года (№. 18625), въ коемъ заключаются дополнительныя правила для межеванія саратовской губерніи, въ п. 1-мъ сказано, чтобы изъ казенныхъ порожнихъ земель *напередъ* намѣривать казеннымъ поселеніямъ на каждую ревизскую душу по 15-ти десятинамъ, а *оставшіяся, за ихъ полнымъ удовольствіемъ, определять владѣльцамъ также по 15-ти десятинамъ*. Когда жъ за удовольствіемъ казенныхъ селеній, на число владѣмыхъ душъ полной пропорціи доставать не будетъ, въ такомъ случаѣ додавать въ другихъ мѣстахъ изъ ближайшихъ казенныхъ свободныхъ земель.

3.) Указомъ 19-го августа того же 1798-го года (№. 18633), для точнѣйшаго исполненія Высочайшаго соизволенія о снабженіи крестьянъ казеннаго вѣдомства землею, согласно указу 27-го ноября 1797-го года, предписано казеннымъ палатамъ учинить разверстку земель между казенными поселеніями совершенно уравнительно и по способности и пред-

ставить о томъ на утверждение въ межевой департаментъ севата.

4.) Указомъ 27-го января 1801-го года (№. 19735) предписано, во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, въ конхъ земли состоятъ достаточно, намѣрить казеннымъ поселянамъ 15-ти десятичную пропорцію.

5.) Въ указѣ 17-го октября тогоже 1801-го года (№. 20033), объ удовольствованіи казенныхъ крестьянъ положенною пропорціею земли предпочтительно предъ тѣми лицами, коимъ она Всемилостивѣйше пожалована, изложены свѣдѣнія, въ какихъ именно губерніяхъ имѣется достаточное количество казенныхъ порожнихъ и оброчныхъ земель; въ числѣ этихъ губерній показана и саратовская, и за тѣмъ подтверждено о соблюденіи указовъ 27-го ноября 1797-го и 27-го января 1801-го годовъ, и сказано, что тамъ, гдѣ казеннымъ крестьянамъ полной 15-ти десятичной пропорціи недостаетъ, не можно почестъ никакихъ земель свободными, но всѣ онѣ поступаютъ и считаются принадлежащими, по точному содержанию Высочайшихъ указовъ 1797-го и 1801-го годовъ, въ надѣленіе и уравниеніе казеннымъ поселянамъ.

6.) Наконецъ въ указѣ 24-го ноября того же 1801-го года (№. 20057) сказано, чтобы, при генеральномъ межеваніи саратовской губерніи, къ каждому казенному селенію, не исключая и обмежеванныхъ во время опекунскаго межеванія, наполнять и примезевывать 15-ти десятичную пропорцію изъ ближайшихъ смежныхъ казенныхъ, впускъ лежащихъ и оброчныхъ земель, *предпочитая казенныя селенія предъ владѣльческими, сообразно 1-му пункту дополнительныхъ 1798-го года статей*, въ уваженіе того, что о удовольствованіи казенныхъ поселянъ 15-ти десятичною пропорціею Высочайшій указъ 1797-го года ноября 11-го дня состоялся прежде изданія дополнительныхъ статей 1798-го года.

Независимо отъ сего, указомъ 26-го сентября 1800-го года (№. 19574), для обезпеченія казенныхъ земель отъ неправильнаго притязанія и ущерба по неправильнымъ рѣшені-

ямъ межевыхъ правительствъ, на всѣ дѣла по генеральному межеванію распространена сила указа 19-го августа 1799-го года о томъ, чтобы ни по какому рѣшенію никакая принадлежность изъ дѣйствительнаго владѣнія и вѣдомства казеннаго не отходила безъ Высочайшаго утвержденія, а въ указѣ 10-го мая 1821-го года (28624) сказано, что порядокъ, въ указѣ 1799-го года августа 19-го установленный, чтобы никакое рѣшеніе по дѣламъ, до государственныхъ имуществъ относящимся, не было приводимо въ исполненіе безъ представленія въ правительствующій сенатъ, остается въ своей силѣ, хотя бы со стороны стряпчаго и послѣдовало упущеніе или подписано было удовольствіе.

По точному разуму вышеприведенныхъ законоположеній, которыя, и по времени своего воспослѣдованія и по содержанію своему, должны имѣть полное примѣненіе къ настоящему дѣлу, межевая контора обязана была удовлетворить казенныхъ крестьянъ какъ села Троицкаго, Юрта тожь, такъ и Пригородной слободы полною пропорціею земли, а изъ оставшихся за тѣмъ земель могла надѣлить и частныхъ владѣльцевъ, отдавая всегда предпочтеніе первымъ предъ послѣдними; но контора, въ противность сихъ указовъ, раздала казенныя земли, какъ смежнымъ, такъ и несмежнымъ владѣльцамъ, и въ числѣ сихъ послѣднихъ Страховымъ, а прошенія казенныхъ крестьянъ оставила безъ удовлетворенія, какъ по случаю несмежности, такъ и потому, что они не указали мѣсть, изъ коихъ могло быть сдѣлано надѣленіе. Но ни въ одномъ изъ вышеприведенныхъ постановленій о надѣленіи казенныхъ крестьянъ 15-ти десятинаю пропорціею земли не заключается правила о томъ, чтобы крестьяне сии были обязаны указать самыя земли, подлежащія отводу, а по собранымъ межевою канцеляріею свѣдѣніямъ и равнымъ образомъ изъ уменьшительнаго плана, составленнаго въ межевой конторѣ, въ исполненіе указа правительствующаго сената 1806-го года, видно, что деревня Таволжанка Страховыхъ вовсе не смежна съ казенною землею, изъ коей сдѣлано имъ надѣленіе, что она находится отъ казенной оброчной земли *дале* казеннаго села Троицкаго, Юр-

та тожь, и Пригородной слободы, и именно: *позади* села Троицкаго, Юрта тожь.

Независимо отъ сего слѣдуетъ принять во вниманіе, что межевая контора, раздавъ казенныя оброчныя земли, не представила своихъ по сему предмету опредѣлений на утверженіе высшихъ правительствъ и выдала Страховымъ, Спицынымъ и Суринымъ и самыя планы на отрѣзанныя изъ казеннаго вѣдомства земли, безъ испрошенія Высочайшаго соизволенія установленнымъ порядкомъ.

Изъ сего, по мнѣнію государственнаго совѣта, обнаруживается, что распоряженіе саратовской межевой конторы о надѣленіи деревни Таволжанки Страховыхъ въ 1801-мъ году несмежною казенною землею противно не только указу 14-го августа 1798-го года, на который Вохина ссылается въ 4-мъ всеподданнѣйшемъ прошеніи, доказывая, что дѣйствіе межевой конторы о раздачѣ казенныхъ земель было вполне законно, но и всѣмъ узаконеніямъ того времени, къ настоящему дѣлу относящимся.

2.) *Относительно владѣнія Страховыми отмежеванною изъ казны землею болѣе земской давности.* Изъ дѣла видно, что Страховъ обратился въ межевую контору съ просьбою о надѣленіи его 15-ти десятинною порціею земли изъ казенныхъ земель въ 1801-мъ году; въ томъ же году послѣдовало и опредѣленіе межевой конторы объ отмежеваніи въ его владѣніе 1230 дес.; самое межеваніе учинено 17-го августа 1801-го года, а планъ на землю выданъ 23-го января 1802-го года.

За тѣмъ жалобы казенныхъ крестьянъ на неправильную раздачу казенныхъ оброчныхъ земель принесены въ 1806-мъ году, и въ томъ же году правительствующій сенатъ предписалъ межевой канцеляріи о разсмотрѣніи сего дѣла: слѣдовательно, со времени выдачи плана до возбужденія дѣла прошло только 4 года, и потому права Вохниной не могутъ быть ограждены закономъ о земской давности, тѣмъ болѣе, что начало владѣнія Страховыхъ казенною землею на правѣ собственности

вовсе не совпадаетъ съ временемъ выдачи плана въ 1802-мъ году: изъ прошенія самого Страхова, поданнаго въ межевую канцелярію въ 1808-мъ году, видно, что та земля въ 1808-мъ году еще не была исключена изъ оброка, а изъ представленныхъ имъ при апелляціонной жалобѣ правительствующему сенату документовъ оказывается, какъ это призналъ и правительствующій Сенатъ, что заселеніе на этой землѣ сдѣлано имъ лишь въ 1807-мъ году, то есть, послѣ подачи казенными крестьянами жалобъ на неправильныя дѣйствія межевой конторы. Такимъ образомъ, по мнѣнію государственнаго совѣта, нельзя признать, чтобы казенная земля была въ безспорномъ владѣніи Страховыхъ и притомъ въ теченіе 10-ти лѣтъ; ибо если бы даже было признано, что владѣніе Страховыхъ воспріяло свое начало съ 1801-го года, то во всякомъ случаѣ безспорность онаго прекратилась въ 1806-го года, когда правительствующій сенатъ предписалъ о разсмотрѣніи дѣла сего судебнымъ порядкомъ.

Между тѣмъ неправильная раздача межевою конторою земель могла бы быть оставлена въ своей силѣ въ такомъ лишь случаѣ, если бы дѣйствіе сіе покрывалось истеченіемъ десятилѣтней давности, ибо примѣненіе къ казеннымъ крестьянамъ апелляціонныхъ сроковъ въ настоящемъ случаѣ мѣста имѣть не можетъ, такъ какъ рѣшеніе межевой конторы 1801-го года, о надѣленіи Страховыхъ казенною землею, послѣдовало не по псковому прошенію, а по частной просьбѣ о надѣленіи казенною землею; слѣдовательно самое дѣло по роду своему принадлежало къ дѣламъ, заключающимъ въ себѣ общій государственный интересъ (см. ук. 25-го іюня 1797-го года о размеж. саратов. губерн. №. 18019), и получило свойство тяжёбнаго лишь со времени постановленія межевою канцелярією опредѣленія въ 1815-мъ году и объявленія онаго всѣмъ участвующимъ лицамъ апелляціоннымъ порядкомъ. Наконецъ самое рѣшеніе межевой конторы 1801-го года, объ отмежеваніи казенной земли, подлежало ревизіи порядкомъ, установленнымъ въ указѣ 26-го сентября 1800-го года (19574), а такъ какъ межевая контора привела его въ исполненіе своею

властию, безъ утвержденія высшихъ правительствъ, то и распоряженіе ея, какъ и всякое противозаконное дѣйствіе, подлежитъ уничтоженію, если только оно не покрывается давностію.

Посему государственный совѣтъ призналъ, что отмежеванная Страховымъ въ 1801-году казенная земля не находилась въ безспорномъ владѣніи ихъ въ теченіи 10-ти лѣтъ на правѣ полной собственности, и потому законъ о давности не можетъ служить основаніемъ къ отсужденію этой земли изъ казеннаго вѣдомства.

3.) Относительно выданнаго Страхову изъ саратовской межевой конторы 23-го января 1802-го года геометрическаго спеціальнаго плана. Высочайшими указами 3-го декабря 1780 (15091) и 24-го января 1783-го годовъ (15648) предписано межевымъ конторамъ и канцеляріямъ на отмежеванные кому-либо какія казенныя земли и лѣса планы и межевыхъ книгъ не выдавать и владѣніи за дѣйствительныя не почитать, но представлять дѣла въ межевую экспедицію. Изъ сего открывается, что выданный межевою конторою Страхову 23-го января 1802-го года планъ на казенную землю, составляющій притомъ не иное что, какъ послѣдствіе неправильнаго распоряженія межевой конторы, которая не имѣла права ни раздавать самовольно казенныя земли, ни выдавать на оныя планы, не можетъ имѣть какой-либо силы. Притомъ же планъ сей выданъ 23-го января 1802-го года, а указъ сената, о разсмотрѣніи распоряженія межевой конторы о раздачѣ казенныхъ земель и о выдачѣ этого плана, послѣдовалъ 25-го октября 1806-го года; слѣдовательно это неправильное дѣйствіе не покрывается давностію, а планъ, выданный въ противность законныхъ и уничтоженный, какъ только о неправильной его выдачѣ дошло до свѣдѣнія правительства въ 1815 году, то есть 45 лѣтъ тому назадъ, не можетъ быть причисленъ къ непоколебимымъ актамъ генеральнаго размежеванія.

4.) Относительно владѣнія казенными крестьянами спорною землею. Показаніе Вохвиной, будто казенные крестьяне не владѣли и нынѣ не владѣютъ означенною землею, положительно опровергается не только свѣдѣніями, изложенными въ мнѣ-

ни бывшего министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, но и обстоятельствами настоящаго дѣла и актомъ осмотра мѣстности 3-го августа 1850-го года, представленнымъ самою Вохиною въ подтвержденіе своего показанія.

Изъ дѣла видно, что предписаніе межевой конторы объ отмежеваніи означенной земли во владѣніе однодворцамъ Пригородной слободы послѣдовало еще въ 1826-мъ году. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ бывшимъ министромъ государственныхъ имуществъ, оказывается, что земля эта отдана въ безпереоброчное содержаніе государственныхъ крестьянъ и при переложеніи податей съ душъ на землю вошла въ офѣнку; что за нее крестьяне уплачиваютъ поземельную подать вообще съ прочею, состоящею въ ихъ пользованіи, землею. Наконецъ въ самомъ актѣ 1850-го года сказано, что земля находится во владѣніи Пригородной слободы города Новохоперска, что она состоитъ изъ 3-хъ участковъ, изъ коихъ два отдаются крестьянами по условію разнымъ лицамъ, а на 3-мъ ими самими производится посѣвъ. Что же касается до того, что въ актѣ семь сказано, что на всей дачѣ не имѣется и прежде не имѣлось никакихъ построекъ, то это не можетъ служить доказательствомъ того, что казенные крестьяне не владѣли землею.

5.) *Относительно несогласнаго съ существомъ дѣла изложенія всеподданнѣйшаго доклада правительствующаго сената 1822-го года, на основаніи коего послѣдовало Высочайше утвержденное 19-го февраля 1824-го года мнѣніе государственнаго совѣта.* На неправильное изложеніе сего дѣла Вохина въ первомъ всеподданнѣйшемъ прошеніи 1848-го года не жаловалась, а просила лишь о пожалованіи ей означенной земли въ уваженіе 35-ти лѣтней службы мужа и заслугъ родственниковъ, изъ коихъ одинъ убитъ въ сраженіи, но въ четвертомъ всеподданнѣйшемъ прошеніи она доказываетъ уже, что неправильное рѣшеніе дѣла послѣдовало вслѣдствіе несогласнаго съ существомъ дѣла изложенія всеподданнѣйшаго доклада правительствующаго сената.

Въ подтвержденіе сего Вохина приводила слѣдующія два обстоятельства:

1) межевая канцелярія и правительствующій сенатъ, дѣлая расчетъ землямъ маіора Сафонова при сельцѣ Савалѣ и дочери его Надежды Страховой при особой деревнѣ Таволжанкѣ, принимали въ счетъ всѣхъ тамъ поселенныхъ крестьянъ, между тѣмъ какъ въ особой деревнѣ Таволжанкѣ 82 души принадлежали Страхову, который собственной земли вовсе тамъ не имѣлъ; земли же, принятыя въ расчетъ для надѣленія крестьянъ Страхова въ означенныхъ дачахъ, составляли въ лицѣ Сафонова и дочери его Надежды Страховой, исключительныя отдѣльныя ихъ неприкосновенныя по закону собственности; вслѣдствіе чего и надѣлять тѣми землями, принадлежащими Сафонову и дочери его Надеждѣ Страховой, при ея еще жизни, крестьянъ Страхова ни межевая канцелярія, ни правительствующій сенатъ не имѣли законнаго основанія, какъ потому, что надѣляли чужою неприкосновенною собственностію, такъ и потому, что по силѣ законовъ, (изъ коихъ составлена 109-я статья X т. св. гражд. зак. (изд. 1857-го года), бракомъ не составляется общности имущества между супругами;

2) правительствующій сенатъ, рѣшая дѣло Страхова по примѣненію къ прежнимъ рѣшеніямъ двухъ подобныхъ дѣлъ: Шариной и князей Оболенскихъ, не воплію примѣнилъ сія рѣшенія.

Противу сего слѣдуетъ замѣтить, что не только межевая канцелярія и правительствующій сенатъ принимали при исчисленіи отмежеванной Страхову земли въ расчетъ, какъ число крестьянъ Страхова, такъ и число крестьянъ Надежды Страховой, урожденной Сафоновой, но это сдѣлано и межевою конторою по просьбѣ самихъ владѣльцевъ и потому отмежеванная изъ казны земля наръзана, по распоряженію межевой конторы въ 1801-мъ году, не одному Страхову, а во владѣніе Надежды и Алексѣя Страховыхъ и самый планъ 1802-го года подписанъ Надеждою и Алексѣемъ Страховыми.

выми. Противу этого никто не спорилъ въ теченіе 60-ти лѣтняго производства этого дѣла, вопроса объ общности имущества между супругами никто въ дѣлѣ семь не возбуждалъ и сама Вохина противъ разчета, сдѣланнаго сенатомъ, не спорить, а показаніе ея, что сенатъ не имѣлъ права надѣлять крестьянъ Страхова землею, принадлежащую Сафонову и дочери его Надеждѣ, совершенно противно существу дѣла: ибо надѣленіе сдѣлано *изъ казенныхъ земель*, а вовсе не изъ земель Страховыхъ или Сафоновыхъ. Изъ сего открывается, что объясненіе Вохиной о несогласномъ будто бы съ существомъ дѣла изложеніи доклада правительствующаго сената, не можетъ быть принято въ уваженіе.

Что же касается до примѣненія рѣшеній, то достаточно замѣтить, что примѣненіе можетъ быть полное и неполное, и слѣдовательно, изъ неполнаго примѣненія нельзя вывести заключенія о неправильности самаго рѣшенія, тѣмъ болѣе, что правительствующій сенатъ присудилъ въ 1822-мъ году Страхову землю не по законному праву, а въ уваженіе сдѣланнаго имъ заселенія на неправильно отрѣзанной изъ казеннаго вѣдомства землѣ; почему на приведеніе своего рѣшенія въ исполненіе сенатъ испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе и государь императоръ на сіе Высочайше соизволилъ, на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта 19-го февраля 1824-го года. Изъ сего явствуетъ, что Страховъ въ 1824-мъ году получилъ казенную землю въ видѣ изъятія изъ общаго порядка, по Монаршему соизволенію, а наследница Страхова, Вохина, нынѣ доказываетъ, что такое распоряженіе нарушаетъ всѣ законы и отъемлетъ у нея собственности, принадлежащую ей по закону.

На основаніи всѣхъ сихъ соображеній государственный совѣтъ призналъ, что всеподданнѣйшій докладъ правительствующаго сената 1822-го года по изложенію своему совершенно согласенъ съ обстоятельствами дѣла, а по существу основанъ на точномъ разумѣ законовъ, современныхъ спорнымъ событіямъ. Слѣдовательно всеподданнѣйшее прошеніе

Вохиной, ни по обвиненію канцеляріи сената въ неправильномъ изложеніи въ 1822-мъ году всеподданнѣйшаго доклада, ни по существу самаго дѣла, не можетъ заслуживать уваженія.

Наконецъ государственный совѣтъ не могъ при семь не принять въ соображеніе и того обстоятельства, что означенный всеподданнѣйшій докладъ Сената удостоенъ Высочайшаго утвержденія, на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, 36 лѣтъ тому назадъ, и что отмежеванная казеннымъ крестьянамъ, въ исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, земля находится съ того времени, въ теченіе болѣе 3-хъ земскихъ давностей, въ спокойномъ и безспорномъ ихъ пользованіи, которое, за силою ст. 213-ой т. X ч. II зак. гражд. судопр., ограждается въ своей непоколебимости, точно также какъ и владѣніе. Слѣдовательно отбирать эту землю изъ пользованія казенныхъ крестьянъ по всеподданнѣйшему прошенію, не подтвержденному законными доказательствами, было бы тѣмъ болѣе несправедливо, что общіе законы о твердости и непоколебимости рѣшеній судебныхъ мѣстъ получаютъ особенную важность въ примѣненіи къ мнѣніямъ государственнаго совѣта, постановляемымъ послѣ подробнаго обсужденія дѣла во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ и приводимыхъ въ исполненіе не иначе, какъ по удостоеніи сихъ мнѣній Высочайшаго утвержденія его императорскаго величества.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ: всеподданнѣйшую жалобу жены генералъ-лейтенанта Надежды Вохиной оставить безъ послѣдствій.

Это мнѣніе удостоено Высочайшаго утвержденія 19 ноября 1860 года.

VI.

Вдовцы и вдовы, пользуясь дарованнымъ 1149-ю и 1153-ю статьями 1-й части X т. св. зак. гр. правомъ на получение указныхъ частей изъ тѣхъ имѣній, кои остаются послѣ тестя и свекра, не имѣютъ этого права въ отношеніи имѣній, остающихся послѣ тещи и свекрови.

По смерти тайной совѣтницы Брискорнъ, послѣдовавшей 30 марта 1836 года, надворная совѣтница Екатерина Струкова поданнымъ 9 іюля тогожъ 1836 года въ с. петербургскій уѣздный судъ объявленіемъ, предъявивъ къ оставшемуся послѣ Брискорнъ имѣнію право наслѣдованія сына Брискорнъ отъ перваго брака, а ея Струковой мужа, надворнаго совѣтника Еммануила Струкова, въ указной части, просила къ означенному имѣнію, на основаніи 718 статьи X тома свода законовъ гражданскихъ, (изд. 1832 г.) (*) утвердить ее, Струкову, наслѣдницею въ той части, каковая женамъ послѣ мужей 717-ою статьею тогожъ X тома положена.

Противъ сего сынъ Ольги Брискорнъ, полковникъ Петръ Струковъ, поданнымъ 14 января 1837 года въ уѣздный судъ прошеніемъ отозвался, что по записи, совершенной 1823 года октября 25 дня въ санктпетербургской палатѣ гражданскаго суда, умершему его брату Еммануилу Струкову подарено отъ матери ихъ Ольги Брискорнъ изъ благопріобрѣтеннаго ея имѣнія 180 душъ крестьянъ въ екатеринославской губерніи, а посему на основаніи 137 и 138 статей X тома свода законовъ гражданскихъ, означенный братъ его Еммануилъ Струковъ, какъ получившій въ даръ изъ родитель-

(*) Статьи законовъ, цитируемыя въ настоящемъ рѣшеніи, изложены по своду изд. 1832 года.—

скаго имѣнія, есть сынъ отдѣленный, жена же его Екатерина Струкова требованіе свое хотя и основываетъ на 718 статьѣ тогожь X тома, но какъ послѣ отца его, Струкова, не осталось никакого наслѣдства, то означенная статья закона не можетъ быть примѣняема къ настоящему случаю, а потому просилъ: по разсмотрѣніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, учинить законное постановленіе.

Санктпетербургскіе уѣздный судъ и гражданская палата, по разсмотрѣніи сего дѣла, 1837 года іюня 8 и октября 12 рѣшеніями опредѣлили: предъявленный Екатериною Струковой искъ о выдѣлѣ ей указной части изъ имѣнія свекрови ея Ольги Брискорнъ, не имѣетъ правильныхъ основаній, ибо 717 и 718 статьи X тома свода законовъ гражданскихъ, коими Струкова старается доказать умѣстность своего требованія, предоставляютъ вдовѣ только право на участіе въ имѣніи свекра; а потому Струкову отъ всякаго участія въ имѣніи, оставшемся послѣ свекрови ея тайной совѣтницы Брискорнъ, устранить и ко всему вообще оставшемуся послѣ Брискорнъ имѣнію, согласно 700-ой статьѣ X тома свода законовъ гражданскихъ, признать единственнымъ наслѣдникомъ сына ея полковника Петра Струкова.

По принесенной на рѣшеніе палаты жалобѣ Струковой, правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло сіе во всей подробности, нашелъ, что въ этомъ дѣлѣ подлежатъ разрѣшенію два только вопроса: 1-й, надворная совѣтница Струкова, которой мужъ умеръ прежде матери своей, *имѣетъ ли* право на получение седьмой части изъ недвижимаго имѣнія, слѣдовавшаго мужу ея при его жизни? 2-й, ежели она, Струкова, имѣетъ право на подобное наслѣдіе, то *можно ли* основать оное на 718 статьѣ X тома свода законовъ гражданскихъ, которою опредѣляется вдовамъ послѣ свекровъ изъ имѣнія, слѣдовавшаго мужьямъ ихъ, умершимъ прежде отцовъ своихъ, выдѣлять седьмую часть и признать узаконеніе сіе, относящееся къ лицу свекра, обязательнымъ и для свекрови, которыхъ отношенія къ нисходящей линіи суть равносильны. И ежели принять ихъ таковыми, то какъ въ законѣ упомянута одна обязанность къ

лицу свекра относящаяся, то можно ли ее отнести къ лицу свекрови безъ пополненія самаго закона и безъ испрошенія Высочайшаго утвержденія? Первый изъ сихъ вопросовъ ясно разрѣшается именнымъ 1731 года марта 17 дня указомъ и основанною на немъ 717 статьею X тома свода законовъ гражданскихъ, коими постановлено: *указомъ 1731 года*: послѣ умершаго мужа изъ всего его недвижимаго имѣнія, какого бы званія за нимъ ни было, изъ жилого и изъ пустаго, давать жепъ его со ста по 15 четвертей въ вѣчное владѣнiе, а изъ движимаго имѣнiя по уложенью; а 717 *статьею*: законная жена, послѣ мужа какъ при живыхъ дѣтяхъ, такъ и безъ опыхъ, получаетъ изъ недвижимаго имѣнiя седьмую часть, а изъ движимаго четвертую. На основанiи сихъ узаконенiй вдова Струкова имѣетъ неотъемлемое право на полученiе седьмой части изъ принадлежащаго собственно мужу ея недвижимаго имѣнiя. Что касается втораго вопроса, о правѣ Струковой на полученiе таковой части изъ недвижимаго имѣнiя, слѣдовавшаго мужу ея по смерти его матери, а ея Струковой свекрови, то соображая оное обстоятельство съ существующими на сей случай узаконенiями, правительствующiй сенатъ находилъ: что вышеприведеннымъ именнымъ 1731 года марта 17 дня указомъ постановлено: *въ 1-мъ пунктѣ*, — а ежели послѣ умершаго останется невѣстка, сыновья жена, и ей дать изъ той части, которая подлежала мужу ея, со 100 по 15 четвертей; *во 2-мъ пунктѣ*, у кого сына два, или три, а при немъ, одинъ сынъ умретъ, а послѣ того его сына останется жена съ дѣтьми, а за тѣмъ его сыномъ собственнаго недвижимаго ничего не было, и такимъ вдовамъ изъ свекровыхъ недвижимыхъ, при немъ свекрѣ ея при живомъ, изъ той части, что надлежало дать тому его умершему сыну, дать со 100 по 15 четвертей; а замѣнявшими сей указъ 718 и 720 статьями X тома свода законовъ гражданскихъ узаконено: 718, вдова не лишается указанной части и изъ того имущества, которое слѣдовало бы мужу ея, еслибы при открытiи наслѣдства послѣ отца его онъ въ живыхъ находился; 720 *въ продолженiи*, вдова получаетъ при жизни свекра ея указную часть изъ той доли недвижимаго его

имѣнія, которая слѣдовала бы умершему ея мужу. Сверхъ сего принимая въ основаніе 700 статью тогдашнѣ X тома, на основаніи которой ближайшее право наслѣдованія послѣ отца или матери принадлежитъ ихъ дѣтямъ, и то, что по духу российскаго законодательства, въ порядкѣ наслѣдованія мужъ и жена какъ въ восходящей линіи къ отцамъ ихъ и матерямъ, къ дѣдамъ и бабкамъ, такъ и въ нисходящей линіи дѣти ихъ, внуки и далѣе, совершенно равносильны, — Еммануилъ Струковъ въ наслѣдованіи имѣніемъ какъ послѣ его отца, такъ и послѣ матери, имѣеть одинаковое право, а по немъ и его жена Екатерина Струкова въ слѣдующей ей послѣ мужа указной седьмой части потому наиболѣе, что послѣ отца Струкова, а ея свекра, не осталось никакого имѣнія. По симъ уваженіямъ правительствующій сенатъ полагалъ: послѣдовавшія по дѣлу рѣшенія уѣзднаго суда и палаты, отказывающія въ псѣбъ Струковой, какъ несообразныя съ существомъ дѣла, отмѣнить и, признавъ узаконенное 718 и 720 статьями X тома свода законовъ гражданскихъ право вдовъ на наслѣдованіе указною частию изъ слѣдовавшаго мужьямъ ихъ недвижимаго имѣнія послѣ отцовъ, а ихъ свекровъ, совершенно одинаковымъ и равно обязательнымъ, и на оставшіяся недвижимыя имѣнія послѣ матерей, а ихъ свекровей, выдѣлить вдовѣ Струковой изъ слѣдовавшаго умершему ея мужу Еммануилу Струкову послѣ матери его недвижимаго имѣнія, которое у нея находилось при жизни Еммануила Струкова, указную седьмую часть; изъ движимаго же Брискорнъ имѣнія Струковой никакого выдѣла не производить, такъ какъ по точной силѣ вышеприведеннаго именнаго 1731 года марта 17 дня указа 2 пункта, невѣстки отъ права наслѣдованія въ движимомъ имѣніи свекра совершенно изъяты, а основанною на семъ указѣ 720 статьею продолженія X тома свода законовъ гражданскихъ, равнымъ образомъ не предоставлено такового права невѣсткамъ. Но какъ по буквальному смыслу вышеприведенныхъ узаконеній, сила оныхъ относится только до одного свекра, а не до свекрови, то, не приводя сего положенія въ исполненіе, на основаніи 459 статьи I тома свода учрежденій правительствующаго сената и принадлежащихъ къ оному

установленій, дѣло сіе препроводить на разсмотрѣніе общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ правительствующаго сената.

Заготовленное по сей резолюціи опредѣленіе представлено было въ министерство юстиціи.

Г. министр юстиціи, сообразивъ настоящее дѣло съ узаконеніями о порядкѣ наслѣдованія супруговъ однимъ послѣ другаго, находилъ, что 717 статья X тома свода законовъ, предоставляя женѣ послѣ мужа изъ недвижимаго седьмую часть, а изъ движимаго четвертую, опредѣляетъ токмо мѣру частей, какія вдова получаетъ послѣ мужа; по силѣ 718 статьи вдова имѣетъ право на указаную часть изъ того имущества, которое слѣдовало бы мужу ея, если бы при открытіи наслѣдства послѣ отца его онъ въ живыхъ находился, но статья сія, относясь къ одному отцовскому имѣнію, не предоставляетъ вдовѣ права на часть имѣнія, которое могло бы слѣдовать мужу послѣ его матери; подобно сему, 720 и 722 статьи опредѣляютъ права наслѣдованія супруговъ токмо въ отношеніи къ имѣнію тестя и свекра, но чтобы такія права предоставлялись съ тѣмъ вмѣстѣ вдовамъ на имѣнія тещи и свекрови, на то нѣтъ постановленія. Въ изложеніи означенныхъ статей свода и тѣхъ законовъ, изъ коихъ они заимствованы, не содержится никакой неясности; въ нихъ положительно опредѣлены права наслѣдованія вдовъ и къ распространенію сихъ правъ не представляется, по мнѣнію министра юстиціи, достойной уваженія причины. Впрочемъ, если бы и встрѣтилась надобность дать вдовамъ новое право, коего онѣ по законамъ нынѣ дѣйствующимъ не имѣютъ, то новое сіе право не иначе могло бы быть имъ предоставлено, какъ съ изданіемъ новаго закона и оный, по основанію 60 статьи I тома свода законовъ, не имѣлъ бы обратной силы и не распространялся бы на тяжбу между Струковыми, которая должна получить рѣшеніе по существующимъ нынѣ узаконеніямъ. По симъ соображеніямъ, признавая, что искъ надворной совѣтницы Струковой о выдѣлѣ ей указанной части изъ имѣнія свекрови ея Брискорнъ, не имѣетъ закон-

наго основанія, министръ полагалъ, согласно съ рѣшеніями уѣднаго суда и гражданской палаты, въ искѣ томъ ей отказать.

По несогласію сенаторовъ 4 департамента сената съ симъ заключеніемъ, настоящее дѣло находилось въ разсмотрѣніи общаго собранія правительствующаго сената, которое постановило единогласное опредѣленіе, согласное съ мнѣніемъ г. министра юстиціи.

Это опредѣленіе, по Высочайшему повелѣнію, передано было на обсужденіе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашелъ, что постановленное въ 718 ст. св. зак. гражд. т. X правило относительно выдѣла вдовѣ указной части изъ имѣнія лишь одного свекра, а не свекрови, по совершенной ясности своей, никакого повода къ недоразумѣнію не представляетъ, и засимъ остается только разрѣшить другой вопросъ: не слѣдуетъ ли упомянутый, теперь существующій законъ, дополнить предоставленіемъ невѣсткамъ и зятьямъ права участвовать и въ наслѣдствѣ послѣ свекрови.

Такое дополненіе, по мнѣнію государственнаго совѣта, могло бы быть основано только или на причинахъ юридическихъ, или на уваженіяхъ нравственныхъ. Принимая въ первомъ отношеніи на видъ, что въ указахъ 17 марта 1731 и 30 марта 1805 года, коими до изданія свода законовъ опредѣлялись права наслѣдованія супруговъ, о выдѣлѣ невѣсткамъ частей изъ имущества свекрови рѣшительно ничего не упоминается, и что означенная 718 ст. изложена совершенно согласно съ разумомъ тѣхъ указовъ, государственный совѣтъ къ дополненію оной никакого юридическаго основанія не видитъ. Принять же за такое основаніе сужденія о правѣ вдовы участвовать въ наслѣдствѣ свекрови потому только, что мужъ первой, если бы въ живыхъ находился, получилъ бы сіе наслѣдство, и что по немъ оное въ узаконенной части перешло бы и къ женѣ его, конечно невозможно: ибо утвердить на подобномъ началѣ право вдовѣ значило бы предоставить имъ участвовать и во всякомъ уже наслѣдствѣ, какое только мужа ихъ

при жизни своей могли бы и отъ самыхъ дальнихъ родственниковъ пріобрѣсти.

Переходя къ уваженіямъ нравственнымъ, государственный совѣтъ призналъ, что въ видахъ семейнаго спокойствія и по чувству строгой справедливости слѣдовало бы можетъ статься вовсе отклонять всякое вообще притязаніе бездѣтныхъ вдовъ къ достоянію тѣхъ семействъ, къ коимъ онѣ, съ прекращеніемъ брачнаго состоянія, въ существѣ болѣе уже не принадлежатъ. — Смотря на вопросъ съ сей стороны, нельзя не замѣтить, что и самый выдѣлъ вдовѣ части изъ имѣнія свекра ближе можетъ быть отнесенъ, такъ сказать, къ милости или спусхожденію закона, чѣмъ признанъ послѣдствіемъ права въ строгомъ объ ономъ понятіи.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, государственный совѣтъ, бывъ вполне убѣжденъ, что къ распространенію наслѣдственныхъ правъ супруговъ никакой уважительной причины ни въ юридическомъ, ни въ нравственномъ смыслѣ не представляется, и что если бы измѣненіе въ законѣ признано было необходимымъ, то напротивъ, надлежало бы можетъ быть и существующія уже права поставить въ размѣръ болѣе ограниченный, — имѣніемъ положили: 1) 718 ст. св. зак. гражд. оставить въ настоящемъ ея видѣ, безъ всякаго къ ней дополненія; 2) единогласное по подлежащему частному дѣлу заключеніе общаго сената собранія, какъ на точномъ смыслѣ и на самыхъ словахъ помянутой статьи основанное, утвердить во всей его силѣ.

Засимъ, обращаясь къ заключенію правительствующаго сената касательно взысканія съ Струковой за неправую апелляцію штрафа, государственный совѣтъ принялъ въ соображеніе, что законъ, устанавливая сіи штрафы съ назначеніемъ одной половины въ пользу казны, а другой въ собственность судей, имѣлъ въ виду наказаніе за недобросовѣстное вчинаніе исковъ, очевидно неправильныхъ; но претензія Струковой къ сему роду тяжбъ отнесена быть не можетъ: ибо она право свое основывала на силѣ такого узаконенія, о точномъ разумѣ ко-

того возникло разномыслие въ 4-мъ департаментѣ сената, которое потомъ, относительно полноты его содержанія, Высочайше повелѣно разсмотрѣть въ законодательномъ порядкѣ, и по которому наконецъ нынѣ и въ самомъ государственномъ совѣтѣ произошли разныя мнѣнія, почему въ семь положеній дѣла обвинять частное лицо за такое понятіе о законѣ, которое отчасти раздѣляется и въ верховныхъ судилищахъ было бы несправедливо.

Вслѣдствіе сего государственный совѣтъ положилъ упомянутого штрафа съ Струковой не взыскивать.

Мнѣніе сіе удостоено Высочайшаго утверждѣнія 10 января 1841 года.

— 121 —

В. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ.

I.

Дѣло о нанесеніи побоевъ дворянкѣ Дарьѣ Карновичевой дядею ея чиновникомъ Иваномъ Метелицынымъ, женою его Елисаветою и кучеромъ ихъ Афонасіемъ Марченкомъ.— Въ случаѣ нанесенія обиды нѣсколькими совмѣстно дѣйствовавшими лицами, безчестіе взыскивается въ пользу обиженного со всѣхъ виновныхъ совокупно, а не съ каждаго порознь въ полномъ количествѣ.

Въ золотоношскомъ уѣздѣ полтавской губерніи состоитъ хуторъ Домбровщина, въ которомъ проживали владѣлицы этого хутора, дѣвицы дочери капитана Дарья и Ольга Аристарховы Карновичевы. Въ августѣ 1844 г. старшая изъ дѣвицъ Карновичевыхъ, Дарья, подала въ золотоношскій уѣздный судъ жалобу на дядю своего по матери, отставнаго титулярнаго соувѣтника Ивана Кондратьева Метелицына и жену его Елисавету, въ томъ, что Метелицыны, пріѣхавъ 12 августа въ домъ ея, побили ее жестоко и высѣкли при пособіи кучера своего Афонася Марченка.—«Изтираненная, прибитая до полусмерти, обѣщенная безчестно, какъ каторжная» (такъ она

выражалась въ прошеніи), она прибѣгала подь защиту законовъ и въ доказательство истязаній представила двѣ окровавленные свои рубашки.

При медицинскомъ освидѣтельствovanіи Дарьи Карновичевой, произведенномъ 16 августа, на тѣлѣ ея найдены слѣдующіе боевые знаки: на правомъ плечѣ продолговатая багровая полоса, причиненная какъ видно, ударомъ плети, самое плечо въ томъ мѣстѣ распухшее; на лѣвомъ плечѣ два синебагровыя пятна въ $\frac{1}{2}$ вершка шириною, въ $1\frac{1}{2}$ вершка длиною, происшедшія отъ ушиба чѣмъ то тупымъ; на ягодицахъ и задней поверхности лѣваго бедра множество длинныхъ багрово-красныхъ полосъ, причиненныхъ ударами плети. Свидѣтельствовавшіе наши, что вслѣдствіе сихъ жестокихъ побоевъ Карновичева чувствуетъ, кромѣ разстройства духа, разстройство и ослабленіе въ тѣлесныхъ силахъ.

Началось слѣдствіе, при коемъ, не смотря на заpiresательство обвиняемыхъ, раскрыты и совершенно доказаны всѣ подробности совершеннаго надъ Дарьею Карновичевою преступленія. Не придерживаясь очереди, въ которой спрошены были при слѣдствіи свидѣтели, постараемся возстановить событіе въ хронологическомъ порядкѣ описываемыхъ фактовъ, во внутренней связи этихъ фактовъ и ихъ послѣдовательности; многіе изъ нихъ любопытны, какъ характеристическія черты правовъ въ одномъ изъ провинціальныхъ нашихъ захолустьевъ.

Дарья и Ольга Карновичевы, хотя обѣ совершеннолѣтнія, имѣли попечителемъ, на основаніи статута литовскаго, обязательнаго для малороссійскихъ губерній (раздѣлъ V, арт. 9 и II; разд. III арт. 40), дядю своего по матери, Метелицына, жившаго въ сосѣднемъ селеніи Ковтунахъ. Дарья не уживалась однако съ Метелицынымъ и въ особенности съ его женою, съ которою она имѣла столкновенія, сопровождаемыя съ обѣихъ сторонъ крупною бранью. 10 Августа, слѣдовательно за два дня до нанесенія Дарьѣ Карновичевой въ ея домѣ побоевъ, она ѣздила въ село Ковтуны осматривать принадлежавшіе ей въ этомъ селеніи сѣнокосы и огороды. Здѣсь она убѣ-

длалась, что Метелицыны самовольно косятъ на ея землѣ сѣно и продаютъ его постороннимъ.

По разказу Дарьи Карновичевой, когда она зашла къ Метелицынымъ, дядя ея ввелъ при ней въ горницу какого-то солдата, а тетка ея Метелицына приказала ей тотчасъ выйти вонъ изъ комнаты. Она, Дарья, повиновалась, но, догадавшись, что дядя ея договаривается съ солдатомъ о сѣнѣ, высказала это теткѣ. Тогда тетка отвѣчала ей, что напрасно она, Дарья, жалуетъ о томъ, что дядя выкосилъ ея сѣно, не заплатя ей денегъ, потому что сѣно теперь очень дешево. Когда же она, Дарья, потребовала или половину сѣна или половину денегъ, то тетка бросилась бить ее ключами, которые держала въ рукахъ. Она, Дарья, бросилась бѣжать къ своей бричкѣ, но, спускаясь съ крыльца, оступилась и упала. Тогда тетка, нагнавъ ее, стала бить ее кулаками и сорвала съ нея шляпку, чего не видалъ дядя Метелицынъ, занятый въ то время въ горницѣ продажею сѣна.

Елисавета Метелицына отрицала при слѣдствіи всю эту сцену, но разказъ Дарьи Карновичевой находитъ подтвержденіе въ одномъ свидѣтелѣ очевидцѣ, спрошенномъ впрочемъ безъ присяги, въ золотоношскомъ мѣщанинѣ Тимоѣѣ Стецюнѣ. Стецюнъ привезъ ее въ село Ковтуны и стоялъ у лошадей и брички въ далекѣ отъ дома около огорода. По его словамъ, Дарья Карновичева пробыла весьма недолго въ домѣ дяди, вдругъ выскочила оттуда и бѣгомъ бѣжала къ своей бричкѣ. За нею гналась Метелицына и когда Дарья упала на землю, то Метелицына ударила ее рукою два раза по виску, сшибла съ нея шляпку, сорвала платокъ и манишку. Дарья, опрометью добѣжавъ до повозки и вскочивъ туда, велѣла ему, Стецюну, погонять лошадей. Когда они отѣхали немного, тогда Дарья опомилась, что на ней нѣтъ ни шляпки, ни манишки, ни платка; она отправила его, Стецюна, взять назадъ оставленныя вещи, которыя оказались забранными уже Метелицынымъ. Сама Метелицына на просьбу его, Стецюна, отвѣчала: я не отдамъ до тѣхъ поръ вещей, пока съ нею не рассчитаюсь». —

На другой день послѣ описаннаго происшествія, 11 августа, Метелицыны были въ гостяхъ у дворянина Бонифація Благоновскаго; по присяжнымъ удостовѣреніямъ Благоновскаго и его жены, торопясь отъѣздомъ, они говорили, что собираются наказать Карновичеву за то, что она называла Метелицыну шинкаркою и тому подобными бранными словами. Въ особенности озлоблена была сама Метелицына, которая отзывалась, что всему причиною мужъ ея, который за жену свою не заступаетъ и только болтаетъ, а чтобы наказать, то того не сдѣлаетъ, на что Метелицынъ возразилъ: «сдѣлаю, по праву дяди и попечителя».

12 Августа, Метелицыны собрались въ хуторъ Домбровщину. Они поѣхали туда въ бричкѣ, запряженной тройкою лошадей, которою правилъ кучеръ ихъ Аѳанасій Марченко. Передъ отъѣздомъ, Метелицынъ, осмотрѣвъ арапникъ Аѳанасія, приказалъ ему отрѣзать старый и вѣшнить въ этотъ арапникъ новый ременной наконечникъ. Въ Домбровщинѣ они застали одну только младшую сестру Дарьи, Ольгу, которая имъ сказала, что Дарья поѣхала къ сосѣду, помѣщику Гудимъ-Левковичу въ село Львовку; Метелицынъ сказалъ: «чего она ѣздитъ къ Левковичу» и, сѣвши у окошка, сталъ поджидать ея возвращенія. Передъ закатомъ солнца вернулась Дарья Карновичева. Узнавъ отъ своихъ людей, что у нея гостить дядя, она, не входя въ домъ, отправилась прямо въ садъ, но не успѣла дойти до форточки, какъ услышала голосъ тетки: «Иванъ Кондратьевичъ, вотъ она пошла въ садъ и вѣрно спрячется»; дядя съ своей стороны закричалъ: «Аѳонька, лови ее». — Кучеръ бросился въ догонку за Дарьею, которая кричала: «о Боже, ратуйте меня». Онъ остановилъ и держалъ ее на берегу рѣчки, протекающей по саду, до тѣхъ поръ пока не прибѣжали туда же Метелицыны. Дядя сталъ ее бить чубукомъ, ругая самыми неприличными словами, и приговаривая: «зачѣмъ ты ѣздишь къ Гудиминой? насъ ты и знать не хочешь, какъ ты насъ угощаешь? какимъ чаемъ подчуешь?» Потомъ Метелицынъ съ кучеромъ, взявъ Дарью одинъ за одну, другой за другую руку, потащили ее

по землѣ съ берега рѣчки вверхъ къ дому, на протяженіе 87 саженой и чрезъ крыльцо внесли въ горницу. Метелицына шла за ними и кричала: «тяни ее.—Въ горницѣ Дарья положена была на полъ, а кучеръ Аѳанасій посланъ былъ къ брчкѣ за плетью. Не дождавшись его возвращенія, Метелицына выбѣгала на крыльцо, крича: «Аѳонька, иди сюда».—Пока кучеръ вернулся, Дарья пыталась выскочить чрезъ отворенное окошко на дворъ, но Метелицынъ схватилъ ее за волосы. Она повисла всѣмъ тѣломъ на воздухѣ съ той стороны окошка и оставалась въ такомъ положеніи, пока подсланный кучеръ не взялъ ее на свои руки. На подмогу кучеру выбѣжалъ на дворъ и Метелицынъ, который взялъ за голову Дарью и приказалъ кучеру сѣчь Дарью тяжелымъ своимъ арапникомъ. Сѣченіе продолжалось долго. Елисавета Метелицына глядѣла на происходящее изъ разтвореннаго окошка, говоря: «это тебя бьетъ шинкаря», а когда Аѳанасій пересталъ, то она вскричала: «мало; дайте ей еще пятьдесятъ, она выдержитъ, ибо здорова такъ, что на силу мы трое отъ рѣчки ее дотащили». Затѣмъ дядя, тетка и кучеръ взяли лежавшую безъ чувствъ на землѣ Дарью на руки и внесли опять въ комнаты, гдѣ ее посадили на стулъ, и стали снимать съ нея платье, не смотря на ея сопротивленіе; это платье они забрали съ собою, вѣроятно съ тою цѣлю, чтобы оно не могло быть представлено къ слѣдствію, а ее, Дарью, оставили въ одной рубашкѣ. Метелицыны уѣхали въ 10 часовъ вечера, когда совершенно уже стемнѣло.

Свидѣтелями истязаній были всѣ проживающіе на хуторѣ и состоящіе въ услуженіи у дѣвицы Карновичевой люди, золотоношскіе мѣщане: Тимофей Стецюнъ и Федоръ Сѣроштанъ, Новобранецъ, сынъ Федора Новобранца Купреянъ, привезшіи Дарью Карновичеву изъ Львовки; крестьянки Христина Похиленкова, Зиновья Колесникова и Марфа Новобранцева.—Никто изъ этихъ людей не посмѣлъ оказать защиты своей барышнѣ—помѣщицѣ. Они слышали крики ея, и удары плети, но оставались на кухнѣ или близъ кухни изъ боязни,

чтобы и имъ тоже не досталось отъ Метелицыныхъ. Когда изъ нихъ Стецюнъ подвернулся на глаза Метелицыной во время сѣченія, то она его прогнала словами: «ты зачѣмъ здѣсь, поди вонъ, а то и тебѣ будетъ». — Похиленковой Метелицынъ сказалъ: «поди вонъ, ты не крестьянка ея (Дарья)», а къ Колесниковой Метелицына обращалась въ то время, когда барышню тащили съ берега рѣчки во дворъ съ предложениемъ: «тани ее, ты не ея, а моя».

На другой день послѣ бытности Метелицыныхъ въ Домбровщинѣ, Дарья Карновичева отправила слѣдующее письмо къ помѣщику Гудимъ-Левковичу: «Милостивый государь, почтеннѣйшій благодѣтель Константишъ Васильевичъ и почтеннѣйшая благодѣтельница Ксенія Петровна! Прибѣгаю къ вамъ со слезами, съ жалобою какъ къ родному отцу и матери. Прибѣжавши отъ васъ, застала дядю пьянаго и кучера тоже наполнилъ и началъ меня бить чубукомъ и кнутомъ и за косы за то, что я ему сказала еще прежде, чтобы за сѣно заплатилъ; то за то меня до полусмерти прибилъ и руки мнѣ почти повыкручивалъ; то прошу вашего благодѣтельнаго совѣта, что мнѣ дѣлать и осчастливьте меня посѣтить». — Тогоже числа 13 августа Гудимъ-Левковичъ съ женою навѣстили Дарью Карновичеву и застали ее въ самомъ жалкомъ положеніи. Она была какъ въ горячкѣ, не могла рассказать всей своей исторіи, но такъ ихъ тронула, показавъ знаки на тѣлѣ, что, по словамъ Левковича, нельзя было не сжалиться надъ беззащитною сиротою. Гудимъ-Левковичъ написалъ ей прошеніе и оставилъ у нея въ домѣ своего крестьянина Федота Кудиненко, смотрѣть за неучиненіемъ ей обидъ. Эта предосторожность не была напрасная. Вечеромъ, по захожденіи солнца 13 августа, заѣхалъ на дворъ Метелицынъ и спросилъ у Кудиненки: «чей ты человекъ? — развѣ ты присланъ сюда быть экономомъ?» — потомъ, уѣзжая, сказалъ ему: «послушай братецъ, я здѣшнимъ барышнямъ дядя, а дядя какъ отецъ долженъ ихъ спасать и за ними смотрѣть». — Гудимъ-Левковичъ далъ Дарьѣ свою прислугу, своихъ лошадей, свой рессорный экипажъ, потому что въ своей простой повозкѣ она и

могла бы ни сидѣть, ни лежать; она отправилась въ Золотоношу для явки въ земскій судъ. Туда же вслѣдъ за нею прибылъ и Гудимъ-Левковичъ уговаривать ее, чтобы она по врожденному дѣвущкѣ стыду не конфузилась показать тѣ знаки, которые оставилъ кнутъ и безъ которыхъ законы не знали бы мѣры жестокаго надъ нею тиранства.

Въ тотъ же самый день Метелицыны видѣлись опять съ Благоновскими и, по присяжному удостовѣренію супруговъ Благоновскихъ, Метелицына отзывалась: «теперь будетъ помнить Дашка, какъ называть меня шинкаркою и шлохою». Мужъ ея молчалъ, но видимо былъ доволенъ восхищеніемъ супруги, которая рассказывала съ мельчайшими подробностями всѣ обстоятельства случившагося въ Домбровщинѣ наканунѣ того происшествія.

Замѣчательна система защиты подсудимыхъ. Она состояла въ упорномъ отрицаніи всего ими совершеннаго, а со стороны самаго Метелицына въ постоянныхъ попыткахъ свернуть слѣдствіе съ прямого пути, отстранить всѣхъ вообще свидѣтелей и припугать къ нему множество совершенно постороннихъ обстоятельствъ, нисколько не относящихся къ существу изслѣдуемаго преступленія. Съ своей стороны и Дарья Карновичева не оставалась въ долгу въ отношеніи къ дядѣ. Дѣло росло и увеличивалось въ объемѣ матеріалами, которые могутъ служить образцами къ характеристикѣ ябеды судебной. Начнемъ съ кучера.

Афанасій Марченко, 35 лѣтъ, крѣпостной Метелицыной, за одно съ господами своими показалъ, что Карновичевой ни самъ онъ плетью не сѣкъ, ниже не видѣлъ, чтобы ее когда-нибудь били и истязали Метелицыны. Онъ не пересталъ заператься даже и тогда, когда два присяжные свидѣтели (крестьянинъ Безколѣнный и крестьянка Солоненкова) уличили его въ томъ, что онъ имъ рассказывалъ, какъ онъ помогалъ Метелицынымъ тащить Карновичеву и бить ее плетью.

Елисавета Метелицына, 34 лѣтъ, показала, что не только не дѣлала никогда Карновичевой никакихъ обидъ, но не замѣ-

тила, чтобы какія-либо обиды дѣлаемы были Карновичевой мужемъ ея, Метелицыной, который доставлялъ племянницѣ всѣ возможныя пособія, любилъ ее и защищалъ, какъ свою дочь. Въ несправедливой жалобѣ на дядю уличаютъ Карновичеву не одни разнорѣчія въ ея отзывахъ, но въ особенности неблагодарность ея своему дядѣ и то, что она ссылается на свидѣтельство такихъ лицъ, которыя по закону не могутъ свидѣтельствовать.

Чиновникъ 9 класса Иванъ Кондратьевъ Метелицынъ, 52 лѣтъ, отозвался, что пріѣзжалъ 12 августа къ племянницамъ Дарьѣ и Ольгѣ Карновичевымъ по обязанности дяди и попечителя, что при этомъ случаѣ онъ вступался только за Ольгу, съ которою Дарья поступаетъ тирански и жестоко, такъ что Ольга пыталась было повѣситься; онъ, Метелицынъ, уговаривалъ Дарью, чтобы она не тиранила сестру и давала ей пищу, которой она сестру лишала. Запираясь въ нанесеніи Дарьѣ побоевъ, Метелицынъ называлъ производимое по этому предмету слѣдствіе: дѣломъ о нанесеніи Дарьѣ Карновичевой неизвѣстно кѣмъ побоевъ. Метелицынъ систематически отводилъ отъ свидѣтельства всѣ лица, на коихъ ссылалась Дарья Карновичева, по мѣрѣ того, какъ она на нихъ ссылалась, подъ разными предлогами, а именно: 1, мѣщанъ Федора Сѣроштанъ, Новобранца, жену его Марфу и сына Купреяна, равно мѣщанина Тимофея Стецюна, потому, что они живутъ въ избахъ Дарьи Карновичевой, пользуются отъ нея огородами, землями, сѣнокосомъ, топливомъ и всѣми выгодами сельской жизни, сверхъ того Федоръ Сѣроштанъ обжалованъ губернскимъ секретаремъ Бокіемъ въ грабежѣ у него воловъ, а Стецюнъ наказанъ дважды плетью чрезъ полицейскихъ служителей за бродяжничество и воровство и содержался въ смиренномъ домѣ; 2, крестьянку Христину Похиленкову, потому что она неодобряемаго поведенія, лѣтъ несовершеннолѣтнихъ (ей 19 лѣтъ), состоитъ въ служеніи у Дарьи и подкуплена Дарьею, подарившею ей сѣрую кофту и другія вещи; 3, крестьянку Зиновью Колесникову, потому что она, хотя безбрачная, имѣла троихъ дѣтей, слѣдовательно есть явная предубѣдка; 4, крестьянку Улиту Ново-

бранцову, потому что она имѣетъ тоже дѣтей блудно прижитыхъ; 5, помѣщика штабсъ-ротмистра Гудима-Левковича и его крестьянъ, потому что Левковичъ самъ ходатай и дѣйствитель въ настоящемъ дѣлѣ; Левковичъ хотѣлъ купить имѣніе у Дарьи не на наличный деньги, а на заемное письмо, чему онъ Метелицынъ воспротивился; вслѣдствіе сего Левковичъ, желая ему отомстить и устранить его отъ опеки, сталъ менторомъ Дарьи, поселялъ между Метелицынымъ и племянницею несогласіе и научилъ ее подать на него ябедническую пасквильную жалобу о побояхъ; 6, ротмистра Лукьяновича, потому что онъ представлялъ Дарью Карновичеву губернатору въ Полтавѣ и питаетъ къ нему, Метелицыну, вражду; 7, титулярнаго совѣтника Дриженкова, потому что онъ обжалованъ Лукьяновичемъ въ неправильномъ доносѣ по предмету зажитательства и судомъ еще не оправданъ; 8, вдову коллежскаго регистратора Джурину, потому что она поссорилась съ нимъ, Метелицынымъ, за неисправный платежъ имъ денегъ за нанимаемую у нея пахатную землю; 9, помѣщицу Ашанинову, потому что она покровительствуетъ Дарьѣ Карновичевой и проживаетъ въ ея домѣ; 10, губернскаго секретаря Ровникова, его жену Матрону и сестру Коробову, потому что они составляютъ между собою одно, а Ровниковъ былъ судимъ за взятки и судомъ не оправданъ, притомъ онъ сочиняетъ бумаги, подаваемые Дарьею Карновичевою по настоящему дѣлу; 11, дворянку Юлію Благоновскую, потому что она была судима судомъ уголовнымъ и судомъ духовнымъ и мужа ея Бонифація Благоновскаго, потому что онъ уроженецъ не золотоношскаго уѣзда и не полтавской губерніи, а какой то западной губерніи или царства польскаго, не имѣющій здѣсь осѣлости, а потому можетъ быть считаемъ иностранцемъ, иностранцы же, которыхъ поведеніе неизвѣстно, устраняются отъ свидѣтельства на основаніи 1086 ст. угол. закон.; 12, наконецъ Альбина Шумовицкаго, бывшаго свидѣтелемъ, такъ какъ 12 августа Дарья Карновичева уѣхала изъ имѣнія Гудима-Левковича Львовки въ свой хуторъ Домбровщину, потому что, какъ ему Метелицыну кажется, этотъ Шумовицкій или совсѣмъ не су-

ществуетъ, или, если онъ и въ живыхъ, то долженъ быть или выходецъ или иностранецъ, коего ни поведеніе, ни мѣсто рожденія, ни даже пребыванія неизвѣстны.

Метелицынъ обвинилъ Дарью, что она любила ссоры, заводила тяжбы, ни съ кѣмъ не можетъ ужиться, строптива, непокорна и весьма жестока въ характерѣ, чему доказательствомъ можетъ служить то, что она Карновичева избивала до полусмерти свою крестьянку дѣвочку Вѣру;—что можетъ быть побои нанесены ей самимъ Гудимомъ-Левковичемъ за неустойку въ продажѣ имѣнія ея, коимъ онъ хотѣлъ воспользоваться, потому, что вернувшись изъ Львовки въ Домбровщину, Дарья, заплаканная, не входя въ домъ отправилась прямо въ садъ.

На эти обвиненія Дарья Карновичева отвѣчала, что послѣднее показаніе ея дяди есть не болѣе какъ смѣшной и пустой вымыселъ, больше ничего, ибо Левковичъ не предлагалъ ей никогда купить у нея землю, которая для него неудобна. Что касается до намека Метелицына на то, не Левковичъ ли истиранилъ ее, то можно заключить, что Метелицынъ или смѣялся надъ понятіемъ лицъ, коимъ поручено исполненіе законовъ и защита гражданъ, или хочетъ наполнять дѣло одними баснями, затемняющими истину. Въ отвѣтъ на эти извороты она бы желала спросить Метелицына, есть ли хотя одинъ примѣръ на свѣтѣ, чтобы кто нибудь изъ людей съ здравымъ умомъ, избитый днемъ при свидѣтеляхъ, тѣмъ болѣе истиранный такъ кнутомъ, какъ она, Карновичева, отъ него, приносила жалобу не на того, кто избилъ ее, а на совсѣмъ стороннее лицо. Это не въ натурѣ вещей.

Въ теченіи слѣдствія Метелицынъ старался перессорить между собою сестеръ Дарью и Ольгу Карновичевыхъ, въ чемъ ему помогали другъ его губернской секретарь Бокій и родной братъ Дарьи и Ольги, отставной поручикъ Петръ Карновичевъ, жившій въ селѣ Ковтунахъ и скончавшійся въ мартѣ 1845 года. Уступая попеременно влияніямъ то старшей сестры, то дяди, Ольга Карновичева, 22 лѣтъ, дала при слѣдствіи нѣсколько противурѣчащихъ одно другому показаній.

19 августа 1844 года Ольга показала, что все, что Ме-

телицынъ вводитъ на Дарью о притѣсненіи будтобы Дарьею ея Ольги, несправедливо, и все, что онъ касательно ея будетъ писать, недостойно вѣры, потому что изобрѣтено для обвиненія обиженной тиранствомъ его Дарьи. Оца, Ольга, смотрѣла въ страхъ на истязанія, причиняемыя Дарьѣ, но не могла оказать ей никакой защиты.

13 декабря того же года слѣдователемъ, становымъ приставомъ Жуковскимъ, принятъ былъ въ домъ Метелицына изъ рукъ Ольги Карновичевой новый ея отзывъ по настоящему дѣлу. Отзывъ этотъ написанъ начерно и переписанъ Бокіемъ, исправленъ рукою Метелицына, подписанъ за Ольгу братомъ ея Петромъ Карновичевымъ. Въ этомъ отзывѣ Ольга отрицала свое прежнее показаніе отъ 19 августа, какъ сочиненное противу ея воли и согласія по настоянію Гудима-Левковича, который и есть первымъ дѣйствователемъ къ обжалованію невинно дяди ея. Метелицынъ не наносилъ побоевъ Дарьѣ и ни какихъ обидъ ей не дѣлалъ, а всегда отъ того защищалъ какъ родной отецъ. Сестра Дарья обжаловала его по наущенію Гудимъ-Левковича за то, что дядя не позволилъ ей продать имѣніе Гудиму-Левковичу. Благодарственный дядя, входя въ положеніе ихъ по родству, всегда твердилъ Ольгѣ: «не поступай такъ, какъ ведетъ себя Даша», которая ежедневно удаляясь изъ дому, заставляла ее Ольгу пасти овецъ, индюковъ и свиней, принуждала копать землю, чистить садъ, вывозить навозъ, держала ее нагою въ комнатахъ и била ременными возжами, не давая пищи по цѣлымъ суткамъ.

По жалобѣ Дарьи Карновичевой, приставъ Жуковскій устраненъ былъ отъ слѣдствія, слѣдователемъ назначенъ становой приставъ Величко, который подвергнулъ новому допросу Ольгу Карновичеву 21 декабря. Ольга показала, что все что въ отзывѣ ея относится къ жалобамъ ея на сестру Дарью справедливо, но больше ничего; все остальное написано помимо ея по настоянію ея дяди Метелицына; относительно побоевъ, причиненныхъ Дарьѣ Метелицыными и кучеромъ ихъ, она, Ольга, подтверждаетъ свое первоначальное показаніе, данное 19 августа.

30 апрѣля 1845 г. Ольга Карновичева подала въ уѣздный судъ прошеніе, въ которомъ опять отвергала свое показаніе, данное Величкѣ, и подтвердила отзывъ, данный Жуковскому. Она въ этомъ прошеніи изъясняетъ, что Величко отобралъ отъ нея показаніе въ часы ея болѣзни (горячки), что Величко поступилъ съ нею какъ съ преступницею, подвергнувъ ее формальному допросу; что это показаніе несогласно съ правдою на счетъ дяди ея Метелицына. 27 августа 1846 года въ послѣднемъ своемъ отзывѣ по настоящему дѣлу, Ольга утверждаетъ, что она и теперь благодарна дядѣ, который сестрою ея Дарьею обжалованъ напрасно.

Такъ какъ слѣдствіе шло въ весьма неблагопріятномъ для Метелицыныхъ направленіи, то они рѣшились примириться, если можно, съ племянницею и прибѣгли къ посредничеству губернскаго секретаря Ровнякова. Ровняковъ склонялъ къ миру Дарью Карновичеву, которая долго колебалась, наконецъ отозвалась, что не можетъ рѣшиться на этотъ шагъ, не посоветовавшись съ Гудимомъ-Левковичемъ. Метелицыны съѣхались у Левковича въ присутствіи Ровнякова съ Дарьею, которая потребовала отъ нихъ въ видѣ вознагражденія за обиду какого-то хутора ихъ, именуемаго *Цептная Балка*. Метелицыны предлагали 2,000 рублей. Сдѣлка не состоялась, переговоры были прекращены и Метелицына говорила потомъ женѣ Ровнякова: «хотя потеряемъ до 5,000, но не ей Карновичей». — По поступленіи дѣла въ сенатъ въ февралѣ 1848 г., Метелицыны опять старались сблизиться съ Карновичевою и склонили ее обѣщаніемъ денегъ подписать мировую, эту мировую она потомъ отослала и просила считать недействительною.

Въ мартѣ 1845 года новая жалоба со стороны Дарьи Карновичевой. Метелицынъ опять наѣхалъ ее въ Домбровщинѣ 18 марта, и, не сыскавъ ее въ комнатахъ, хотѣлъ разбить двери гостиной комнаты, которыя заперты были всякимъ замкомъ, но крикъ служанки Колесниковой удержалъ его отъ этого недобраго намѣренія. Метелицынъ съ шумомъ и бранью сорвалъ чехлы съ двухъ стульевъ, и, забравъ съ собою комнатную собачку ея, Дарьи, уѣхалъ. Послѣ сего онъ подсы-

лалъ въ Домбровщину своего кучера Аѳанасія и другаго своего человѣка Кирпла, которые подговаривали двухъ служанокъ ея, Зиновью и Авдотью, чтобы онѣ перешли къ Метелицыну. При этомъ Аѳанасій подъѣзжалъ верхомъ до гумна, гдѣ молотили хлѣбъ четыре человѣка стороннихъ и спрашивалъ, гдѣ барышня, приговаривая: «пусть барышня бережется, потому что баринъ скоро прѣдетъ и тогда будетъ ей».

Метелицынъ уклонился отъ представленія къ слѣдствію своего аттестата объ отставкѣ. Дарья Карновичева заподозрила его между прочимъ въ томъ, что едва ли онъ имѣетъ чинъ 9 класса, который себѣ присвоиваетъ и едва ли онъ вправѣ называться Метелицынымъ, потому что умершій его отецъ именовался просто только *Метелицею*. По собраннымъ при слѣдствіи свѣдѣніямъ оказывается, что Метелицынъ по происхожденію изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, вступилъ въ службу въ 1803 г., былъ подъ судомъ въ 1833 г. за допущеніе имъ безпорядковъ по должности окружнаго лѣсничаго, но освобожденъ отъ взысканія по уваженію къ прежней его безпорочной службѣ и долговременной бытности подъ судомъ.

На повальныхъ обыскахъ поведеніе Елисаветы Метелицыной и Аѳанася Марченко одобрено, а относительно Метелицына двое изъ обыскныхъ отозвались, что онъ въ обществѣ не уступчивъ и заводилъ неоднократно тяжбы дѣла со многими лицами, которыя однако миромъ прекращены.

Обратимся теперь къ рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ.

Золотоношскій уѣздный судъ положилъ: за причиненіе Метелицыными и Аѳанасьемъ Марченкомъ Дарьѣ Карновичевой наказанія ременною плетью, чубукомъ, пощечинами и тяганіемъ ее за волосы отъ рѣки до дому, равно за непредставленіе Метелицынымъ документовъ о службѣ его, черезъ что произошла долговременная переписка, затруднившая начальство и самое производство сего дѣла, а равно за сочиненіе Метелицынымъ отъ имени Ольги Карновичевой по собственному его дѣлу бумагъ, обнаруживающихъ явное разстройство и вкорененіе между ними вражды и несогласія,

лишивъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, сослать Метелицыныхъ на житье въ Tobольскую губернію на два года, съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи, а крестьянина Метелицыныхъ Афанася Марченко наказать на мѣстѣ преступленія въ ближайшемъ отъ Домбровщины селеніи чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей розгами 60 ударами, отправить въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на одинъ годъ; взыскать съ Метелицыныхъ и Марченко, съ каждаго изъ нихъ порознь, въ пользу Карновичевой получаемое отцомъ ея во время состоянія на службѣ годовое его содержаніе вчетверо, а буде онъ такового не получалъ, то положенные сводомъ законовъ въ уставѣ о службѣ гражд. т. III сходно приложенной къ статьѣ 950 изд. 1842 г., табели, 75 р. сер. вчетверо же, возложивъ взысканіе за крестьянина ихъ на отвѣтственность Метелицыныхъ; также взыскать съ Метелицыныхъ за изорванное и содранное съ Карновичевой платье и всѣ понесенные ею расходы на излѣченіе понесеннаго ей увѣчья, и убытки, сколько она за присягою покажетъ.

Полтавская палата уголовного суда нашла, что дѣйствія Метелицыныхъ и Марченко въ отношеніи къ Карновичевой подходятъ подъ понятіе обиды и составляютъ тягчайшій видъ этого преступленія. Палата опредѣлила: выдержать супруговъ Метелицыныхъ въ золотоношской тюрьмѣ на собственномъ ихъ иждивеніи чрезъ 3 года, а Марченко высѣчь въ городѣ Золотоношѣ 60 ударами розогъ и водворить на мѣстѣ жительства съ строгимъ внушеніемъ, чтобы онъ впредь на подобныя поступки не отваживался; сверхъ того всѣхъ ихъ заставить испросить у Карновичевой христіанское прощеніе и въ удовлетвореніе ея за обиду взыскать съ Метелицыныхъ по правиламъ, въ ст. 63 улож. установленнымъ, безчестіе вчетверо противъ годоваго оклада отца ея, какое онъ получалъ во время послѣдней своей службы, или если такового опредѣлено ему не было, то назначенное въ законахъ количество суммы по чину.

Настоящее дѣло внесено было въ правительствующій сенатъ на основаніи 1 п. 1295 ст. 2 ч. XV т. св. зак. угол., въ ко-

грой сказано, что ревизіи сената подлежатъ всѣ дѣла, по которымъ крѣпостные участвуютъ въ преступленіи вмѣстѣ со своими помѣщиками. Правительствующій сенатъ (2 отдѣленіе 5 департамента), уменьшивъ только наказаніе, положенное палатою Метелицынымъ, приговорилъ выдержать ихъ въ тюрьмѣ два года; во всѣхъ же прочихъ частяхъ утвердилъ опредѣленіе палаты.

На этотъ приговоръ сената Дарья Карновичева, вышедшая между тѣмъ замужъ за Домантовича, принесла всеподданнѣйшую жалобу, въ которой она изъяснила, что она требуетъ большаго возмездія виновникамъ, а не выдержанія изъ нихъ, Метелицыныхъ, въ тюрьмѣ и наказанія кучера ихъ небольшимъ числомъ ударовъ розгами за безчисленное множество ударовъ кучерскою ременною плетью; что судъ долженъ бы былъ присудить ей безчестіе не со всѣхъ подсудимыхъ вмѣстѣ, но съ каждаго порознь; что судъ не положилъ ей ничего особо за раны и увѣчые, особо за изорванное и увезенное Метелицыными ея платье, особо за расходы, употребленные ею, Дарьею Домантовичевою, на излѣченіе отъ побоевъ.

Общее собраніе первыхъ трехъ департаментовъ и герольдіи правительствующаго сената нашло: 1) что мѣра назначеннаго 5-мъ департаментомъ лично Метелицынымъ и кучеру ихъ наказанія не можетъ подлежать измѣненію по жалобѣ Домантовичевой, какъ потому, что приговоръ сената, не обжалованный лицами, подвергнутыми наказанію, вошелъ въ отношеніи къ нимъ въ окончательную законную силу, такъ и потому, что законы не предоставляютъ частнымъ лицамъ просить объ измѣненіи такихъ постановленій и распоряженій уголовныхъ судебныхъ мѣстъ, которыя не касаются лично до приносящаго жалобу; 2) что касается до жалобы Домантовичевой на недостаточность присужденнаго ей вознагражденія, то по сему предмету нельзя не принять въ уваженіе, что Метелицынъ и жена его оба изобличены въ нанесеніи Карновичевой тяжкихъ побоевъ и слѣдовательно, по точному смыслу 62 и 63 ст. улож. о нак. и 550 ст. X т. св. зак. гр., обязаны каждый отдѣльно заплатить Домантовичевой за безчестіе вчетверо годовой окладъ ея отца; а

если онъ жалованья не получалъ, то назначенное въ законахъ количество суммы по чину каждый вчетверо же; 3) что на основаніи 62 и 1969 ст. улож. о нак. Домантовичева должна быть также вознаграждена, какъ за расходы на леченіе, такъ и за всѣ причиненные ей убытки и потери, но не иначе, какъ по опредѣленію количества такого вознагражденія судебнымъ мѣстомъ; 4) какъ въ законахъ не положено особаго вознагражденія за увѣчья и раны, то домогательство о семь Домантовичевой оставить безъ послѣдствій.—Посему общее собраніе положило: 1) возраженія Домантовичевой на тѣ части рѣшенія 5 департамента правительствующаго сената по настоящему дѣлу, которыя лично до нея не относятся, оставить безъ уваженія; 2) въ удовлетвореніе Домантовичевой взыскать съ виновныхъ титулярнаго совѣтника Метелицына и жены его (о Марченкѣ не упоминается вовсе) съ каждаго отдѣльно годовой окладъ отца Домантовичевой вчетверо, если же онъ жалованья не получалъ, то назначенный въ законахъ окладъ по чину съ каждаго же вчетверо; 3) золотоношскому уѣздному суду вмѣнить въ обязанность, по представленіи Домантовичевою объясненія о цѣнѣ разорваннаго платья, расходахъ на леченіе и другихъ нанесенныхъ ей Метелицыными убытковъ, постановить о количествѣ должнаго вознагражденія Домантовичевой опредѣленіе законнымъ порядкомъ.

Г. министръ юстиціи, предварительно пропуска сего опредѣленія общаго собранія, препроводилъ его на заключеніе г. главноуправляющему Подѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи по предмету вопроса о томъ: слѣдуетъ ли взыскивать безчестіе въ полномъ его количествѣ съ каждаго изъ обидчиковъ, совокупно нанесшихъ обиду, порознь, или разложить его на всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ.

Вотъ содержаніе мнѣнія г. главноуправляющаго:

Безчестіе есть остатокъ древняго законодательства, по которому всѣ преступленія наказывались взысканіями съ имущества преступниковъ въ пользу потерпѣвшихъ отъ преступленія. Оно со временемъ потеряло свойство наказанія. Нынѣ безчестіе есть

уже ничто иное, какъ простое вознагражденіе за зло, причиненное обидою, въ случаѣ когда обиженный, не довольствуясь возмездіемъ моральнымъ, пспрошеніемъ у обиженного прощенья или присужденіемъ преступника къ личному наказанію, пожелаетъ еще получить за обиду матеріальное удовлетвореніе, то есть денежную сумму. Въ этомъ смыслѣ безчестіе можетъ быть сравнено съ другими вознагражденіями, опредѣляемыми закономъ въ пользу тѣхъ, которые отъ чьего либо преступленія потерпѣли вредъ или убытки. Устанавливая сіи вознагражденія, законодатель имѣлъ ту цѣль, чтобы по возможности возстановить права, нарушенныя противузаконнымъ дѣяніемъ и исправить зло, онымъ прозведенное. Обстоятельство, что преступленіе учинено однимъ или нѣсколькими лицами, есть въ отношеніи къ вознагражденію вещь посторонняя. Здѣсь имѣется въ виду лишь преступленіе и причиненное онымъ кому-либо зло, и цѣль есть, чтобы это зло было вознаграждено. Между тѣмъ есть ли поводъ думать, чтобы понесшій убытокъ отъ преступленія, учипеннаго напримѣръ десятью лицами, былъ за сей убытокъ вознагражденъ въ десятеро. Нѣтъ кажется и основанія постановлять, чтобы за обиду, нанесенную десятью человекѣми въ совокупности, обиженный получилъ вдесятеро болѣе безчестія. Тоже заключеніе можно вывести изъ буквальнаго смысла узаконеній о вознагражденіяхъ, а слѣдовательно и безчестіи. По ст. 62 улож. виновные въ преступленіи, причинившемъ кому либо убытки, вредъ или обиды, сверхъ наказанія, къ коему присуждаются, обязаны вознаградить за сей вредъ убытокъ или обиду изъ собственнаго имущества, по точному о семъ постановленію суда. Смыслъ сей статьи очевидно тотъ, что понесшій отъ преступленія вредъ, убытокъ или обиду долженъ быть только за сей вредъ, убытокъ или обиду вознагражденъ виновными (сколько бы ихъ ни было), а не тотъ, чтобы онъ могъ получить за то двойное, тройное и т. д. вознагражденіе. Статья 63 улож. постановляетъ, что когда преступленіе учинено нѣсколькими лицами и главные виновные не въ состояніи вознаградить за причиненный вредъ, то слѣдующая на вознагражденіе денежная сумма присуждается съ другихъ участво-

вавшихъ въ преступленіи и т. д. Здѣсь еще яснѣе указывает-ся *одинакое* только вознагражденіе. Если допустить иное толкованіе, то можетъ быть, что въ случаѣ несостоятельности нѣсколькихъ болѣе виновныхъ, наименѣе виновный, но имѣю-щій состояніе, долженъ будетъ заплатить двойное, тройное и болѣе вознагражденіе, а сіе было бы крайне несправедливо. Рав-номѣрно и постановленія о безчестіи въ сводѣ зак. гражд. (546—555) не дозволяютъ предполагать, чтобы за обиду, на-несенную нѣсколькими лицами, надлежало съ каждаго изъ нихъ взыскивать полное безчестіе, напр. въ ст. 550 сказано: «жена за безчестіе или обиду получаетъ противу мужняго оклада вдвое». Допустивъ предположеніе общаго собранія, она бы могла получить противу мужняго оклада вчетверо, вшестеро и т. д., что все не явствуетъ изъ смысла означенной статьи.

Кромѣ вопроса о количествѣ безчестія, г. главноуправля-ющій II отдѣленіемъ подвергнулъ критикѣ еще два обстоя-тельства въ приговорѣ общаго собранія: 1, поступокъ Мете-лицыныхъ, который суды считаютъ только обидою, могъ бы быть подведенъ подъ понятіе тяжкихъ, подвергающихъ жиз-неопасности побоевъ, истязаній и мученій, опредѣленныхъ въ 1960 ст. уложения. Даже если считать его и обидою, то оби-дою тягчайшею, потому что оно сопровождалось нападеніемъ на домъ Карновпчевой, жестокостію, нарушеніемъ всякой бла-гопристойности, столь оскорбительнымъ для чувства стыд-ливости дѣвицы. Слѣдовательно, Метелицыныхъ надлежало бы подвергнуть тягчайшему изъ положенныхъ въ 2009 и 2010 статьяхъ наказаній за обиды и даже въ самой высшей онаго мѣрѣ (т. е. заключенію въ смирительномъ домѣ на 3 года съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ).— 2) общее собраніе не сочло себя въ правѣ входить въ сужде-ніе по вопросу о мѣрѣ личнаго наказанія подсудимыхъ, на-значеннаго 5 департаментомъ, во первыхъ потому, что приго-воръ сената, необжалованный лицами подвергнутыми наказа-нію, вошелъ въ отношеніи къ нимъ въ окончательную силу; во вторыхъ потому, что законы не предоставляютъ частнымъ лицамъ просить объ измѣненіи постановленій уголовныхъ, ко-

торы не касаются лично до жалующихся. По мнѣнію главноуправляющаго, Домантовичева по настоящему дѣлу *не частное лицо, а сторона, истецъ* и посему имѣеть право знать официально о рѣшеніи и жаловаться на оное во всѣхъ его частяхъ, такъ что прежде объявленія ей сего рѣшенія, его не надлежитъ считать вошедшимъ въ законную силу.

Соглашаясь съ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи относительно количества и образа взысканія безчестія въ пользу Карновичевой, г. министръ юстиціи предложилъ общему собранію первыхъ 3-хъ д-товъ и герольдіи правительствующаго сената измѣнить въ этомъ смыслѣ свое опредѣленіе.

Гг. сенаторы согласились съ предложеніемъ министра, и, оставивъ безъ измѣненія свое прежнее опредѣленіе во всѣхъ пунктахъ его, кромѣ пункта о безчестіи, положили: оставить безъ уваженія возраженія Домантовичевой на недостаточность присужденнаго ей 5-мъ д-томъ съ Метелицыныхъ безчестія.

Это опредѣленіе общаго собранія пропущено г. министромъ юстиціи 7 ноября 1851 года.

Денежное безчестіе за обиды есть очевидно остатокъ весьма древнихъ воззрѣній на право, обломокъ до сихъ поръ уцѣлѣвшій системы денежныхъ выкуповъ за всевозможныя правонарушенія, господствовавшей во времена, предшествовавшія образованію государства. Куда его приурочить: къ вознагражденіямъ ли гражданскимъ или къ наказаніямъ уголовнымъ? Въ рѣшеніи настоящаго дѣла безчестіе признано однимъ изъ видовъ вознагражденія гражданскаго, однороднымъ во всѣхъ отношеніяхъ съ вознагражденіемъ за вредъ матеріальный, за имущественные убытки. Оно въ самомъ дѣлѣ имѣеть весьма много общаго съ вознагражденіемъ за имущественные убытки, чѣмъ рѣзко разнится отъ наказанія; оно поступаетъ все не въ казну а въ пользу, пострадавшаго отъ преступленія лица, оно подчиняется относительно права на взысканіе

его общему сроку земской давности, а не особеннымъ срокамъ давности уголовной. Но съ другой стороны можно бы подыскать и многія такія черты, которыя, служа точками соприкосновенія безчестія съ наказаніемъ, не позволяютъ смѣшивать безчестія съ вознагражденіями за ущербы имущественные.

Постараемся пояснить эту мысль примѣромъ.

Честь отличается отъ прочихъ благъ матеріальныхъ тѣмъ, что она неисчерпаема и непотребляема, при всевозможныхъ на нее посягательствахъ. Когда чей-либо домъ сгорѣлъ до тла, то нельзя вторично истребить этотъ домъ огнемъ, когда чья-либо движимость украдена, то впредь до возврата ея владельцу, она не можетъ быть у него заграблена. Напротивъ того, когда извѣстному лицу нанесена обида, то впредь до возстановленія ея путемъ суда можно ему нанести и другую, и третью, при чемъ честь его не будетъ считаться не только уничтоженною, но даже и умаленною съ точки зрѣнія положительнаго закона и суда. Положимъ, что X получилъ отъ P пощечину въ театрѣ, на другой день того же X прибилъ на улицѣ палкою S, дѣйствующій безъ всякаго съ P заговора; въ тоже самое время Z, не знающій ни P, ни S, оклеветалъ X въ газетахъ. По каждому изъ этихъ оскорбленій X можетъ начать искъ и преслѣдовать за безчестіе; а хотя честь у него одна, однако съ cadaго изъ обидчиковъ онъ получитъ полное безчестіе, слѣдовательно будетъ за одинъ и тотъ же предметъ вознагражденъ трикратно тремя различными лицами. Измѣнимъ нѣсколько этотъ примѣръ и предположимъ, что X получилъ свои три обиды: пощечину въ театрѣ, ударъ палкою на улицѣ и клевету не отъ трехъ разныхъ лицъ, но отъ одного и тогоже лица P.—Очевидно, что дѣйствія P при опредѣленія уголовной его отвѣтственности будутъ разсматриваться какъ три отдѣльныхъ преступленія, и что P будетъ приговоренъ по правилу о совокупности преступленій (roena major absorbet minorem) не къ суммѣ положен-

ныхъ за оныя наказаній, но къ строжайшему изъ нихъ и въ самой высшей его мѣрѣ. Но какъ поступить съ безчестіемъ? Если оно вознагражденіе, то его слѣдовало бы взыскать съ обидчика въ тройномъ размѣрѣ за каждую обиду порознь, потому что вознагражденіе за меньшій вредъ не поглощается вознагражденіемъ за большій, и если напр. Р при нанесеніи Х-у пощечины въ театрѣ измялъ его шляпу, при ударѣ палкою разорвалъ его пальто, а посредствомъ клеветы подорвалъ его кредитъ и разстроилъ выгодную для него сдѣлку, то онъ долженъ дать удовлетвореніе за полную сумму этихъ ущербовъ, и за шляпу, за пальто и за лишеніе Х-а тѣхъ барышей, которыхъ онъ могъ ожидать отъ разстроенной сдѣлки.—И такъ опять мы приходимъ къ результату, что обиженный получить вознагражденіе многократное за свою честь, и не отъ разныхъ плательщиковъ, а иногда отъ одного и того же лица. Приведемъ еще одинъ примѣръ. Есть обиды, такъ называемыя одновременныя (*injuriae simultaneae*), когда однимъ оскорбительнымъ дѣйствіемъ поражается цѣлая группа лицъ, такъ что каждое изъ этихъ лицъ можетъ начать искъ противу обидчика; представимъ себѣ 7 человѣкъ братьевъ и сестеръ М, которыхъ умершую мать пѣкто N назвалъ непотребною женщиною. Такъ какъ честь есть предметъ недѣлимый на доли, то обида, причиненная N, постигаетъ каждого изъ М въ цѣлой его части, слѣдовательно по иску 7 лицъ М, если безчестіе будемъ считать вознагражденіемъ за вредъ, N долженъ быть приговоренъ къ уплатѣ каждому изъ истцовъ не по $\frac{1}{7}$ доли безчестія, но полного безчестія, слѣдовательно заплатиться семикратно за одинъ и тотъ же поступокъ.

Намъ кажется, что безчестіе не можетъ считаться ни вознагражденіемъ гражданскимъ, ни наказаніемъ уголовнымъ, а есть нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ, и притомъ столь отжившее и несвоевременное, что должно бы быть и въ теоріи и въ практикѣ по возможности ограничиваемо, устраняемо и замѣнено другими эквивалентами чести, которая на деньги оцѣниваема быть не можетъ и не должна. Рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи совершенъ указомъ 21 марта 1851 года,

которымъ опредѣленъ уменьшенный размѣръ безчестія (отъ 1 р. до 50), независимый ни отъ оклада жалованья обиженнаго, ни отъ оклада платимыхъ имъ податей. Въ настоящее время послѣ 1851 г. едвали бы даже могъ родиться вопросъ о томъ: раскладывается ли безчестіе на всѣхъ обидчиковъ, или взыскивается ли съ cadaго порознь, потому что суды, располагая произвольною властью (*puvoir discrétionnaire*) назначать безчестіе въ размѣрѣ отъ 1 рубля до 50, примѣняясь къ особенностямъ cadaго отдѣльнаго случая, опредѣляютъ особо количество слѣдующаго съ cadaго обидчика порознь безчестія. Намъ кажется, что они могутъ, когда обида тяжкая, съ cadaго изъ обидчиковъ, дѣйствовавшихъ совокупно, взыскать высшую мѣру безчестія, т. е. по 50 рублей; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что въ случаѣ нанесенія однимъ лицомъ нѣсколькимъ другимъ лицамъ одновременной обиды, виновнаго слѣдовало бы подвергнуть взысканію только однократнаго безчестія.

II.

Дѣло о крестьянскомъ мальчикѣ Васильѣ Сирковѣ, судимомъ за вкладываніе камней въ рельсы желѣзной дороги. — Въ какомъ случаѣ легкомысліе, невѣжество и глупость могутъ считаться обстоятельствами, уменьшающими вину и наказаніе?

Въ 1849 г. работы по устройству петербургско—московской желѣзной дороги подвигались къ окончанію; по всему протяженію отъ Петербурга до Соснинской пристани положены были рельсы, по которымъ изрѣдка, въ неопредѣленные про-

межутки времени, отправляемы были поѣзды, возбуждавшіе удивленіе и любопытство въ сельскомъ народонаселеніи мѣстъ, пересѣкаемыхъ желѣзною дорогою. Одинъ такой поѣздъ прибылъ изъ Петербурга въ Соснинскую пристань въ 7 часовъ вечера 30 іюля 1849 года и долженъ былъ тотчасъ послѣ прибытія отправиться обратно въ Петербургъ.— Въ это самое время на пустоши за рѣчкою Керестью, въ двухъ слишкомъ верстахъ отъ желѣзной дороги, занимались уборкою сѣна крестьяне Грузинской вотчины села Хотитова Прасковья Сѣркова, братъ ея мужа мальчикъ 15½ лѣтъ Василій Сѣрковъ, сосѣдъ ихъ Яковъ Васильевъ и наемный работникъ Петръ Ивановъ. Такъ какъ село Хотитово находилось на другой сторонѣ желѣзной дороги, то имъ слѣдовало по окончаніи работъ переѣхать черезъ эту дорогу по грузинскому шоссе недалеко отъ Соснинской пристани. Мальчику Василью Сѣркову крайне захотѣлось посмотреть, какъ будетъ возвращаться машина изъ пристани. Не дожидаясь конца работъ, онъ сказалъ своей снохѣ, что будетъ поджидать ее и другихъ работавшихъ на желѣзной дорогѣ, оставилъ покось, перешелъ по мосту черезъ рѣчку Керестъ, засѣлъ возлѣ самыхъ рельсовъ въ 41 сажени разстоянія отъ пункта, въ которомъ грузинское шоссе пересѣкалось съ желѣзною дорогою, и отъ скуки сталъ подбирать камешки. Потомъ, набравъ десятокъ такихъ круглыхъ камешковъ величиною отъ 1 до 1½ вершка, онъ ихъ уложилъ довольно плотно по прямой линіи на протяженіи одной четверти аршина въ углубленія рельса къ подушкѣ.— Расположеніе этихъ камешковъ было таково, что, по удостовѣренію инженернаго начальства, локомотива, встрѣтивъ это препятствіе, *никакъ не могла-бы остановиться въ рельсахъ* и должна бы была изъ нихъ выскочить.

Когда Сѣрковъ кончилъ эту работу, то къ нему подошелъ надсмотрщикъ желѣзной дороги крестьянинъ Антонъ Поповъ и спросилъ, что онъ дѣлалъ? Сѣрковъ отвѣчалъ ему, что вкладывалъ камешки. Поповъ заарестовалъ его, не смотря на мольбы его со слезами о прощеніи, кликнулъ на находившихся вблизи человекъ пять рабочихъ, которыхъ позвалъ въ свидѣтели происшествія, послѣ чего вынулъ изъ рельсовъ камешки, самаго

же Сѣркова посадилъ въ сторожевую будку подъ карауломъ. Подоспѣвшіе съ покоса Пасковья Сѣркова, Васильевъ и Ивановъ видѣли, какъ Сѣрковъ, сидя въ будкѣ, плакалъ, но не могли подойти къ нему и спросить по многочисленности столпившагося глядѣть на него народа. Они и отправились въ село Хотитово.

Едва успѣлъ Поповъ очистить рельсы отъ камешковъ, какъ поѣздъ проѣхалъ по направленію въ Петербургъ. Тотчасъ затѣмъ Поповъ сдалъ Сѣркова на руки инженеру штабсъ-капитану Казначееву, который, вмѣстѣ съ жандармскимъ поручикомъ Врублевскимъ, занялся немедленно производствомъ изслѣдованія о причинахъ, склснвшихъ Сѣркова къ дѣйствию, и цѣли имѣемой имъ въ виду.

Василій Сѣрковъ съ перваго же допроса показалъ, что накладъ камешковъ въ рельсы отъ скуки, думая себѣ: далеко ли они разлетятся, какъ машина будетъ переѣзжать ихъ? Этимъ не довольствовались производившіе изслѣдованіе, они хотѣли донскаться, не подстрекнулъ ли кто его къ преступленію по недоброжелательству къ предпріятію желѣзной дороги. Испуганный заарестованіемъ, желая скорѣе избавиться отъ спросовъ и быть отпущеннымъ домой, Сѣрковъ сказалъ, будто его научилъ класть камешки какой то мужикъ, ушедшій на Соснинскую пристань. Казначеевъ и Врублевскій взяли его тотчасъ съ собою, сѣли въ вогонь и отправились отыскивать того мужика, но никого не нашли. Тогда Врублевскій сказалъ: «ты мальчикъ лжешь, а скажи истинную правду, то я тебя отпущу, послѣ чего далъ ему полтинникъ серебра. Тогда Сѣрковъ указалъ какъ на подговорщика по накладкѣ камней, на крестьянина селенія Луки Сергія Степанова. Оговоръ этотъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ ложнымъ и направленнымъ. Сѣрковъ даже въ лицо не зналъ Степанова, а показалъ на него наугадъ, желая поскорѣе отдѣлаться отъ офицеровъ. Дважды уличенный во лжи, Сѣрковъ долженъ былъ признаться, что никто его не подстрекалъ къ накладкѣ камней, а сдѣлалъ онъ это самъ, по собственному побужденію и не подозрѣвая по глупости своей, чтобы отъ этого могъ произойти какой

нибудь вредъ машинѣ. На мысль о накладкѣ навелъ его слѣдующій случай. Въ Петровъ день, послѣ обѣда, холостые ребята одной съ нимъ деревни, сидя у хлѣбнаго магазина, разговаривали между собою о машинѣ, причемъ одинъ изъ нихъ Петръ Климушкинъ сказалъ, что бы было, еслибы подъ машину положить камни, раздавило ли бы ихъ, или бы они отскочили?

Климушкинъ и ребята села Хотитова не подтвердили ссылки Сѣркова, но въ Петровъ день въ самомъ дѣлѣ былъ большой праздникъ въ Хотитовѣ; проѣздъ машинъ по желѣзной дорогѣ былъ предметомъ всеобщаго любопытства и разговоровъ, съ тѣхъ же поръ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, въ теченіи коего разговаривавшіе лично и забыли, въ какомъ смыслѣ и о чемъ они толковали.

Поведеніе Василя Сѣркова на повальномъ обыскѣ одобрено. Онъ грамотенъ. Обучавшій его грамотѣ въ грузинскомъ сельскомъ приходскомъ училищѣ священникъ Мѣдведскій отзывался объ немъ, что онъ нравственности былъ хорошей и отличался передъ своими сверстниками усердіемъ и прилежаніемъ въ изученіи задаваемыхъ ему уроковъ. Ни одно изъ спрошенныхъ по сему дѣлу лицъ не занималось пивозомъ или содержаніемъ постоянныхъ дворовъ по пересѣкаемымъ рельсами дорогамъ. Никому изъ нихъ желѣзная дорога не дѣлала никакого вреда и помѣшательства въ промыслахъ и занятіяхъ. Она и не проходила по землямъ крестьянъ села Хотитова.

Законъ уголовный, подъ который подходило дѣйствіе Сѣркова, весьма ясенъ. Вотъ что говоритъ статья 1442 (а по изданію 1857 г. 1499) уложенія о наказаніяхъ:

За всякое съ умысломъ учиненное поврежденіе желѣзной дороги, когда оно можетъ подвергнуть опасности слѣдующій по дорогѣ транспортъ, и виновный зналъ, что послѣдствіемъ сего должно быть несчастіе, онъ приговаривается, смотря по роду и важности сдѣланнаго имъ умышленно поврежденія, а равно и по роду большей или меньшей опасности, которой онъ не могъ не предвидѣть, и по другимъ болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину его обстоятельствамъ:

или къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на время отъ 8 до 12 лѣтъ, съ прибавкою для лицъ, отъ наказаній тѣлесныхъ изъятыхъ, плетей и наложеніемъ на нихъ клеймъ;

или къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ преступнику правъ и преимуществъ и къ ссылке на житье въ губерніи Томскую или Тобольскую, а если преступникъ не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ, то къ розгамъ (50—60 ударовъ) и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ 1 года до 2 лѣтъ.

«Тѣмъ же наказаніямъ подвергаются тѣ, которые положатъ или бросятъ съ намъреніемъ на желѣзную дорогу такіе предметы, отъ коихъ проходящій по оной транспортъ можетъ подвергнуться опасности».

При формальной защитѣ подсудимаго Сѣркова можетъ быть слѣдовало бы доказывать, что приведенная выше статья закона въ словахъ: «и виновный зналъ, что послѣдствіемъ сего должно быть несчастіе» . . . требуетъ въ преступникѣ двухъ условій: матеріальнаго факта поврежденія дороги и нравственнаго факта знанія о неизбежности грозящей поѣзду отъ поврежденія дороги опасности. Положимъ, что эта аргументація не могла бы имѣть успѣха потому, что требованія общественной безопасности должны были заставить судъ явить примѣръ строгости, приговаривая легкомысленнаго преступника къ наказанію. Въ такомъ случаѣ рождался вопросъ, какому изъ двухъ даваемыхъ на выборъ наказаній, тягчайшему или менѣе строгому его подвергнуть?

Новгородскій совѣстный судъ нашель, что хотя Сѣрковъ и не сознался въ намъреніи причинить вредъ машинѣ, но положительно изобличается, если не въ прямомъ намъреніи причинить вредъ, то по крайней мѣрѣ въ совершенномъ постиженіи всей важности преступленія: 1, тѣмъ, что пришелъ на желѣзную дорогу не случайно, а нарочно и притомъ одинъ,

отдѣльно отъ товарищей своихъ, убравшихъ на пожнѣ сѣно; 2, тѣмъ, что онъ укладывалъ камни въ углубленіе рельса къ подушкѣ, а не на поверхности онаго; 3, тѣмъ, что онъ дѣлалъ разнорѣчивыя и вовсе несправедливыя показанія о причинѣ, побудившей его къ преступленію. Судъ опредѣлилъ: Сѣркова за подкладываніе въ рельсы желѣзной дороги камней съ знаніемъ того, что отъ нихъ машина могла подвергнуться опасности и послѣдствіемъ сего должно быть несчастіе, а также за ложный оговоръ крестьянина Степанова, будто бы въ наученіи подложить камни, какъ несовершеннолѣтняго, вмѣсто лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, сѣченія розгами и отдачи въ арестантскія роты, отдать безъ лишенія правъ въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ.

Правительствующій сенатъ (въ 1 отдѣленіи 5 департамента) утвердилъ приговоръ совѣтнаго суда, но съ симъ постановленіемъ не согласился г. министръ юстиціи, который предложилъ сенату присудить Сѣркова на основаніи 1442 и 145 ст. улож. къ 70 ударамъ розогъ и отдачѣ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, принимая во вниманіе, что подсудимый чистосердечнаго сознанія не учинилъ, неоднократно измѣнялъ свои показанія, изъ коихъ ни одно не оказывается вѣроятнымъ, достигъ уже возраста, въ коемъ могъ оцѣнить послѣдствія своего поступка, обнаруживающаго во всякомъ случаѣ *злое* легкомысліе, и не былъ вовлеченъ въ преступленіе примѣромъ или наученіемъ старшихъ.

Г.г. сенаторы 1 отдѣленія 5 департамента не согласились съ предложеніемъ г. министра. Дѣло перенесено было въ общее собраніе 4, 5 и межеваго департаментовъ правительствующаго сената, гдѣ однако не составилось узаконеннаго большинства голосовъ, согласныхъ съ предложеніемъ г. министра, почему дѣло внесено было въ государственный совѣтъ.

При предварительномъ обсужденіи дѣла о Сѣрковѣ, въ департаментѣ законовъ воспослѣдовало заключеніе о примѣненіи къ Сѣркову легчайшаго изъ двухъ наказаній, полагаемыхъ

1442 ст. улож., потому что дѣйствіе его было только послѣдствіемъ легкомыслія и невѣжества, обыкновенныхъ въ 15 лѣтнемъ возрастѣ, а сіе обстоятельство, по содержанію 4 п. 140 ст. улож., уменьшаетъ его вину тѣмъ болѣе, что поступокъ его не сдѣлалъ никакого вреда.

Правильность этого заключенія оспаривалъ г. управлявшій тогда министерствомъ юстиціи, который находилъ, что дѣло Сѣркова, при отсутствіи особыхъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, представляетъ стеченіе многихъ ее увеличивающихъ, а именно:

1., Сознаніе подсудимаго не облегчаетъ его вины, ибо онъ пойманъ на самомъ совершеніи преступленія, и притомъ показанія его не только не были искренни, но сопровождались клеветою на невинныхъ;

2., Легкомысліе и крайнее невѣжество подсудимаго уменьшаютъ по закону мѣру наказанія въ томъ только случаѣ, когда имъ воспользовались другіе для вовлеченія его въ преступленіе (ст. 140—141 улож.), но въ настоящемъ дѣлѣ не видно ни крайняго невѣжества подсудимаго, ни того, чтобы кто либо другой воспользовался онымъ для вовлеченія его въ преступленіе.

3., Ходъ преступленія показываетъ, что подсудимый приступилъ къ совершенію преступленія съ *предумышленіемъ* и что источникомъ его дѣйствій было собственное злобное побужденіе. Предумышленіе доказывается тѣмъ, что подсудимый укладывалъ камни въ углубленіе рельсовъ къ самой подушкѣ, а слѣдовательно онъ не бралъ первые попавшіеся ему камни, но отыскивалъ и подбиралъ такіе, которые могли бы войти въ углубленіе рельсовъ.

Г. управлявшій министерствомъ юстиціи полагалъ, что неослабное и строгое примѣненіе закона особенно необходимо въ настоящемъ случаѣ, дабы въ самомъ началѣ показать примѣръ и не дать повода къ распространенію въ простомъ народѣ понятія о неважности преступленій сего рода и тѣмъ

предупредить, могущія случиться по открытіи дороги во всемъ ея протяженіи несчастія отъ злоумышленныхъ покушеній.

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта состоялось мнѣніе, которое удостоилось Высочайшаго утвержденія 8 мая 1857 года и котораго содержание заключается въ слѣдующемъ:

Государственный совѣтъ принялъ на видъ, что въ преступленіи столь важномъ, какъ поврежденіе желѣзной дороги, отъ чего жизнь нѣсколькихъ сотъ людей можетъ подвергаться крайней опасности, всякое спусхожденіе къ преступнику по уваженію къ его легкомыслію, глупости и невѣжеству можетъ быть допускаемо только въ такихъ случаяхъ, когда сій уменьшающія вину обстоятельства вполне доказаны и когда нѣтъ рѣшительно никакого повода предполагать въ виновномъ предумышленія и достаточнаго понятія о томъ, что онъ сдѣлалъ.

Въ настоящемъ же дѣлѣ напротивъ всѣ обстоятельства обнаруживаютъ въ подсудимомъ обдуманное заранѣе намѣреніе совершить такое дѣяніе, вредныхъ послѣдствій котораго онъ не могъ не предвидѣть. Изъ дѣла сего видно, что 1) Сѣрковъ находился на желѣзной дорогѣ не случайно, но отдалившись отъ своихъ товарищей, убиравшихъ съ нимъ вмѣстѣ сѣно въ полѣ, пошелъ одинъ къ дорогѣ именно съ тѣмъ, какъ онъ показалъ на судѣ, чтобы посмотрѣть, какъ пройдетъ машина. 2) При семъ случаѣ Сѣрковъ положилъ на рельсы десять камней, укладывая ихъ въ углубленіе рельсовъ къ самой подушкѣ, такъ что, по удостовѣренію начальства желѣзной дороги, машина, встрѣтивъ это препятствіе, не могла бы удержаться въ рельсахъ и потому подверглась бы опасности быть опрокинутой. Слѣовательно, онъ не бралъ первые попавшіеся ему камни, но отыскивалъ и подбиралъ такіе, которые могли бы войти въ углубленіе рельсовъ и представить сильнѣйшее противудѣйствіе ходу машины. 3) Бывъ взятъ на самомъ совершеніи своего преступленія, Сѣрковъ не обнаружилъ ни лег-

комыслия, ни глупости, но показать ясное понятіе о томъ, что дѣлалъ, ибо старался уменьшить свою вину ложными оговорами другихъ лицъ въ наущеніи его къ преступленію. Наконецъ 4) когда всѣ сіи извороты не удались, тогда онъ самъ первый сталъ указывать на свою глупость и искать въ ней извиненія своего дѣянія. Все сіе не оставляетъ ни малѣйшаго мѣста сомнѣнію, что Сѣрковъ, имѣя во время совершенія имъ преступленія свыше 15 лѣтъ, ясно понималъ важность онаго и приступилъ къ нему съ обдуманнѣмъ заранѣе намѣреніемъ.

Въ ст. 1442 и 1443 уложенія о нак. за положеніе или бросаніе на желѣзную дорогу такихъ предметовъ, отъ коихъ проходящій по оной транспортъ можетъ подвергнуться опасности, опредѣлены различныя наказанія. Въ первой статьѣ за умышленное поврежденіе желѣзной дороги, когда виновный *не могъ не предвидѣть* опасности, которую произведетъ его дѣйствіе, опредѣлены двѣ мѣры наказанія, одна болѣе строгая, а именно лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ, съ тѣлеснымъ для неизъятыхъ отъ онаго наказаніемъ; другая слабѣйшая—ссылка на житье въ слбирскія губерніи или отдача въ исправительныя арестантскія роты съ тѣлеснымъ для неизъятыхъ отъ онаго наказаніемъ; а въ послѣдней 1443 ст. за *умышленное поврежденіе, учиненное съ намѣреніемъ подвергнуть опасности* слѣдующій по желѣзной дорогѣ транспортъ, положена одна только мѣра, но мѣра, равная наказанію за убійство съ обдуманнѣмъ заранѣе намѣреніемъ (ст. 1924) и заключающаяся въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ, слѣдовательно одна изъ высшихъ мѣръ наказанія, къ которой преступники по уложенію могутъ быть приговариваемы. Очевидно, что къ послѣдней мѣрѣ наказанія Сѣрковъ приговоренъ быть не можетъ, такъ какъ нѣтъ въ виду доказательствъ, чтобы онъ положилъ у рельсовъ камни съ сознаннымъ намѣреніемъ подвергнуть опасности слѣдовавшій по желѣзной дорогѣ транспортъ. Но столь же несомнѣнно, что онъ не могъ не предвидѣть, что отъ подложенныхъ имъ камней

транспортъ могъ подвергнуться опасности, и какъ дѣйствіе сіе совершенно съ предумышленіемъ, то онъ и не можетъ быть освобожденъ отъ самаго строгаго наказанія, которое положено за сіе въ 1442 статьѣ. По силѣ же 145 ст. уложенія несовершеннолѣтніе, вмѣсто наказанія плетми чрезъ палачей, наказываются розгами чрезъ полицейскихъ служителей и время работъ, къ коимъ приговариваются взрослые, сокращается для несовершеннолѣтнихъ одною третью, слѣдовательно самъ законъ опредѣлилъ уже, въ какой мѣрѣ можетъ быть уменьшаемо наказаніе ихъ.

Признавая затѣмъ подсудимаго Сѣркова по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла виновнымъ въ подложеніи камней на желѣзную дорогу съ предумышленіемъ, государственный совѣтъ принялъ на видъ съ одной стороны неискренность его въ отвѣтахъ и даже клевету на другихъ, а съ другой несовершеннолѣтній возрастъ его, и потому, руководствуясь 135 ст. (п. 10) и 145 ст. улож. о нак., положилъ: подсудимаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать чрезъ полицейскихъ служителей розгами 70 ударами и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ.

В. ИНОСТРАННАЯ.

Процессъ о бракѣ, заключенномъ между Леономъ Малакомъ и Валерією Симонёнъ.— Столкновение подсудности.

Валерія Симонёнъ, 22 лѣтъ, французская подданная, имѣвшая постоянное мѣсто жительства въ Парижѣ, познакомилась въ 1853 г. съ Леономъ Малакъ, 39 лѣтъ, также французскимъ подданнымъ, живущимъ въ Парижѣ. Онъ просилъ ея руки, получилъ ея согласіе и въ июнѣ 1854 г. поѣхалъ съ невѣстою и ея матерью въ Лондонъ; женихъ говорилъ, что если они обвѣнчаются въ Лондонѣ, то его отецъ согласится потомъ на этотъ бракъ, и тогда они обвѣнчаются и во Франціи. 21 Юня 1854 г. они были обвѣнчаны въ церкви Св. Мартина въ поляхъ (St. Martin in the fields); но бракъ этотъ не имѣлъ послѣдствіемъ супружескихъ отношеній.

Черезъ два дня послѣ совершенія брака, супруги возвратились въ Парижъ, но и здѣсь Валерія продолжала жить съ матерью, а не съ мужемъ; Леонъ жилъ въ томъ же домѣ, но въ другой части его. По пріѣздѣ во Францію, Валерія просила Леона вновь обвѣнчаться, но онъ на это не соглашался, и поѣхалъ просить согласія отца, жившаго гдѣ-то въ провинціи; оттуда писалъ, что, по несогласію отца, онъ не можетъ исполнить своего обѣщанія и признавался, что нарушилъ слово.

Вслѣдствіе этого Валерія обратилась въ судъ 1-й степени сенскаго департамента, прося о расторженіи брака; копія съ ея просьбы была сообщена отвѣтчику въ Неаполь, но онъ къ отвѣту не являлся.

Судъ заключилъ:

1) Что бракъ, заключаемый за границею между французскими подданными, на основаніи 170 ст. гражд. улож. тогда только признается дѣйствительнымъ, когда до совершенія его были сдѣланы во Франціи публикаціи, требуемыя 63 ст. того же улож., и сверхъ того не было нарушенія правилъ, установленныхъ въ 144 и слѣдующихъ статьяхъ.

2) Что брак признается на основаніи 170 ст. ничтожнымъ тогда только, когда требуемая закономъ формальности не были соблюдены съ явнымъ намѣреніемъ обойти предписанія закона.

3) Что бракъ между французскими подданными Валерією Симонёнъ и Леономъ Малакъ былъ заключенъ въ Лондонѣ протестантскимъ пасторомъ при свидѣтеляхъ, но вступавшими въ бракъ не было испрошено и получено дозволенія ихъ родителей, и не было сдѣлано публикаціи во Франціи, какъ того требуетъ 63 ст.

4) Что обѣ стороны имѣли постоянное мѣстожителство во Франціи, и уѣзжали только на короткое время въ Англію, съ цѣлью совершить тамъ бракъ и потомъ вернулись немедленно въ Парижъ, изъ чего ясно видно ихъ намѣреніе обойти французскій законъ.

5) Что самый бракъ, по ясному показанію самой Валеріи Симонёнъ, не сопровождался никакими послѣдствіями, даже не было сожителства сторонъ, — чего не опровергаетъ и Малакъ.

6) При этихъ обстоятельствахъ, бракъ, заключенный въ Лондонѣ, не можетъ почитаться ни дѣйствительнымъ, ни правильно совершеннымъ, и потому судъ 21 декабря 1854 г. призналъ этотъ бракъ ничтожнымъ и недѣйствительнымъ, — съ опубликованіемъ этого, гдѣ подлежитъ, и присудилъ Малака къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Затѣмъ, въ маѣ 1857 г., Валерія пріѣхала съ матерью въ Англію и съ тѣхъ поръ имѣетъ тамъ постоянное пребываніе. Въ 1860 г. обратилась она въ судъ съ просьбою о признаніи ея брака недѣйствительнымъ и въ Англіи; при этомъ она объявила, что она не намѣрена возвращаться болѣе во Францію и что у нея тамъ нѣтъ никакой собственности. Призванный въ судъ свидѣтелемъ французскій нотаріусъ Августъ Ноэль объяснилъ, что статья 63 объ оглашеніи брака (*) и

(*) Ст. 63 Наполеонова кодекса требуетъ, чтобы прежде заключенія брака, были сдѣланы гражданскимъ чиновникомъ (officier civil) двѣ публикаціи, на разстояніи 8 дней одна отъ другой, передъ домомъ общины (la maison commune).

151—154 и 170 ст. не запрещаютъ брака, но только отсрочиваютъ заключеніе оного; и если предписанныя формальности соблюдены, а установленное время протекло, то стороны могутъ выходить замужъ или жениться безъ согласія родителей; что бракъ, заключенный за границею (ст. 170) безъ соблюденія предписаннаго въ статьяхъ 144 и 164 (касательно лѣтъ), можетъ быть дѣйствительнымъ или недѣйствительнымъ, смотря потому, признаетъ-ли французскій судъ, что вступающіе въ бракъ уѣхали за границу для того, чтобы обойти французскій законъ или нѣтъ; что если французъ женится въ Англии безъ согласія родителей, но согласіе будетъ дано послѣ того во Франціи, то бракъ будетъ признанъ дѣйствительнымъ, хотя бы прочія формальности были всѣ нарушены, и что если дѣвушка 21—25 лѣтъ чрезъ годъ послѣ заключенія брака не протестовала, то послѣ того она уже теряетъ право протестовать.

При разсмотрѣніи дѣла въ англійскомъ судѣ *о разводахъ и о брачныхъ дѣлахъ* (Court for divorce and matrimonial cases) возникли по этому дѣлу два вопроса:

- 1) Подсуденъ-ли этому суду Малакъ, отвѣтчикъ, и
 - 2) если подсуденъ, то должно-ли считать бракъ его съ Валеріею Симоненъ недѣйствительнымъ по законамъ англійскимъ?
- Всего прежде судъ обратилъ вниманіе на то, что истецъ имѣлъ въ судѣ представителя и доводы его были подкрѣплены ученою аргументаціею, между тѣмъ какъ отвѣтчикъ не имѣлъ представителя, и потому судъ вполне чувствовалъ лежащую на немъ отвѣтственность при разрѣшеніи столь важнаго дѣла.

Вотъ вполне приговоръ судьи:—въ пользу утвердитель-

Статьи 151—154 предписываютъ, что мужчина, достигшій 25 лѣтъ, а дѣвушка 21 года, обязаны прежде вступленія въ бракъ формально просить совѣта своихъ отцовъ и матерей, или за неимѣніемъ ихъ—дѣда или бабки. Въ случаѣ ихъ несогласія, просьба должна повториться два раза, на разстояніи мѣсяца; и черезъ мѣсяць послѣ третьей просьбы можно и при отказѣ вступать въ бракъ. Тридцати-лѣтніе могутъ вступать въ бракъ черезъ мѣсяць послѣ перваго отказа. По статьѣ 170, бракъ, заключенный за границею между французомъ и иностранкой, признается дѣйствительнымъ, если ему предшествовали публикаціи, требуемыя ст. 63, и если не было нарушенія правилъ, указанныхъ въ ст. 151—154;

наго разрѣшенія перваго вопроса, приводятся аргументы: 1) что брачный контракт заключенъ въ Англіи, и такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу религіозныхъ и гражданскихъ обязательствъ, то долженъ разсматриваться по англійскимъ законамъ, на основаніи 4 стат. Георга IV, гл. 6 и 7, и что суды *loci contractus*, вообще говоря, должны вѣдать дѣла о контрактахъ; 2) говорить, что въ настоящее время постоянное мѣстожительство истца есть Англія; но это предрѣшаетъ вопросъ: потому что если бракъ признанъ будетъ дѣйствительнымъ, то Англію постояннымъ мѣстомъ жительства истца считать нельзя; 3) говорить, что отвѣтчику былъ посланъ вызовъ къ суду и прошеніе истца, но что онъ не оспаривалъ подсудности своей суду. 42-я глава акта, коимъ учрежденъ судъ для дѣлъ о разводахъ, разрѣшаетъ всѣ затрудненія о томъ, какому порядку судъ долженъ слѣдовать въ дѣлахъ иностранцевъ, находящихся внѣ его подсудности, но, по мнѣнію суда, это не даетъ еще суду права присвоить себѣ власть рѣшать дѣла о правахъ лицъ, которыя ему вовсе неподсудны. Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того положенія, что стороны, вступивъ во взаимное обязательство по законамъ Англіи, дали другъ другу обоюдное право доказывать силу и дѣйствительность этого обязательства предъ англійскимъ судомъ. Нѣтъ ничего противнаго естественной справедливости потребовать отвѣтчика къ отвѣту для того, чтобы дѣйствительность или недѣйствительность заключеннаго имъ контракта была опредѣлена судомъ той страны, гдѣ контрактъ былъ заключенъ. Судья при этомъ ссылаясь на сочиненія Губера и другихъ юристовъ французскихъ и англійскихъ и привелъ между прочимъ текстъ изъ рѣшенія, постановленнаго Лордомъ Стоуэлемъ по дѣлу Дальримплъ, въ которомъ этотъ юристъ выразился такъ: «во всѣхъ образованныхъ странахъ существуетъ неоспоримое юридическое правило, что человекъ, заключающій въ какой-нибудь странѣ контрактъ, совершенно знакомъ съ законами о договорахъ, существующими въ этой странѣ. Если же онъ успѣшилъ заключить контрактъ, не зная законовъ страны, то долженъ взять на себя всѣ не-

выгоды, могущія произойти отъ такого незнанія, а не стараться подвергать этимъ невыгодамъ другихъ лицъ». По всѣмъ этимъ соображеніямъ судъ счелъ себя компетентнымъ для разрѣшенія настоящаго дѣла.

Второй вопросъ судъ признаетъ чрезвычайно важнымъ. «Ученый адвокатъ истца не привелъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія ни одного рѣшенія, такъ что мы сами должны были, для руководства, стараться отыскать примѣры изъ практики нашихъ предшественниковъ. Вопросъ заключается въ томъ: можетъ ли бракъ, торжественно совершенный въ Англіи и согласно предписаніямъ законовъ англійскихъ, между совершеннолѣтними, имѣющими по закону способность вступать въ бракъ, — быть признанъ недѣйствительнымъ и ничтожнымъ единственно потому, что обѣ стороны иностранцы, и вступили въ бракъ въ Англіи, для того, чтобы обойти законы страны, которой они принадлежатъ и въ которой имѣютъ постоянное мѣсто жительства. Въ настоящемъ случаѣ можно бы еще было усомниться въ томъ: доказано-ли истцомъ намѣреніе обойти французскій законъ и не пропущенъ ли истцомъ срокъ, установленный 183 ст. наполеонова кодекса, для начатія иска; но судъ этого не будетъ разсматривать, а войдетъ въ обсужденіе главнаго вопроса, который былъ возбужденъ. Истецъ утверждалъ, что такъ какъ обѣ стороны — французы, то французскій законъ признаетъ ихъ неспособными заключить бракъ безъ соблюденія извѣстныхъ условій, и что эта неспособность есть такой *status*, который сопровождаетъ ихъ повсюду, и дѣлаетъ ихъ неспособными къ заключенію въ какой бы то ни было странѣ договора, который бы признавался дѣйствительнымъ. Но основываясь на показаніяхъ одного свидѣтеля, должно признать, что эта неспособность не абсолютна, а только условна; и договоръ, заключенный въ Англіи, считался бы недѣйствительнымъ во Франціи только въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ заключенъ съ цѣлью обойти законъ французскій, или если бы родители не дали своего согласія и по полученіи ими извѣщенія о заключеніи брака, или наконецъ, если бы бракъ этотъ былъ оспоренъ въ теченіи извѣстнаго времени. По этому бракъ, заключенный

между мужчиной 25 лѣтъ и женщиной 21 года, съ неисполненіемъ только условій, требуемыхъ 151, 152, 153 и 154 ст. напол. кодекса, имѣеть совсѣмъ другое значеніе, нежели бракъ, заключенный съ лицомъ моложе этихъ лѣтъ, — что положительно запрещено 148 ст. кодекса.

«Принимая приговоръ французскаго суда по производившемуся въ немъ дѣлу какъ доказательство того, что по французскимъ законамъ бракъ признанъ недѣйствительнымъ, мы опять возвращаемся къ вопросу: какими законами должны мы руководствоваться при разрѣшеніи этого дѣла: англійскими или французскими. Вообще принято, что личная способность или неспособность частныхъ лицъ къ обязательствамъ опредѣляется законами той страны, гдѣ заключено обязательство. Но къ этому должно присовокупить, что и въ прежнія времена, и теперь, это правило оспаривается въ примѣненіи къ брачнымъ договорамъ; многіе утверждаютъ, что въ отношеніи этихъ договоровъ, стороны подлежатъ законамъ той страны, въ которой онѣ имѣютъ постоянное мѣстожительство. Этотъ вопросъ, столь важный для всѣхъ образованныхъ обществъ, пространно обсуживался юристами всѣхъ возможныхъ націй, но они всѣ обращали вниманіе не на тѣ случаи, когда споръ о дѣйствительности брачнаго договора возникалъ въ странѣ, гдѣ былъ совершенъ бракъ, но на тѣ, когда бракъ оспаривается въ странѣ, гдѣ онъ не былъ совершенъ, но гдѣ тяжущіеся имѣютъ мѣсто жительства. Что бракъ, признаваемый дѣйствительнымъ по законамъ той страны, гдѣ онъ совершенъ, долженъ почитаться таковымъ и во всѣхъ другихъ странахъ, и наоборотъ, — это строго поддерживается, какъ общее правило, почти всѣми писателями по международному праву. Но на основаніи этихъ же самыхъ авторитетовъ, это правило подлежитъ исключеніямъ, хотя и немногимъ; на примѣръ, не признаются тѣ браки, съ признаніемъ коихъ вводилось бы многоженство и кровосмѣшеніе; или тѣ, которые положительно запрещаются законами страны, изъ особыхъ государственныхъ соображеній, на примѣръ у насъ по акту — *Royal Mariage*. Стори, въ статьѣ о столкновеніи законовъ (*conflict of laws*),

упоминаетъ еще о третьемъ исключеніи: «о бракахъ, заключенныхъ за границей лицами, которыя присволяютъ себѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ права, принадлежащія будто бы имъ въ ихъ собственной странѣ. Во множествѣ случаевъ, ученые судьи, предсѣдательствовавшіе въ нашихъ духовныхъ судахъ, упоминали объ общемъ правилѣ».

«Въ дополненіе къ указаніямъ юристовъ о существованіи этого общаго правила у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, мы находимъ, что это же правило послужило основаніемъ для рѣшеній англійскихъ судовъ во множествѣ случаевъ.—Я полагаю, что одно изъ самыхъ первыхъ, по времени, рѣшеній, есть рѣшеніе Сэра Э. Симпсона 1752 г. по дѣлу Скримшайръ. Этотъ ученый судья говоритъ, что случай, подлежащій его разрѣшенію, встрѣчается въ первый разъ. Рѣшеніе его очень важно, потому что онъ подробно разбираетъ тѣ начала, на коихъ судъ долженъ основываться при разрѣшеніи подобныхъ дѣлъ. Въ дѣлѣ Скримшайръ обѣ стороны были англійскіе подданные, и имѣли постоянное мѣстожителство въ Англии: дѣло шло о возстановленіи супружескихъ правъ. Отвѣтчикъ говорилъ, что бракъ былъ совершенъ во Франціи, изложилъ обстоятельства, при коихъ онъ былъ совершенъ, и утверждалъ, что по французскимъ законамъ бракъ недѣйствителенъ и ничтоженъ. Сэръ Симпсонъ находилъ, что надо разрѣшить два главныхъ вопроса: *первый*, есть-ли въ дѣлѣ полное и законное доказательство того, что обѣ стороны взаимно, свободно и добровольно обвѣчались такъ, какъ это требуется законами страны, для признанія брака законнымъ; этимъ разрѣшится вопросъ о самомъ фактѣ брака. *Второй* вопросъ: если фактъ брака доказанъ, то долженъ-ли онъ быть утвержденъ и признанъ законнымъ по англійскимъ законамъ, такъ какъ онъ былъ совершенъ во Франціи, гдѣ признанъ по закону ничтожнымъ и недѣйствительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Первый вопросъ онъ разрѣшилъ утвердительно, и говорилъ, что призналъ бы бракъ действительнымъ, если бы онъ былъ согласенъ съ требованіями закона Франціи, гдѣ онъ былъ совершенъ. «Но тутъ то и возникаетъ затрудненіе, говорить онъ: бракъ совершенъ

во Франціи, считается тамъ недѣйствительнымъ, по законамъ французскимъ: по этому мнѣ надо разрѣшить единственный вопросъ, дѣйствителенъ или нѣтъ этотъ бракъ по законамъ англійскимъ, и я склоняюсь признать этотъ бракъ ничтожнымъ. Надо помнить, что при опредѣленіи законности или незаконности такого рода браковъ, у насъ сдѣлалось закономъ руководствоваться законами Франціи, или всякой другой страны, потому что вопросъ въ сущности заключается въ томъ, должно-ли разсматривать дѣйствительность браковъ по законамъ той страны, гдѣ они заключаются». Далѣе Сэръ Симпсонъ приводит нѣсколько мѣстъ изъ Санкеца, Воэ и другихъ юристовъ, утверждающихъ, что если подданные государства, гдѣ тайные (clandestin) браки запрещены, уѣдутъ въ другое государство, гдѣ такого запрещенія не существуетъ, и тамъ заключать тайный бракъ, то бракъ этотъ должно признавать дѣйствительнымъ, и наоборотъ. Изъ сочиненій юристовъ, на которыхъ сдѣлана ссылка, Симпсонъ дѣлаетъ такой общій выводъ: «эти авторитеты очень ясно указываютъ, что всѣ договоры должно разсматривать на основаніи законовъ той страны, гдѣ они заключены, и практика всѣхъ образованныхъ странъ всегда слѣдовала этому учению, которое принято общимъ согласіемъ націй». Во многихъ случаяхъ судьи придерживались этихъ же самыхъ началъ, когда шла рѣчь только о формальностяхъ и обрядахъ. Сэръ Симпсонъ очень ясно объясняетъ далѣе начало, служившее руководствомъ для судей, когда они разсматривали дѣйствительность браковъ по законамъ той страны, гдѣ они были совершены: «Всѣ народы дозволяютъ совершеніе брачныхъ обязательствъ, которыя принадлежатъ къ *jus gentium*, и которыя касаются подданныхъ всѣхъ націй. Но если бы при разсмотрѣніи дѣлъ о заключеніи браковъ, принимались въ основаніе только законы той страны, къ которой принадлежатъ лица, вступившія въ бракъ, то для подданныхъ всѣхъ государствъ, возникло бы много бѣдъ и большая путаница, какъ въ отношеніи признанія законности рожденія, наслѣдованія, такъ и въ отношеніи другихъ правъ; для предупрежденія же этого, всѣ народы согласились, или предпола-

гается, что они согласились для общей пользы и выгодъ, что такого рода браки будутъ признаваться дѣйствительными или нѣтъ, смотря по тому, какъ признають ихъ законы той страны, въ которой они совершены. Для всѣхъ одинаково важно, чтобы одно общее правило соблюдалось всѣми государствами, т. е. чтобы признавался законъ той страны, гдѣ заключено обязательство. При соблюденіи этого закона не можетъ возникнуть никакого неудобства, но много золь можетъ произойти при его несоблюденіи.» Это же самое правило легло въ основаніе и другихъ приговоровъ. Но разсужденія судей вовсе не поколебались отъ допущенія нѣсколькихъ исключеній изъ общаго правила; такъ, напримѣръ, когда браки, признаваемые противными законамъ религіи и нравственности и общимъ установленіямъ какого нибудь народа, были заключены за границей и признавались по томъ ничтожными въ той странѣ, гдѣ лица, ихъ заключившія, имѣли постоянное мѣстожительство и гдѣ подобнаго рода браки не были бы дозволены. Очень замѣчательно то обстоятельство, что ни въ сочиненіяхъ юристовъ, ни въ доказательствахъ адвокатовъ, ни въ приговорахъ судовъ, никогда не дѣлалось ссылки на какой-либо случай и не утверждалось того, что суды страны, гдѣ бракъ былъ заключенъ сообразно съ ея законами, должны были признать такой бракъ ничтожнымъ на томъ основаніи, что стороны, заключившія это обязательство, были подданными и имѣли постоянное мѣстожительство въ государствѣ, гдѣ такого рода браки не дозволены. Подобные доводы не приводились даже въ тѣхъ случаяхъ, когда шла рѣчь о бракѣ кровосмѣсительномъ. Такъ, напримѣръ, Губеръ въ своихъ *Praelectiones juris civilis lib. I. tit. 3.* въ статьѣ «*de conflictu legum*» говорить такъ: «*matrimonium pertinet etiam ad has regulas, si licitum est eo loco, ubi contractum et celebratum est, ubique validum erit, affectumque habebit sub eadem exceptione prejudicii aliis non creandi, cui licet addere si exempli nimis sit abominandi, ut si incestum juris gentium in secundo gradu contineret alicubi esse permissum, quod vix est ut usu veniri possit*» и далѣе говорить, что если стороны уѣдутъ для заключенія брака въ страну, гдѣ такого рода браки

дозволены, то, по возвращеніи въ свое отечество, бракъ ихъ не будетъ признанъ: «quia sic jus nostrum pessimis exemplis eluderetur, eoque pertinet haec observatio; saepe fit ut adolescentes sub curatoribus agentes, furtivos amores nuptiis conglutinare cupentes abeant in Trusiam orientalem aliove loco in quibus curatorum consensus ad matrimonium non requiretur justa leges romanas, quae apud nos hac parte cessant. Celebrant ibi matrimonium et mox redeunt in patriam. Ego ita existimo hanc rem manifeste pertinere ad eversionem juris nostri ac ideo non esse magistratus hic obligatos e jure gentium ejusmodi nuptias agnoscere et ratas habere; multo que magis statuendum eos contra jus gentium facere videri est qui civibus alieni imperii sua facilitate jus patriis legibus contrarium scientes volentes impertiuntur». Это мѣсто у Губера очень замѣчательно. Онъ разсуждаетъ о двухъ исключеніяхъ изъ общаго правила о бракахъ кровосмѣсительныхъ и о бракахъ малолѣтнихъ, заключенныхъ безъ согласія попечителей (curatorum) въ тѣхъ странахъ, куда они уѣхали для избѣжанія законовъ той страны, въ которой имѣютъ постоянное мѣсто жительства, и нисколько не сомнѣвается въ томъ, что браки обоого рода должны почитаться дѣйствительными въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они заключены; но въ отношеніи браковъ втораго рода, оправдываетъ страну мѣста жительства, не признающую такого рода браковъ и обвиняемую въ нарушеніи международнаго права. Кажется, одинъ только юристъ, Сторп, высказалъ свое мнѣніе объ этомъ пунктѣ; упомянувъ о томъ, что во Франціи принято ученіе о непризнаніи законами браковъ французовъ, заключенныхъ при такихъ обстоятельствахъ, онъ прибавляетъ: «врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что иностранныя государства, гдѣ заключены подобнаго рода браки, будутъ руководствоваться собственными своими законами, не обращая вниманія на законы французскіе». По дѣлу Кромптона съ Бирккрофтомъ, бракъ былъ признанъ дѣйствительнымъ и въ Англии, хотя былъ заключенъ въ Шотландіи между двумя малолѣтними, имѣющими постоянное мѣсто жительства въ Англии и безъ согласія ихъ родителей, и хотя обѣ стороны поѣхали въ Шотландію съ цѣлю

обойти законъ англійскій, который требовалъ согласія родителей. Бракъ, заключенный за границею подданными англійскими и имѣющими постоянное мѣсто жительства въ Англии, но не запрещенный по законамъ англійскимъ, не былъ бы признанъ недѣйствительнымъ оттого только, что стороны уѣхали за границу съ цѣлью обойти нѣкоторыя условія, которыя требовались бы отъ нихъ въ Англии. Французскій трибуналъ въ настоящемъ случаѣ призналъ бракъ недѣйствительнымъ, не потому что такой бракъ положительно запрещенъ по законамъ Франціи, но потому, что онъ былъ заключенъ въ Англии съ намѣреніемъ обойти предписанія французскаго закона. Всякій народъ имѣетъ право налагать на своихъ подданныхъ ограниченія и запрещенія касательно заключенія ими брачныхъ договоровъ, какъ въ своей собственной землѣ, такъ и за границей, и если вслѣдствіе этихъ ограниченій подданные терпятъ какія-либо стѣсненія, то порицаніе за это должно падать на самый народъ; но какое право имѣетъ какой-нибудь независимый народъ требовать отъ другаго, такъ же независимаго народа, отступаться отъ своихъ законовъ, для того, чтобы дать мѣсто ограниченіямъ и запрещеніямъ, существующимъ у перваго? Если такого рода право существуетъ, то оно должно основываться на международномъ правѣ, «на томъ правѣ, какъ сказалъ Сэръ Симпсонъ, въ началахъ котораго, для общаго блага и выгодъ, всѣ народы согласились или предполагаются, что согласны». Какое въ самомъ дѣлѣ общее благо и какія выгоды происходятъ, въ случаяхъ подобныхъ настоящему, отъ соблюденія законовъ той страны, гдѣ заключенъ бракъ? Стороны, вступающія въ договоръ, предполагается, знакомы съ законами государства, гдѣ заключается договоръ, или же, въ случаѣ незнанія, несутъ на себѣ всѣ невыгоды, могутъ произойти отъ незнанія. По французскому закону совершенно все равно: обѣ стороны французскія подданные, или только одна сторона. Предположимъ теперь, что французскій подданный пріѣхалъ въ Англию и безъ позволенія родителей женился на подданной другой иностранной державы, по законамъ которой такой бракъ дѣйствителенъ; который изъ двухъ за-

коновъ долженъ имѣть преимущество? на чью сторону долженъ склониться англійскій судъ и чей законъ принять при рѣшеніи дѣла? При существованіи международного права, законы обѣихъ странъ должны пользоваться равнымъ уваженіемъ; но обоеихъ нѣтъ возможности соблюсти. Не справедливо ли, и потому не лучше ли для всѣхъ, что въ такомъ случаѣ должно основываться на законѣ той страны, гдѣ заключено обязательство; законъ этотъ, какъ предполагается, извѣстенъ обѣимъ сторонамъ, и на подчиненіе ему рѣшились обѣ стороны при самомъ заключеніи договора. Далѣе, предположимъ, что одна изъ сторонъ англичанинъ; развѣ англійскій подданный имѣетъ меньшее право на выгоды, проистекающія для него отъ примѣненія англійскаго закона, нежели иностранецъ имѣетъ на выгоды, проистекающія для него отъ примѣненія законовъ своей страны? Могутъ сказать, что въ настоящемъ случаѣ обѣ стороны французскіе подданные, и поэтому не можетъ возникнуть подобнаго затрудненія. Это совершенно справедливо; но коль скоро будетъ признано начало подчиненія законовъ нашей страны законамъ другаго государства, то правило это надо будетъ проводить и во всѣхъ послѣдствіяхъ; потому изъ предложенныхъ случаевъ можно удобно вывести заключеніе, долженъ ли судъ, на основаніи *jus gentium*, принять въ руководство французскій законъ? Губеръ, въ приведенной выше цитатѣ, защищая государство въ тѣхъ случаяхъ, когда оно отказывается признать бракъ, совершенный за границей, лицами, уѣхавшими туда съ цѣлью обойти законъ своей страны, говорить: «*Multo que magis statuendum est eos contra jus gentium facere videri, qui civibus alieni imperii sua facilitate jus patriis legibus contrarium scientes volentes impertiuntur*». Довольно трудно опредѣлить, что должны сдѣлать, по мнѣнію Губера, иностранцы, для того, чтобы избѣгнуть его упрека. Онъ предполагаетъ, что они *scientes*. Думаетъ ли онъ, что они должны удостовѣриться и убѣдиться въ томъ, не будетъ ли обойденъ законъ какой-нибудь иностранной державы, при совершеніи ихъ брака? Должно ли справляться о мѣстѣ жительства договаривающихся сторонъ и о законѣ, существующемъ въ мѣстѣ ихъ жительства?

Должны ли стороны доказывать свои дѣла, согласие казуальных — либо родственниковъ или несуществованіе известныхъ родственниковъ? Или договаривающіеся должны доказать то, что они пріѣхали въ известную страну, не имѣя намеренія избѣгать законовъ своего отечества? Должны ли принять, что духовенство известной страны всегда должно предполагать намереніе сторонъ избѣгать законовъ своей родины, — если только не доказано противное? Пока не будетъ вполне разъясненъ этотъ пунктъ, нельзя упрекать наше отечество въ нарушеніи народнаго права, подъ тѣмъ предлогомъ, что у насъ совершаются такого рода браки. Необходимость имѣть одно твердое правило, которое бы прилагалось ко всемъ случаямъ, трудность, чтобы не сказать невозможность, примѣнять ко всемъ случаямъ какое-либо другое правило, кромѣ того, что законъ той страны, гдѣ совершенъ бракъ, долженъ въ этой странѣ служить основаніемъ при признаніи брака дѣйствительнымъ или недѣйствительнымъ, неизмѣнныи ни судебного рѣшенія или *dictum*, ни даже какого либо противоположнаго мнѣнія писателей, пользующихся авторитетомъ въ дѣлѣ международнаго права, — все это привело насъ къ тому заключенію, что въ настоящемъ случаѣ мы не можемъ основать нашего рѣшенія на какомъ-либо другомъ законѣ, кромѣ англійскаго закона, и именно такъ, какъ онъ прилагается къ англійскимъ подданнымъ. Франція можетъ сочинять законы для своихъ собственныхъ подданныхъ, и подчинять ихъ всемъ послѣдствіямъ этихъ законовъ, какъ дурнымъ, такъ и хорошимъ; но и Англія можетъ сочинять законы для стройнаго теченія дѣлъ въ своихъ предѣлахъ. Каждый народъ можетъ отказаться въ подчиненіи своихъ законовъ законамъ другого народа, и въ такомъ случаѣ упрекъ въ нарушеніи *comitas* или *jus gentium* долженъ падать на тотъ народъ, чьи законы наименѣе обезпечиваютъ общее благо и выгоды всѣхъ. Поэтому мы отказываемъ просительницѣ въ искѣ. Для нея можетъ быть очень неприятно, что она считается замужнею въ Англіи и незамужнею во Франціи. Еслибъ она осталась во Франціи, то могла бы воспользоваться свободою, предоставленною ей фран-

цузскимъ трибуналомъ; но избравъ, мѣстомъ жительства Англию, она должна подчиниться англійскому закону, каковъ онъ есть, и потому должна считаться связанною тѣмъ договоромъ, который она здѣсь заключила. Новость и важность вопроса поставили судъ въ большое затрудненіе, но мы успокоиваемъ себя тою мыслью, что если нашъ приговоръ несправедливъ, то онъ можетъ быть исправленъ высшимъ судомъ Англій.

Мы вполне соглашаемся съ приговоромъ англійскаго судьи; его учеными разсужденіями вопросъ вполне исчерпанъ. Вопросъ этотъ намъ кажется весьма важнымъ и интереснымъ. Для нашего отечества онъ также не лишенъ значенія, такъ какъ множество русскихъ подданныхъ, принадлежащихъ не къ греко-россійскому исповѣданію, могутъ находиться въ такомъ же положеніи, какъ оба Малакъ. Изъ этого рѣшенія хорошо видно, какими богатыми вспомогательными матеріалами располагаетъ каждый англійскій судья; кромѣ замѣчательнаго юридическаго образованія, у него подъ рукою запасъ практической опытности его предшественниковъ нѣсколькихъ столѣтій: рѣшенія по дѣламъ самыхъ замѣчательныхъ судей-юристовъ Англій. Но при этомъ мы не можемъ не обратить вниманія на то столкновеніе, которое можетъ произойти отъ того, что во Франціи и въ Англій постановлены два противурѣчащія другъ другу опредѣленія по одному и тому же дѣлу. По статьѣ 546 французскаго гражданскаго судопроизводства, опредѣленіе, постановленное трибуналомъ какого-нибудь иностраннаго государства считается во Франціи дѣйствительнымъ, и для того, чтобы привести его въ исполненіе во Франціи, требуется только засвидѣтельствованіе его французскимъ трибуналомъ; пересмотру же такого рода опредѣленія во Франціи не подлежатъ. Такъ по крайней мѣрѣ объясняетъ эту статью Боатаръ въ своемъ курсѣ гражданскаго судопроизводства. Что же будетъ, если Валерія Симоненъ явится съ копіею рѣшенія англійскаго трибунала во Францію и будетъ просить привести его въ исполненіе?

Въ заключеніе прибавимъ къ этому еще нѣсколько словъ о самомъ устройствѣ суда, гдѣ производилось это дѣло. Судъ этотъ, какъ выше было сказано, называется *судомъ для дѣлъ брачныхъ и о разводахъ* и учрежденъ въ 1857 г. До этого года дѣла о засвидѣтельствovanіи завѣщаній и дѣла, относящіяся до браковъ и разводовъ, вѣдались духовными судами; но въ 1857 г. учреждено два суда: одинъ для свидѣтельствovanія завѣщаній и для разбора споровъ по этому предмету—*Court of probate*, другой для дѣлъ брачныхъ и о разводахъ—*Court for divorce and matrimonial cases*. Въ первомъ изъ этихъ судовъ, имѣющемъ мѣстопробываніе въ Лондонѣ,—одинъ судья, назначаемый или изъ адвокатовъ, пробывшихъ въ своемъ званіи 10 лѣтъ, или изъ барристеровъ, пробывшихъ въ своемъ званіи 15 лѣтъ. Въ случаѣ надобности, когда судья сомнѣвается или затрудняется въ разрѣшеніи дѣла, онъ имѣетъ право пригласить въ помощь себѣ судей изъ судовъ общаго закона (*common law*). Для разрѣшенія факта судъ можетъ призывать присяжныхъ.

Составъ суда о разводахъ слѣдующій: лордъ-канцлеръ, всѣ судьи трехъ верховныхъ судовъ и судья суда о завѣщаніяхъ. Этотъ послѣдній есть непремѣнный судья суда о разводахъ, называется *обыкновеннымъ* судьей (*judge ordinary*) и можетъ разрѣшать дѣла или одинъ, или съ помощью одного или нѣсколькихъ судей верховныхъ судовъ. Въ дѣлахъ бракоразводныхъ и еще въ нѣкоторыхъ специальныхъ случаяхъ, судъ производится не иначе, какъ тремя судьями. Для опредѣленія фактического вопроса могутъ быть призваны присяжные, по требованію или обѣихъ сторонъ, или одной изъ нихъ. Напримѣръ, настоящее дѣло разсматривалось въ полномъ засѣданіи суда (*full court*), т. е. присутствовали судья суда о разводахъ, Сэръ-Крессуэль, и два судьи изъ верховныхъ судовъ,—присяжныхъ не было. Постановленіе закона 1857 г. о требованіи присутствія 3-хъ судей по дѣламъ о разводахъ произошло отъ того, что думали этимъ остановить возможность слишкомъ большаго числа разводовъ. Въ нынѣшнемъ году въ парламентъ былъ внесенъ билль, которымъ предполагалось, чтобы присутствіе судей верховныхъ судовъ въ судѣ о разводахъ было всегда обязатель-

но, по главный судья королевской скамьи, Сэръ Александръ Кокбарнъ отъ имени всѣхъ своихъ товарищей—судей, письмомъ на имя лорда-канцлера протестовалъ противъ этого, доказывая: 1) что 15 судей и безъ того завалены работою, не могутъ съ нею справиться, и занятія ихъ все болѣе и болѣе увеличиваются, вслѣдствіе разныхъ законодательныхъ мѣръ, а также и вслѣдствіе развитія и увеличенія числа гражданскихъ отношеній и 2) что нѣтъ никакой надобности въ такого рода дѣлахъ, какъ дѣла брачныя и дѣла о разводахъ, имѣть болѣе одного судьи, который и безъ того имѣетъ право, по закону, въ случаѣ надобности приглашать другихъ судей для обсуждения сомнительныхъ вопросовъ. Постановитъ же правиломъ, что верховные судьи обязаны были бы присутствовать *ex court of divorce* непременно по каждому дѣлу, значило бы, по мнѣнію Сэра Кокбарна и его сотоварищей, тратить даромъ время, и отвлекать судей отъ другихъ дѣлъ, гдѣ участіе нѣсколькихъ судей необходимо и требуется какъ закономъ, такъ и самою важностью предмета, какъ напримѣръ разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ права и т. п. Это мнѣніе поддерживалъ въ нижней палатѣ генераль-атторней Сэръ-Ричардъ Бэтель, — который сверхъ того доказывалъ, что даже и трехъ судей много для суда о разводахъ, потому что въ случаѣ споровъ о фактѣ, напримѣръ при требованіи развода по случаю пренибодѣнія, вопросъ факта разрѣшается присяжными; для постановленія же окончательнаго приговора по такому дѣлу, не нужно вовсе участія трехъ судей, достаточно одного: одинъ судья постановляетъ же приговоръ по дѣламъ о жизни, чести и проч., къ чему же въ дѣлахъ о разводахъ допускать участіе не только многихъ, но и тѣхъ трехъ судей, которые установлены парламентскимъ актомъ 1857 г.

Въ заключеніе замѣтимъ еще касательно суда о разводахъ, что на постановленія судьи—одного, апелляция приносится полному засѣданію суда, котораго постановленія тогда уже окончательны. При постановленіи полнымъ засѣданіемъ опредѣлений по дѣламъ о расторженіи брака, апелляция приносится въ трехъ-мѣсячный срокъ палатѣ лордовъ.

ОТДѢЛЪ III.

БИБЛИОГРАФІА.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ЗА 1860 ГОДЪ.

СТАТЬЯ I.

Право, какъ известно, представляется изслѣдованію съ трехъ сторонъ: во 1-хъ изслѣдователь можетъ стремиться раскрыть основныя начала, на которыхъ устанавливается право; во 2-хъ онъ можетъ слѣдить, какимъ образомъ, съ теченіемъ времени, постепенно раскрывались и сознавались эти начала въ дѣйствительной жизни и въ 3-хъ остановившись на ступени развитія ихъ въ эпоху, современную ему, онъ опредѣляетъ, на сколько право въ это время удовлетворяетъ требованіямъ правды и какіе пути предстоятъ для дальнѣйшаго его развитія. Слѣдовательно, въ наукѣ права существуютъ три элемента: философскій, историческій и практическій.

Эти три элемента существенны въ наукѣ, и потому правильное развитіе ея необходимо предполагаетъ существованіе

каждаго изъ нихъ. Съ одной стороны право, какъ и все въ мѣрѣ, должно имѣть свою разумную причину, свое разумное основаніе; раскрыть это основаніе и есть дѣло науки. Безъ философскаго элемента невозможно бытіе права, и философія права, излагая основныя начала права и закона, одна въ состояніи ввести единство и порядокъ въ изученіе положительнаго законодательства. Кодексы явились бы массою произвольныхъ законоположеній, если бы не существовало сознанія о началахъ, породившихъ законы, если бы не было понятно отношеніе права къ цѣлямъ и назначенію человѣка и общества. Безъ этого элемента невозможно было бы составить никакого общаго понятія о законодательствѣ, ибо дѣйствующіе законы, чрезвычайно обширные, часто противоположны другъ другу въ различныхъ государствахъ и болѣе или менѣе несовершенныя, не обнаруживаютъ въ себѣ характера единства и общности и не могутъ дать такой общей идеи о правѣ; философскій же элементъ въ наукѣ открываетъ эту идею и представляетъ масштабъ, по которому можно измѣрить достоинство и относительное совершенство положительныхъ законовъ. Впрочемъ, не зачѣмъ распространяться о важности этого элемента въ наукѣ: очевидно, что безъ него не могли бы существовать и другіе два элемента, а слѣдовательно не могла бы существовать и наука права. Но при всей неоспоримой важности философіи въ нашей наукѣ, нельзя отрицать необходимости и другихъ двухъ элементовъ. Исторія права является вѣрною руководительницею философіи, и послѣдняя безъ первой легко можетъ заблудиться, какъ то неоднократно и доказывалъ опытъ. Неволиня весьма справедливо замѣтилъ, что философія, для того, чтобы достигнуть возможной степени совершенства, должна вступить въ тѣсный союзъ съ исторіею: «исторія представляетъ намъ такое множество законодательствъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, такое множество формъ жизни общественной, такое множество нравственныхъ явленій, что философіи остается только этотъ грубый матеріалъ очищать отъ разнородной примѣси, и, отдѣляя необходимое отъ случайнаго, общее отъ частнаго, принимать всеобщее и необходимое въ

свою систему». Но, конечно, при этомъ не должно забывать, что исторія не есть *источникъ*, а только *пособіе* философіи. Наконецъ практической элементъ, имѣющій цѣлю научную разработку дѣйствующаго законодательства, при пособіи двухъ первыхъ, имѣеть очевидное, жизненное значеніе, ибо назначеніе права—имѣть приложеніе къ жизни. Однако этотъ элементъ, какъ основывающійся на первомъ и подкрѣпляемый вторымъ, естественно можетъ получить полное развитіе только при развитіи первыхъ: самостоятельно развиваться онъ не можетъ.

На западѣ, какъ извѣстно, съ успѣхомъ развиваются всѣ три элемента права, а причина этого—развитіе перваго элемента, какъ основы двухъ другихъ. Философія, это драгоценное наслѣдство, принятое новыми народами отъ классическихъ народовъ древняго міра, не заглохла въ нихъ, а напротивъ, пересаженная на плодотворную почву христіанскаго міра, принесла обильные плоды. Конечно, эта наука, какъ и всякая другая, не шла по пути своего развитія безъ малѣйшихъ уклоненій, но эти уклоненія не могли совершенно сбить ее съ дороги, а напротивъ еще яснѣе указали ей путь. При свѣтѣ христіанской религіи она выработала понятіе о личности человѣка, и, развивая значеніе этой личности, мало по малу дошла до того, что признала разумъ человѣка единственнымъ, непогрѣшимымъ авторитетомъ, не нуждающимся въ пособіяхъ исторіи и опыта. Именно въ области права философія отрѣшила человѣка отъ общественнаго порядка, вообразивъ лицо въ его *естественномъ состояніи* (*état de nature*), съ цѣлю лучше понять и оцѣнить существующія учрежденія, и здѣсь разумъ сперва съ робостію потребовалъ нѣкоторыхъ измѣненій. Затѣмъ разумъ отрѣшился отъ всякаго даннаго состоянія, отъ всѣхъ преданій историческихъ и указаній опыта и объявилъ себя властію, которая одна обсуживаетъ все существующее и устанавливаетъ начала, по которымъ тотчасъ можетъ быть преобразовано государство. Такимъ образомъ въ философіи вообще и философіи права образовались два направленія: *натурализмъ*, выводящій свои положенія изъ естественнаго состоянія

человѣка и затѣмъ рационализмъ, признавшій разумъ за единственный источникъ началъ права и государства. Но такое направление, хотя принесшее много благодѣтельныхъ результатовъ, дошло наконецъ до крайности, и голосъ истории и опыта указалъ его несовершенство. Государство при этомъ направленіи потеряло всю свою жизненную силу, сдѣлалось трудомъ, который можно было разбѣгать какъ угодно, переворачивать по произволу, безъ всякаго съ его стороны противоѣдствія. Приверженцы этого направленія забыли, что государство есть такой же организмъ, какъ и человѣкъ, что оно также живетъ своею жизнью и что если въ этой жизни встречаются недуги, то лечение ихъ можетъ быть успѣшно только тогда, когда средства, предлагаемыя къ этому, сообразны съ природою организма. Опытъ указалъ такую односторонность рационализма, и философія обратила вниманіе на эти указанія, — и потому обратилась въ своихъ изысканіяхъ къ пособію истории и указаніямъ дѣйствительной жизни. Конечно здѣсь дѣло не обошлось безъ борьбы и исторической элементъ, указавъ недостаточность рационализма, думалъ взять верхъ надъ нимъ, но борьба эта кончилась правильнымъ миромъ, и философія тѣсно соединилась съ указаніями истории и опыта: послѣдніе прониклись первою, а первая воспользовалась ихъ совѣтами и указаніями, и въ настоящее время наука, гармонически соединивъ въ себѣ элементы философскій, исторической и практической, смѣло и прямо идетъ къ своей цѣли, — истинѣ.

Россія не принимала никакого участія въ этомъ движеніи философіи, вошедшемъ въ плоть и кровь западныхъ государствъ: сперва она вовсе не знала о такомъ движеніи, а впоследствии была только холодною и хладнокровною зрительницею его. Толстая кора допетровскаго невѣжества не давала проникнуть къ намъ ни одному лучу западной философіи, а впоследствии, когда великій преобразователь топоромъ скололъ съ Россіи эту кору, отечество наше еще не вдругъ могло очнуться отъ своего вѣковаго сна, привыкнуть къ свѣту и познать все его окружающее. Наконецъ Россія осмотрѣлась кру-

гомъ, узнала западъ, ознакомилась съ его жизнію и его дѣятельностію,—но не могла сродниться съ нимъ, и сразу принять участіе въ его развитіи. Это очень естественно: мы увидали результаты западной дѣятельности, но не видали, какъ они достигались; мы узнали плоды трудовъ западныхъ народовъ, но не принимали участія въ этихъ трудахъ, не жили тою жизнію, которая выработала начала общественной жизни, предъ нами раскрывшіяся. Могли ли мы принять послѣ этого въ себя результаты вѣковыхъ усилій запада такъ, какъ они принялись на мѣстѣ, могли ли мы понять и оцѣнить ихъ такъ, какъ они были поняты и оцѣнены самими народами, ихъ создавшими? Конечно нѣтъ. Правда, намъ *безъ труда* достались плоды западной цивилизаціи, но этимъ—то и объясняется, почему у насъ они не сроднились съ общественною жизнію: мы не привыкли къ этой новой пищѣ,—потому она и не переваривается у насъ.

Отсюда понятно, что въ области права философскій элементъ,—этотъ краеугольный камень науки, при несуществованіи въ Россіи національной философіи, не могъ у насъ развиваться. Мы познакомились съ философіею запада, но не могли принять ее въ себя, сродниться съ нею;—по этому она у насъ и не принесла еще плодовъ. Приведемъ въ примѣръ замѣчательнаго юриста нашего Неволіна. Онъ воспитывался въ Германіи въ то время, когда въ области философіи совершался важный переворотъ, кипѣла жизненная борьба, когда раціонализмъ, сильно господствовавшій на западѣ, встрѣтилъ жестокія нападенія со стороны школъ Гегеля, Савиньи и де-Местра. Какой результатъ произвела эта борьба на нашего ученаго? Онъ замѣтилъ, что побѣда остается не за раціонализмомъ и принялъ сторону его противниковъ, но не одного кого-либо, а всѣхъ ихъ,—и потому въ его философскихъ взглядахъ господствуетъ эклектизмъ,—соединеніе возрѣвнѣй философской, исторической и теологической школъ.

Но такъ какъ степень развитія философскаго элемента обусловливаетъ и развитіе двухъ другихъ, то понятно, что и эти послѣдніе, не проникнутые одною связывающею и оживляющею

ихъ выводы идею, не могли привести къ какимъ-либо общимъ результатамъ и должны были ограничиться частностями. Такимъ образомъ относительно историческаго элемента должно сказать, что онъ по выставленной причинѣ не можетъ у насъ получить въ настоящее время полного развитія; но кромѣ этой причины есть еще и другая: у насъ и отдѣльные историческіе факты еще не приведены въ ясность. Припомнимъ, что говорить Невольнѣ о значеніи исторіи законодательства вообще и о невозможности ея у насъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ она должна разрабатываться сообразно требованіямъ истинной исторіи: «исторія должна изобразить послѣдовательность развитія закона. . . . на почвѣ русской народности при существовавшихъ временныхъ и мѣстныхъ условіяхъ; она должна, означивши ту мысль идеи закона, которую предоставлено раскрыть русскому закону, показать намъ, чѣмъ началось раскрытіе его и въ немъ этой мысли, и какъ потомъ онъ, подѣ господствомъ своей движущей мысли, въ связи съ цѣлою народною жизнію, въ связи съ современнымъ состояніемъ законодательства и законовѣднія у другихъ народовъ, въ связи со всеми обстоятельствами, постепенно раскрывался во всѣхъ подробностяхъ своего содержания. Но исторія русскихъ законовъ въ такомъ видѣ въ настоящее время невозможна: надлежащее выполненіе ея предполагаетъ въ историкѣ ясное сознаніе той идеи, которую предназначено русскому народу раскрыть въ своихъ законахъ. . . . Послѣ сего исторія, предоставляя будущему времени начертать развитіе законовъ со всемірно—исторической точки зрѣнія, должна все свое вниманіе обратить на самый фактъ ихъ развитія. Это изслѣдованіе, если оно будетъ ведено какъ должно, послужитъ твердымъ основаніемъ и для той исторіи, которая будетъ разсматривать предметъ со всемірно—исторической точки зрѣнія. До тѣхъ поръ, пока это изслѣдованіе не приведено, или по крайней мѣрѣ не близко къ концу, философской исторіи русскихъ законовъ даже и нельзя начать».

Объ выставленныхъ выше причинъ невозможности у насъ въ настоящее время вполне развитаго историческаго элемента вполне объясняютъ то, почему въ области исторіи права из-

слѣдованія у насъ ограничиваются разсмотрѣнiемъ отдѣльныхъ вопросовъ и вообще приуготовительными трудами. Достойный профессоръ Кавелинъ, въ одной изъ своихъ критическихъ статей, весьма вѣрно опредѣлилъ настоящее состоянiе нашей исторической литературы. «Мы увидимъ, говоритъ онъ, множество прекрасныхъ, классическихъ приуготовительныхъ трудовъ, драгоценныхъ собранiй источниковъ, много важныхъ открытiй для исторiи, но эпоха творчества, созиданiя, едва ли скоро наступитъ въ нашей исторической литературѣ. Она необходимо есть актъ сознанiя, самоуразумѣнiя народа; когда мы поймемъ себя, тогда явится у насъ и исторiя; а это условiе есть одно изъ самыхъ трудныхъ, самыхъ тяжело дающихся. Вспомнимъ только то странное положенiе, въ которое мы до сихъ поръ были поставлены, отчасти и теперь еще находимся: намъ извѣстны всѣ современные европейскiе вопросы; извѣстно, какъ и почему они явились, какъ развивались и на чемъ стоятъ теперь; и въ то же время, вопросы, самые обыкновенные, простые, давно уже разрѣшенные у образованныхъ народовъ, если они только къ намъ относятся и къ нашему быту, приводятъ насъ въ величайшее затрудненiе: мы не умѣемъ ихъ поставить, не умѣемъ даже за нихъ взяться; всего чаще они остаются почти незамѣченными, по крайней мѣрѣ, не обращаютъ на себя того пристального, серьезнаго, выдержаннаго вниманiя, которое необходимо для ихъ разрѣшенiя. Что это значитъ? То, что мы все еще болѣе пользуемся чужими трудами, чѣмъ своими силами, что, повидимому, богатые опытностью, мы на самомъ дѣлѣ еще очень мало жили и дѣйствовали самостоятельно: ссылаемся на всѣхъ, кто съ нами не согласенъ, за которыми, конечно, огромное большинство. Во всемъ этомъ мы видимъ непреложный законъ историческаго развитiя. Какъ бы ни была благопрiятна, даже блистательна обстановка человѣка или народа, жизнь все—таки возьметъ свое, не сдѣлаетъ ни одного прыжка, не выброситъ ни одного звена изъ своей цѣпи. Окружите мальчика самыми счастливыми условiями для его развитiя, все таки онъ не сдѣлается вдругъ совершеннолѣтнимъ человекомъ: жизнь его можно ускорить, но постепенность ея не-

возможно нарушить. Оттого часто подъ блестящей оболочкой скрывается бѣдное содержаніе, подъ видимымъ умственнымъ пресыщеніемъ—неразвитость, нравственное малолѣтство. Въ такое положеніе поставила исторія многія славянскія племена, въ томъ числѣ и насъ. Этимъ объясняется, почему у насъ нѣтъ еще своей исторической литературы: мы не умѣемъ даже по-смотреть на себя какъ должно. . . . Но когда мышленіе станетъ, наконецъ, и для насъ дѣйствительною потребностью, а не средствомъ пріятно провести время или пускать пыль въ глаза, какъ теперь по большей части,—наша историческая литература необходимо измѣнитъ свое направленіе.

Послѣ этого понятно, каково должно быть развитіе у насъ и послѣдняго элемента, имѣющаго цѣлю критическую разработку дѣйствующаго законодательства. При неразвитіи первыхъ двухъ элементовъ и этотъ третій естественно обнаруживается въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, о той или другой статьѣ закона, въ сличеніи отдѣльныхъ постановленій и указаніи ихъ неполноты или противорѣчій. Общаго взгляда на цѣлую систему законодательства, общей классической оцѣнки началъ, выраженныхъ въ немъ, нельзя требовать отъ этого элемента. Но кромѣ этой причины неразвитія у насъ практическаго элемента есть и другая, сходная съ тою, которую мы выставили для элемента историческаго: въ самомъ законодательствѣ нашемъ его отдѣльныя постановленія еще не приведены въ ясность, такъ какъ у насъ пока есть только *сводъ* законовъ, но нѣтъ еще *уложенія*.

Изъ всего сказаннаго ясно, на какой ступени стоитъ отечественная юридическая наука и что нужно для ея дальнѣйшаго развитія. Во 1-хъ нашей наукѣ нужно созданіе философскаго элемента. Начало удовлетворенія этому требованію уже положено: въ университетахъ введено преподаваніе философіи и кромѣ того въ послѣднее время стали появляться сочиненія философскаго содержанія. Во 2-хъ необходимы дѣятельныя изслѣдованія и объясненія отдѣльныхъ вопросовъ въ области исторіи права и въ 3-хъ, полнѣйшая критическая оцѣнка дѣйствующаго законодательства, которая облегчитъ и ускоритъ

составленіе уложенія, необходимость котораго признана и высказана еще графомъ Сперанскимъ.

Удовлетворяетъ ли наша юридическая литература этимъ требованіямъ? У насъ явились и существуютъ четыре юридическіе журнала;—въ каждомъ періодическомъ энциклопедическомъ изданіи помѣщаются статьи, посвященныя вопросамъ права;—доказательство, что юридическая наука интересуется обществомъ. Но съ другой стороны журналы поглотили всю дѣятельность нашихъ юристовъ,—и кромѣ журнальныхъ статей намъ почти нечего назвать новаго въ области нашей науки. Вслѣдствіе этого историческая разработка права замѣтно ослабѣла противъ прежняго времени и минувшій годъ очень не богатъ историческими трудами.

Но за то мы находимъ множество статей съ практическимъ характеромъ. Не говоря о томъ, что во всѣхъ специальныхъ журналахъ дано обширное мѣсто этому элементу, а одинъ изъ нихъ, именно нашъ, имѣетъ главною цѣлю разработку этого элемента,—всѣ энциклопедическіе журналы обратили вниманіе преимущественно на эту сторону права.

Причина этого кроется въ самой жизни, которою теперь живемъ мы. Въ послѣднія пять, шесть лѣтъ наша общественная дѣятельность сильно оживилась: съ одной стороны правительство непрерывно давало народу новыя законодательныя мѣры, новыя средства къ усовершенствованію общественной жизни, съ другой само общество серьезнѣе взглянуло на себя и сильнѣе почувствовало несостоятельность многихъ элементовъ своего быта. Прежде всего оно было поражено тѣми несовершенствами административной и судебной дѣятельности, которыя заключались не въ самомъ законѣ, а въ невѣрномъ и недобросовѣстномъ выполненіи,—и въ литературѣ явилось огромное количество статей о злоупотребленіяхъ нашихъ низшихъ органовъ правительственной и судебной дѣятельности. Припомнимъ, съ какою жадностію читала публика статьи Щедрина, Печерскаго и др., какіе толки произвела піеса графа Соллогуба «Чиновникъ», критическій разборъ которой, написанный г. Павловымъ, даже печатался и расходился въ отдѣльныхъ

оттискахъ, наконецъ, какъ ломился театръ при представленіи комедіи г. Львова «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», авторъ которой, благодаря современности пьесы, былъ поставленъ чуть не рядомъ съ Гоголемъ, хотя его произведеніе и не отличалось особенными достоинствами.

Но этотъ первый порывъ прошелъ, и общество съ большимъ хладнокровіемъ обратилось къ разрѣшенію вопроса о причинахъ недостатковъ нашей администраціи и суда. Естественно оно обратилось послѣ исполнителей закона къ самому закону и бросило критическій взглядъ на отдѣльныя его постановленія. Здѣсь оказалось дѣйствительно много недосказаннаго, много сбивчиваго, противорѣчащаго и несогласнаго съ требованіями и пользами общественной жизни. Конечно такой взглядъ не могъ быть обширенъ и охватить собою всю систему законодательства; напротивъ общество устремилось преимущественно на то, что попадалось ему на встрѣчу, что затрогивало его въ данную минуту, что близко касалось его интересовъ; отсюда понятно, что главное вниманіе должно было обратиться на наше судоустройство и судопроизводство. Недостатки, открытые у насъ, естественно обратили вниманіе на западъ,—и въ литературѣ, кромѣ изслѣдованій о русскомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, явилось множество статей о производствѣ суда и расправы на западѣ: устность и гласность судопроизводства, судъ присяжныхъ и т. п.,—вотъ предметы, которые заинтересовали общество и наполнили нашу литературу.

Обозрѣніе журнальныхъ статей укажетъ намъ, что дѣйствительно литература вполне отвѣчаетъ современнымъ, или лучше сказать, временнымъ требованіямъ общества, но отвѣчаетъ ли она на столько же требованіямъ науки,—это другой вопросъ. Для успѣховъ юридической науки необходимо совокупное развитіе всѣхъ трехъ элементовъ ея; у насъ же развивается почти исключительно одинъ элементъ практической, а понятно, что практика безъ теоріи и исторіи не приведетъ къ важнымъ результатамъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не поствовать на нашихъ ученыхъ юристовъ, посвятившихъ себя

почти исключительно журнальной дѣятельности. Журналы, и особенно журналы энциклопедическіе, о которыхъ мы и на-мѣрены говорить въ нашемъ обзорѣ, имѣя въ виду уяснить обществу то, что его интересуетъ въ данное время, разъяснить ходячіе вопросы, не могутъ дать на своихъ страницахъ мѣста пріуготовительнымъ изслѣдованіямъ въ области какой-либо науки, интереснымъ и важнымъ только для специалистовъ, не могутъ быть, собственно говоря, *дѣятелями* науки, а только *проводниками* въ общество истинъ, добытыхъ ею, и слѣдовательно, по самому характеру своему, даютъ читателямъ не самыя изысканія въ наукѣ, а только результаты ихъ. Этимъ исчерпывается назначеніе журналовъ, и если они добросовѣстно выполняютъ его, то заслуживаютъ полной признательности общества. Слѣдовательно нельзя упрекать журнальную литературу, если она сообщаетъ мало результатовъ изъ области какой-либо науки, предполагая конечно, что она слѣдитъ за успѣхами науки; но упрека заслуживаетъ журналъ тогда, когда онъ искажаетъ эти результаты, когда глумится надъ наукою и вмѣсто проводника ея истинъ является ихъ отрицателемъ.

Съ этой точки зрѣнія рассмотримъ статьи юридическаго содержанія, помѣщенныя въ журналахъ за минувшій годъ. Изъ сказаннаго ясно, что мы не предполагаемъ себѣ задачею представить полную критическую оцѣнку каждой статьи; мы ограничимся общимъ ихъ обзорѣмъ и небольшими замѣчаніями о нѣкоторыхъ изъ нихъ, почему либо останавливающихъ на себѣ особенное вниманіе.

Укажемъ сперва на двѣ статьи, помѣщенныя въ «Современникѣ» за 1860-й годъ, бросающія общій взглядъ на науку права и ея современное состояніе. Статьи эти носятъ слѣдующія заглавія: «Изъ человѣческой правды и нравственности» (Соврем. за май) и «Что такое право? Наша ученая простота и нѣмецъ Блунчли» (Совр. за ноябрь). Обѣ статьи принадлежатъ г. Ю. Жуковскому.

Вотъ вкратцѣ содержаніе первой статьи. «Въ устности и гласности,» какъ утверждаетъ г. Жуковскій, «восхищающихъ

ся этими учреждениями приманиваетъ внѣшняя форма производства дѣлъ; но форма эта зависитъ въ своей сущности отъ существующаго законодательства и господствующихъ правилъ и понятія страны. Отчего же, спрашиваетъ авторъ, на эту сторону дѣла такъ мало обращается вниманія нашими публицистами? Если бы она была хорошенько разъяснена, то мы бы, конечно, яснѣе увидѣли и то, на какомъ мѣстѣ въ ряду вожделѣнныхъ намъ благъ стоитъ адвокатура съ устно-стью и гласностію» Затѣмъ г. Жуковскій рисуетъ предъ читателемъ поэтическую, но мрачную картину публичнаго суда, «мрачныя залы, мрачныя лица въ черныхъ плащахъ и такихъ же шапкахъ, мрачныя же и страдальческія, глупо—смѣшныя, тупо—спокойныя или наконецъ нагло—смѣлыя лица обвиненныхъ, окровавленные ножи и тряпки» и т. д. «Но не будьте наивнымъ ребенкомъ, прибавляетъ г. Жуковскій,—помните, что вы здѣсь не въ интимномъ дружескомъ кружкѣ, а въ святилищѣ права. Здѣсь мы съ вами должны забыть, что мы также люди; вмѣсто живаго сердца съ четырьмя желудочками, полными крови, мы должны имѣть между легкими только мертвую книгу закона, въ которой напередъ рассчитано всякое движеніе души и опредѣлена соответствующая ему мѣра возмездія. Заглушите эту борьбу закона, пнущаго наперекоръ человѣку, и человѣка, который не можетъ вдругъ понять своего закона, и поглядите на черныя плащи и шапки, которые вѣрно лучше насъ понимаютъ свое дѣло. За стѣнами этой комнаты они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ; но здѣсь, посмотрѣвши на нихъ, вы сильно усомнитесь, чтобы это были *живые* люди, подверженные страстямъ, слабостямъ и ошибкамъ: такъ величаво, строго и безстрастно взираютъ они на собраніе, такъ непреклонно олицетворяютъ въ себѣ законъ,—такъ отважно противопоставляютъ его букву внушеніямъ собственной совѣсти.

«И за то какіе сложные и мудреные процессы возникаютъ при помощи юристовъ, изъ самыхъ простыхъ фактовъ, относительно которыхъ *для простаго, неюридическаго ума*—даже и вопроса быть не можетъ, которые рѣшаются имъ, *при*

самомъ слабомъ соображеніи, въ пять минутъ. Не хотите ли полюбоваться однимъ изъ такихъ занимательныхъ процессовъ.»

«Въ концѣ января 1860 года соединенныя палаты императорскаго суда въ Парижѣ были призваны къ рѣшенію довольно простаго вопроса, если судить его по человѣчески, но съ юридической точки оказавшагося весьма труднымъ и запутаннымъ; задача состояла въ томъ, можно ли удовлетворить требованію женщины, Зои Х. . . . которая, вышедшая замужъ за освобожденнаго каторжника, сама не зная того, требовала потомъ признанія брака недѣйствительнымъ». Далѣе авторъ излагаетъ это дѣло, которое было рѣшено не въ пользу Зои Х., украшая свое изложеніе фразами въ родѣ слѣдующихъ: «не существуя во Франціи на этотъ предметъ вовсе писаннаго закона. . . . для всѣхъ было бы сразу понятно, что женщина въ положеніи Зои Х. имѣетъ полное право не хотѣть оставаться женою г. Берт. . . . Но, какъ извѣстно, на землѣ существуетъ писанное гражданское законодательство и Франція имѣетъ счастье имъ пользоваться, существуютъ судьи и еще французскіе судьи (?), которые очень много слышали о святости и ненарушимости писаннаго закона и которымъ вовсе нѣтъ дѣла до внутренняго голоса правды, говорящаго иногда въ человѣкѣ. Сообразивъ все это, становится отчасти уже ясно, что процессъ Зои Х. . . . легче было выиграть передъ совѣстью, чѣмъ передъ судомъ». . . . Подобныя разсужденія, чрезвычайно оригинальныя, заключаются слѣдующимъ выводомъ: «Въ судебной хроникѣ вы тщетно будете искать взгляда, который прежде всего имѣлъ бы въ виду людей. . . ; у всѣхъ толкователей, ученыхъ и судей, напротивъ того, впереди всего стоитъ какое нибудь кабалистическое слово, или принципъ, созданный ветхой слабостію къ неяснымъ отвлеченіямъ, въ постоянной діалектической игрѣ въ мірѣ темныхъ логическихъ мнѣевъ. . . . Въ чадѣ этой мнѣологии живетъ еще большая часть самыхъ ученыхъ людей, щеголяющихъ до сихъ поръ въ парикахъ и пудрѣ, — и потому неудивительно, что она предъявляетъ права свои съ полнымъ цинизмомъ, который въ придачу рѣдко кого поражаетъ». . . . «До сихъ поръ, продолжаетъ г. Жуковскій, сплошь и рядомъ

встрѣтите умницъ, которыя съ глубокимъ паѳосомъ будутъ кричать передъ вами, пересчитывая цѣлый лексиконъ юридическихъ отвлеченій, и которыя не поймутъ васъ, если вы у нихъ хладнокровно спросите, что они хотять этимъ сказать, и ужъ ни за что не повѣрятъ, что ихъ слова лишены вовсе содержанія. Какъ всякій баснословный образъ, какъ всякое отвлеченіе, созданное ученымъ бредомъ изъ любви къ ученой слѣпотѣ, всѣ эти юридическіе вымыслы должны держать человѣка въ страхѣ.»

«Послѣ этого *становится понятно*, въ какомъ смыслѣ можетъ быть объяснена послѣдовательность судебной логики, откуда идетъ и какое имѣетъ значеніе это служеніе принципу, выраженное въ рѣшеніи изложеннаго нами дѣла.»

«Для тѣхъ же, которые *не поймутъ этого*, есть одинъ отвѣтъ,—именно, что этого *понять* собственно говоря *невозможно*, что какъ всякая темнота не терпитъ разсужденій и духовной зоркости, такъ и юридическая миѳологія также доступна только вѣрующимъ; а тотъ, кто воображаетъ себя умнѣе вѣковъ, кто считаетъ, хотя въ наукѣ, *ползаніе на четверенкахъ не нормальной походкой для человѣка*, тотъ надменный софистъ и плохой юристъ прежде всего.» Последней тирады автора мы совсѣмъ не поняли: разразившись громомъ надъ «умницами, кричащими съ громкимъ паѳосомъ,» г. Жуковскій находитъ послѣ этого *понятнымъ*, въ какомъ смыслѣ можетъ быть объяснена послѣдовательность судебной логики; тѣмъ же, которые *не поймутъ этого*, авторъ отвѣчаетъ, что этого и *понять невозможно* и въ заключеніе прибавляетъ, что тотъ, кто считаетъ ползаніе на четверенкахъ *не нормальной походкой* человѣка, тотъ надменный софистъ!

«Такова идеальная сторона теоріи принциповъ, заключаетъ авторъ. Но какъ всякая сказка имѣетъ свое дѣйствительное основаніе, то и юридическое баснословіе имѣетъ свою реальную почву. Эта реальная сторона лежала неизбѣжно въ общемъ источникѣ, изъ котораго выросло все роскошное дерево права,—человѣкъ *родился съ журавлинымъ желудкомъ и еще болѣе жадными глазами* съ одной стороны, и съ дру-

гой странной способностью совокупляться на производство себя подобныхъ во всякое время года, дня и ночи. Обоотворивъ силы внѣшней природы, человѣкъ обоотворилъ свои собственные страсти, вылилъ ихъ въ логическія отвлеченія, увѣровалъ въ ихъ индивидуальность, — сталъ передъ ними на колѣни и перевязалъ себя собственными выдумками. Въ немъ было такъ много природной трусости и такъ мало ума, что это было вовсе не трудно. Наука довершила остальное. И вотъ теперь, произнося рѣшеніе въ данномъ случаѣ и слыша голосъ совѣсти и правды, онъ прежде всего спрашиваетъ, не оскорбитъ ли этотъ голосъ какую-нибудь изъ его басень, и думая оправдать себя, произноситъ злую сатиру надъ собственными тенденціями, наивно повторяя: *Summum jus summa injuria.*»

Что сказать объ этой статьѣ автора, основывающейся, какъ видно изъ представленнаго содержанія ея, на дѣлѣ Зои Х. . . . , приговоръ, по которому не понравился автору. Не станемъ входить въ разсмотрѣніе, правиленъ-ли этотъ приговоръ, или нѣтъ; допустимъ даже его неправильность; но спросимъ: даетъ-ли одинъ примѣръ право автору порицать не только учрежденіе, гдѣ онъ состоялся, но и самый законъ вообще, науку и весь родъ человѣческой? Кромѣ того примѣръ, выставленный г. Жуковскимъ, вовсе не годится для характеристики адвокатуры, публичнаго суда и учрежденія присяжныхъ: мнѣніе, будто судъ во Франціи основывается на буквѣ закона, совершенно ложно, — и если бы авторъ потрудился просмотрѣть примѣры судебныхъ рѣшеній французскихъ судовъ, прочелъ бы на примѣръ процессы г-жи Жефоссъ, Леоніи Шеро, Анжелины Лемуанъ, Евгенія Мона и др., то долженъ бы былъ согласиться, что если уже поставить себя задачею упрекать въ чемъ нибудь французскій судъ, то скорѣе въ томъ, что иногда приговоры его слишкомъ отступаютъ отъ предписаній закона и слишкомъ основываются на личномъ убѣжденіи судей и присяжныхъ. Далѣе скажемъ, что несправедливость приговора нисколько не доказываетъ еще несправедливости закона, и самая несправедливость того или другаго законодательнаго постановленія не ослабляетъ значенія и

достоинства законодательства вообще и отнюдь не дает повода къ наивному желанію, чтобы дѣло рѣшалось не по закону, а по произволу судей, который долженъ замѣнить собою писанное законодательство.

Вторая статья въ томъ же родѣ. Она начинается нападки на профессоровъ здѣшняго университета, слушателемъ которыхъ былъ г. Жуковскій, при чемъ авторъ не пощадилъ даже имени покойнаго Неволлина, за всю дѣятельность котораго на поприщѣ науки г. Жуковскій удостоилъ его именами сухаго схоластика и компилятора. Перебравъ профессоровъ по одиночкѣ, авторъ говоритъ что вообще факультетъ былъ бѣденъ людьми, что онъ не могъ образовать ученыхъ, знакомыхъ съ отношеніями права къ дѣйствительности, что студентъ, вступавшій на службу, бросалъ прочь свои записки и книги, *въ увѣренности, что у него пропало нѣсколько лѣтъ даромъ на долблю вещей, которыя никогда ему не пригодятся въ жизни.* Отдѣлавъ факультетъ, г. Жуковскій возстаетъ на литературу. Упомянувъ о трудахъ гг. Чичерина, Дмитріева и Никольскаго, г. Жуковскій говоритъ, что этихъ трудовъ было слишкомъ мало, чтобы заподозрить въ авторахъ надежныхъ ученыхъ для дѣльнаго анализа живыхъ отношеній; про г. Энгельмана онъ просто говоритъ: «Богъ съ нимъ». Въ архивѣ литературы, по мнѣнію г. Жуковскаго, мало можно было найти годнаго: всѣ знали, что тамъ ровно ничего нѣтъ, ни фактическаго матеріала, ни мыслей. Про журнальную литературу г. Жуковскій говоритъ, что она, «потерявъ значительный запасъ краснорѣчія и борьбу за свободу конкуренціи, за французскихъ адвокатовъ и англійскихъ торіевъ, удрученная и безъ того тяжестью своего великаго дѣла и своей задачи, — должна была испытать внутри себя неблагоприятный, предательскій удар безотраднaго скептицизма и ѣдкихъ насмѣшекъ: ее освистали». Наконецъ достается отъ автора и спеціальнымъ изданіямъ. Спеціальныя изданія, по мнѣнію его, довольно единообразны, не смотря на различіе своихъ заглавій; всѣ, по смыслу статей своихъ, слѣдуютъ одному строго ученому направленію, какъ по языку и внѣшней формѣ, такъ и по той слѣпой вѣрѣ къ господствующимъ въ наукѣ принци-

памъ и положеніямъ,—словомъ, всё мало держатся реального языка и реального способа изслѣдованія права, и, не вдаваясь ни въ какія попытки критическаго анализа, трудолюбиво продолжаютъ размножать на русскомъ языкѣ многотомную схоластическую эрудицію европейскаго законовѣдѣнія. Словомъ, всё они стараются держаться по возможности дальше отъ жизни и ея непосредственныхъ условій и требованій. Ихъ читать трудно и скучно; они трактуютъ о предметахъ, составляющихъ большею частью ученую роскошь, а не общую необходимость.»

Вотъ мнѣніе г. Жуковскаго о состояніи русской юридической науки. Едва ли авторъ слѣдилъ за нашей литературой, хотя журнальной, потому что всякій, кто хотя бѣгло просматривалъ наши спеціальныя юридическія изданія, кто пробѣжалъ хотя одни заглавія статей, въ нихъ помѣщаемыхъ, согласится, что въ нихъ есть и «реальный способъ изслѣдованія права, и попытки критическаго анализа.»

Покончивъ съ Россіею, авторъ обращается на западъ и громитъ Германію. «Въ золотой Германіи, говоритъ онъ, реальный взглядъ на общественныя отношенія не успѣлъ выработаться въ сознательную теорію, не успѣлъ изгнать изъ ученой работы схоластическихъ сказокъ и наука остается еще пока далеко отъ него,—лучше сказать, что и здѣсь нить этой науки пока.» Разбранивъ ученыхъ гуртомъ и по одиночкѣ, авторъ останавливается на Блунчли и разбираетъ переведенныя въ Юридическихъ запискахъ (т. III. стр. 132—173) двѣ лекціи его о правѣ. Мы не станемъ слѣдить за этимъ разборомъ лекцій Блунчли, отчетъ о которыхъ отданъ нашимъ читателямъ г. Михайловымъ въ рецензіи его на III томъ Юридическихъ записокъ (Ж. М. Ю. ноябрь 1859 г.), укажемъ только главнѣйшія мысли г. Жуковскаго, на основаніи которыхъ онъ разбираетъ Блунчли: *право*, по мнѣнію г. Жуковскаго, есть не болѣе, какъ *мертвое отвлеченіе* одного свойства закона, или общественныхъ отношеній, за которымъ въ законѣ остается еще много другихъ свойствъ, кромѣ свойства справедливости. Формальное отвлеченіе права, произведенное въ формальный ор-

ганизмъ, есть мертворожденное чудовище мысли, созданное ученымъ бредомъ. . . . Понятно послѣ этого, какого мнѣнія авторъ о значеніи философіи права. Конечно, онъ ее ставитъ ни во что и потому искажаетъ и отрицаетъ такія положенія ея, которыя давно стали аксіомами; напр. Блунчли ставитъ въ заслугу римскому законодательству то, что оно отдѣлило право отъ нравственности, а авторъ говоритъ: «смѣемъ думать, что во всякомъ случаѣ лучше, чтобы нравственность касалась законодательства; задача здѣсь въ томъ только, *какова эта нравственность* (?). Неужели же авторъ не понимаетъ всей важности разграниченія понятій о правѣ и нравственности и вліянія такого разграниченія на законодательство и общественныя отношенія? неужели-же авторъ хочетъ, чтобы законодательство вторгалось въ сферу нравственныхъ убѣжденій лицъ, во всѣ проявленія человѣческой дѣятельности, предписывало бы правила для мыслей и каждаго шага человѣка, уничтожило бы его нравственную свободу и сдѣлало его машиною? съ другой стороны, кто хотя нѣсколько занимался юридическою наукою, тотъ понимаетъ, что отдѣленіе понятій о правѣ и нравственности не уничтожаетъ связи между ними и что это отдѣленіе имѣетъ вліяніе на кругъ и объемъ дѣятельности и власти закона, а не на внутреннее качество его предписаній: законъ не можетъ вторгаться въ область нравственности, но не можетъ предписывать безнравственныхъ правилъ.

Блунчли въ концѣ своихъ лекцій выставилъ семь положеній; авторъ взялъ изъ нихъ первое, пятое, шестое и седьмое, (при чемъ послѣднее совершенно исказилъ), не подозревая, что между всѣми ими есть связь, такъ что одно истекаетъ изъ другаго и отдѣльно каждое изъ нихъ не можетъ быть правильно понято,— и опровергаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Блунчли представляетъ результатъ своего изслѣдованія въ слѣдующемъ рядѣ предложеній: 1) всякое право есть нравственный порядокъ живыхъ существъ 5) истинное человѣческое право находится внутри самихъ людей, какъ ихъ (общій) нравственно-физическій порядокъ и. т. д. . . Разбирать эти положенія, говоритъ г. Жуковскій, мы считаемъ совер-

шенно излишнимъ какъ потому, что не видимъ хорошо, откуда они выведены, такъ и потому, что они слишкомъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя Но простимъ Блунчли произвольность его положеній, и спросимъ, поняли ли вы изъ нихъ, читатель, что такое право? Есть люди, впрочемъ, которые все поймутъ, что только напечатано, а особенно въ ученой книгѣ; для нихъ собственно считаемъ не лишнимъ сдѣлать вопросъ: можно ли сдѣлать яснымъ, охарактеризовать сколько нибудь такими положеніями не только право, а самую осязательную общепонятную вещь. Что сказали бы, если бы, напримѣръ, кто нибудь взялся опредѣлить, что такое платье?—и выложилъ бы передъ вами такого рода выводъ:

1) Всякое платье есть приличный порядокъ живыхъ существъ.

2) Истинное человѣческое платье находится внутри самихъ людей, какъ ихъ общій прилично-физическій порядокъ и т. д.

«Можно было въ такомъ духѣ обратиться даже къ исторіи, начать говорить о платьѣ древнихъ на востокѣ, потомъ на западѣ, потомъ перейти къ настоящему узкому нѣмецкому платью и все—таки никто бы не принялъ всего этого за дѣло, хорошо если за шутку только, а не за злое шарлатанство».

«Неужели же въ самомъ дѣлѣ люди, которые допускаютъ въ науку такого рода приемы и опредѣленія, говорятъ серьезно. Какъ легко еще прикрыть нелѣпости ученой формой и заслуживать общее уваженіе тамъ, гдѣ единодушная насмѣшка должна быть единственная вѣрная плата педантству. Мы говоримъ, что довольно фразъ и словоизверженія; что дѣло нужно намъ, результатовъ во что бы то ни стало. Къ какому дѣлу приведутъ насъ такія опредѣленія, и какого дѣла можетъ мы ждать отъ себя, если мы вѣримъ и просвѣщаемся у такихъ наставниковъ?»

«Въ заключеніе, говоритъ авторъ, мы считаемъ себя вправѣ представить, конечно также въ шутку, какъ сдѣлалъ и Блунчли, свой собственный выводъ, совершенно произвольный и ни на

чем не опирающийся: по примѣру ученой Германіи, мы выразимъ его въ заномерованныхъ предложеніяхъ.

1) Всякая наука должна быть прежде всего реальная и вести къ положительнымъ отвѣтамъ на вопросы практической жизни; а все темное, всякая отвлеченная роскошь, начиная отъ цѣлаго парнаса и кончая кабалистическимъ языкомъ, должна быть выброшена на потѣху схоластикамъ.

2) Юридическая наука до сихъ поръ мало помогала вообще практической жизни. Отъ закона она отвлекала одно, мертвое само по себѣ качество его,—качество права, справедливости или правды, и строила изъ этого мертвого качества свой особый міръ, по-неволѣ столь же односторонній, мертвый и несовпадавшій съ жизнью. Съ практической же стороны наука права по этому никогда не вырабатывала ничего новаго въ жизни.

3) Юридическая наука должна исходить отъ какого-нибудь живаго ряда явленій, отъ ряда общественныхъ отношеній или законовъ въ положительномъ смыслѣ, опредѣляющихъ эти отношенія; она *должна потерять исключительный характеръ юридической науки*, выйти изъ этой тѣсной рамки и стать наукой общественной,—наукой законодательства, если она хочетъ 4) цѣль общественнаго порядка—*благосостояніе націй* и т. д.

«Нашу шутку, заключаетъ авторъ, мы считаемъ несравненно выше Блунчли уже потому, что она гораздо утѣшительнѣе (?). Изъ нея намъ не трудно догадаться, что много-томная схоластика Германіи и наша бѣдная юридическая ученость стоятъ одинакими младенцами передъ тѣми требованіями, которыя мы высказали; что, бросивъ органическую школу, вымершіе пандекты, вымершій языкъ и ничего не принесшую схоластику,—мы прямѣ можемъ обратиться къ разностороннему анализу нашихъ собственныхъ отношеній. Тогда мы, можетъ быть, будемъ въ самомъ дѣлѣ въ состояніи отвѣчать на тѣ задачи, къ которымъ зовутъ насъ наши собственныя нужды, замреть порокъ словозверженія и къмъ—то пушен-

ное въ ходъ мнѣніе, будто бы русскій умъ—умъ практическій по преимуществу, получить какое-нибудь оправданіе».

Вотъ результаты, до которыхъ дошелъ г. Жуковский. Онъ упрекаетъ Блунчи въ произвольности его положеній, тогда какъ эти положенія прямо вытекаютъ изъ его изложенія, а собственный выводъ автора, какъ онъ самъ справедливо замѣчаетъ, «совершенно произволенъ, ни на чемъ не опирается» и, дабавимъ, совершенно ложенъ: 1) отвергать въ наукѣ права философскій элементъ, значить лишать ее всякаго разумнаго основанія, уничтожать ее. По понятію автора, право есть только одно изъ *свойствъ* закона, за которымъ остается еще много другихъ; гдѣ же основаніе закона, гдѣ тотъ масштабъ, которымъ опредѣляется его внутренняя сила, его разумное значеніе? Авторъ говоритъ, что *цѣль* закона—*благосостояніе* націи, но не опредѣляетъ этимъ *источника* закона. Если же нѣтъ такого источника, такого твердаго, непреложнаго основанія для закона, то во первыхъ кто можетъ поручиться, что та или другая мѣра дѣйствительно даетъ благосостояніе, во вторыхъ при этомъ всякая законодательная мѣра, хотя бы и несправедливая, вполне бы оправдывала себя своею цѣлю, а мы не думаемъ, чтобы іезуитское правило, что цѣль оправдываетъ средства, могло бы въ настоящее время имѣть право гражданства; наконецъ развѣ понятіе о *благосостояніи* не столь же отвлеченно, какъ понятіе о *правдѣ*, объ *истинѣ*, или наоборотъ развѣ *истина* не столь же реальна, какъ и благосостояніе? 2) Второе положеніе автора, будто юридическая наука до сихъ поръ мало помогала практической жизни,—слишкомъ ложно для того, чтобы заслуживать опроверженія. Не говоря уже о міровыхъ переворотахъ, совершившихся подъ вліяніемъ философіи, часть которой составляетъ философія права, достаточно указать, что цѣлые кодексы составлялись подъ вліяніемъ той или другой теоріи. 3) Мнѣніе, будто юридическая наука должна *исходить* отъ законовъ въ положительномъ смыслѣ, что она должна потерять исключительный характеръ юридической науки и стать наукой общественной, наукой законодательства,—тоже оригинально: законъ положительный могъ бы служить источни-

комъ науки, если бы онъ принадлежалъ къ числу явленій, неминуемо совершающихся по какимъ нибудь вѣчнымъ непреложнымъ законамъ; тогда бы изъ него, какъ изъ проявленія этого вѣчнаго закона, можно было посредствомъ наблюденія вывести общія начала, создать науку, подобно тому, какъ, на примѣръ, физика выводитъ свои законы изъ ряда явленій въ природѣ; но въ законѣ непременно имѣеть мѣсто *произволъ*, а изъ произвольныхъ предписаній нельзя создать науки; напротивъ, наука и именно наука разума—философія должна начертать правила къ ограниченію и разумному направленію этого произвола. . . . Впрочемъ, не зачѣмъ долѣе останавливаться на мнѣніи г. Жуковскаго: вѣдь онъ *шутитъ*. Нельзя однако не замѣтить, что шутка не всегда умѣстна, и особенно въ дѣлѣ науки.

Мы считали нужнымъ остановиться на этихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ одномъ изъ наиболее распространенныхъ въ публикѣ журналовъ, съ цѣлью уяснить, несостоятельность мнѣній и выводовъ автора, которымъ, пожалуй, повѣрятъ на слово лица, не занимающіяся специально наукою права и вслѣдствіе этого получаютъ крайне невѣрное понятіе объ этой наукѣ и состояніи ея въ нашемъ отечествѣ. Въ началѣ нашей статьи мы именно старались указать на недостаточность развитія у насъ философскаго элемента въ наукѣ, а г. Жуковскій противъ философіи права и ратуетъ.

Д. МАМАНТОВЪ.

ОТДѢЛЪ IV.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Двадцатипятилѣтіе Училища Правовѣдѣнія. 5-го декабря 1860 года мы были свидѣтелями праздника, происходившаго въ стѣнахъ императорскаго училища правовѣдѣнія; мы видѣли, какъ бывшіе правовѣды праздновали двадцатипятилѣтіе своего училища. Ко дню торжества собраніе находящихся въ С. Петербургѣ правовѣдовъ увеличилось еще многими изъ ихъ товарищей, прибывшими изъ различныхъ краевъ Россіи съ общою цѣлію принести его императорскому высочеству принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому глубочайшую признательность за всѣ тѣ заботы, которыми онъ, по званію попечителя училища, щедро надѣлялъ ихъ какъ при воспитаніи ихъ въ стѣнахъ училища, такъ и при послѣдующей дѣятельности ихъ на пользу общественную. Правовѣды хотѣли соединиться на этотъ день въ стѣнахъ заведенія, гдѣ всѣ получили воспитаніе и подготовленіе къ общественной дѣятельности, и скрѣпить этимъ свиданіемъ узы товарищескаго союза, тѣсно соединяющаго всѣхъ питомцевъ училища. Многимъ изъ бывшихъ воспитанниковъ не приш-

лось участвовать въ праздникѣ; одни изъ нихъ похищены преждевременною смертію; другіе, за отдаленностію ихъ пребыванія и по другимъ причинамъ, не имѣли возможности пріѣхать въ Петербургъ.

Основаніе императорскаго училища правовѣдѣнія, послѣдовавшее, какъ извѣстно, 5-го декабря 1835 г., удовлетворило одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей своего времени. Дѣйствительно, никогда еще Россія такъ не нуждалась въ специальномъ юридическомъ заведеніи, какъ въ половинѣ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія.

По волѣ государя императора николая I-го въ 1832 г. изданъ былъ первый систематическій сводъ законовъ; вмѣсто безчисленнаго числа указовъ, грамотъ и положеній прежняго времени, явился полный и стройный законодательный сборникъ;—хаосъ, господствовавшій въ законахъ до того времени, вмѣстѣ съ кодификаціей ихъ мало по малу разсѣвался.

Такое преобразование въ законодательствѣ должно было имѣть важныя послѣдствія. Число чиновниковъ, получившихъ высшее юридическое образованіе въ университетахъ, при тогдашнемъ вообще говоря не слишкомъ блестящемъ состояніи нашихъ университетовъ, было крайне незначительно. Притомъ большая часть университетскихъ слушателей, не обязанныхъ службою въ одномъ какомъ-либо вѣдомствѣ, избирала для своей дѣятельности преимущественно педагогическое и административное поприще. На долю судебного вѣдомства выпало поколѣніе чиновниковъ, взросшее на рутинныхъ преданіяхъ стараго времени и совершенно несостоятельное во всѣхъ случаяхъ, когда нужно было правильно и научнымъ образомъ примѣнять кодифицированные законы.

Притомъ сводъ 1832 г. и полное собраніе законовъ далеко не были еще трудами окончательными; изъ этихъ сборниковъ должны были со временемъ развиться и возникнуть новыя своды, уложенія и проч. Для сего нужна была правильная практическая разработка изданнаго свода, сознательное и добросовѣстное примѣненіе юридическихъ началъ къ судебной практикѣ.

Поэтому необходимость въ новыхъ честныхъ и просвѣщенныхъ дѣтеляхъ, которые вступили бы на судебное поприще, проникнутые вполнѣ сознаниемъ своего долга и святою служенія правдѣ, дѣлалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ошутительною.

Въ это время, по мысли и предназначеніямъ его императорскаго высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, возникло императорское училище правовѣдѣнія, основанное съ цѣлю приготовления молодыхъ людей для служебной дѣятельности—преимущественно на судебномъ поприщѣ.

Въ истекшую четверть вѣка въ училищѣ правовѣдѣнія образовалось 550 человѣкъ, которые всѣ поступили на службу по вѣдомству министерства юстиціи. Изъ нихъ, за исключеніемъ умершихъ и вышедшихъ въ отставку, осталось на службѣ по судебному вѣдомству до 300 человѣкъ, остальные 100 человѣкъ занимаютъ разныя должности по прочимъ вѣдомствамъ государственнаго управленія.

Неумѣстно и преждевременно было бы произносить здѣсь приговоръ о 25 лѣтней дѣятельности училища правовѣдѣнія, и разрѣшать вопросъ, въ какой мѣрѣ оно удовлетворило надеждамъ и ожиданіямъ, возбужденнымъ при его основаніи. Но каковъ бы ни былъ этотъ приговоръ въ будущемъ, уже теперь можетъ быть признано за несомнѣнное, что училище правовѣдѣнія принесло свою лепту на общую пользу и что поколѣніе выпущенныхъ на службу воспитанниковъ училища правовѣдѣнія не было бесполезно для дальнѣйшаго развитія нашего отечества.

Не смотря на то, что бывшіе правовѣды разбросаны на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности и по разнымъ концамъ Россіи, училище соединяетъ всѣхъ ихъ сильною правдивою связью. Характеристическая особенность училища правовѣдѣнія именно заключается въ томъ, что воспитаніе въ семь заведеніи не есть для большей части воспитанниковъ случайнымъ событіемъ въ жизни, а оказываетъ вліяніе на всю

дальнѣйшую ихъ дѣятельность, связывая ихъ между собою и соединяя одними общими нравственными убѣждениями.

Единодушіе и согласіе, одушевляющія бывшихъ воспитанниковъ училища правовѣднія, отразились при празднованіи 25-ти лѣтняго юбилея училища, и придали этому дню характеръ семейнаго праздника, радушіе и искренность котораго произвели самое отрадное впечатлѣніе на всѣхъ участвовавшихъ въ торжествѣ.

Къ 5-му декабря, т. е. къ дню праздника, бывшіе воспитанники училища собрались въ Петербургъ изъ разныхъ, даже весьма отдаленныхъ городовъ Россіи; тѣ же, которые не могли пріѣхать, прислали поздравительныя депеши.

Утро 5 декабря было предназначено для празднованія юбилея Училищемъ въ полномъ его составѣ и бывшими воспитанниками, а время обѣда и вечеръ предположено провести исключительно въ семейномъ кругу,—среди наставниковъ и товарищей.

Въ 9 часовъ утра начали съѣзжаться въ училище лица, приглашенныя начальствомъ училища къ литургіи и молебствію, а въ 10 часовъ прибылъ въ училище его императорское высочество принцъ Ольденбургскій съ своими сыновьями и былъ встрѣченъ его императорскимъ высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ и Великою Княгинею Александрою Петровною, директоромъ училища А. П. Языковымъ и другими лицами.

Затѣмъ бывшіе воспитанники поднесли его высочеству альбомъ фотографическихъ портретовъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ наукъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣднія съ 1840 года (годъ перваго выпуска) по 1861 годъ (*).

(*) Верхняя и нижняя доски переплета альбома изъ мрамора Porto-vepеге, чернаго съ желтыми жилками. Доски эти, каждая въ 10-ть вершковъ длины и 7 ширины, оправлены въ серебро, покрытое разноцвѣтною позолотою. Рисунокъ, во вкусѣ эпохи возрожденія, сочиненъ придворнымъ фабрикантомъ Сазиковымъ и исполненъ на его фабрикѣ. Средину верхней доски занимаетъ гербъ Его Императорскаго Высочества, принца Петра Георг-

При этомъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ, Н. И. Стояновскій (2 выпуска), отъ имени всѣхъ своихъ товарищей сказалъ:

«Ваше Императорское Высочество!»

«Пятаго декабря 1835 г. въ первый разъ собрались въ стѣнахъ основаннаго Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ училища правовѣдѣнія, отроки дѣти, чуждые другъ другу. Они привѣтствовали Васъ какъ своего начальника, съ грустью вспоминая объ оставленномъ ими родительскомъ кровѣ, но вскорѣ убѣдились, что каждый изъ нихъ, въ Высокомъ Попечителѣ училища, имѣетъ нѣжнаго отца. Юныя сердца отвѣтили любовью на отеческую любовь Вашего Высочества. Этимъ общимъ чувствомъ положено основаніе дружеской связи питомцевъ училища. Единство направленія и цѣли скрѣпило эту связь, а испытанія, встрѣченныя первыми правовѣдами за порогомъ училища, утвердили ее на долгое время. На необходимость тѣсной связи Ваше Императорское Высочество указывали намъ, напутствуя насъ въ жизнь. Вами она создана, Вами поддерживалась въ училищѣ и внѣ его. Безъ нея одинокія усилія отдѣльныхъ лицъ не имѣли бы значенія, и въ питомцахъ Вашихъ правосудіе не могло бы найти новой твердой опоры.

«Не намъ оцѣнивать государственныя заслуги Вашего Им-

гевича Ольденбургскаго, чеканной рельефной работы. Щитъ герба и корона эмалевые. Надъ гербомъ (между орнаментами, которыми соединяются четыре медальона, находящіеся по угламъ доски) небольшая медаль, съ рельефно-выгравированною надписью: *Respicimus finem*. Въ медальонахъ слова: въ первомъ *Пятое*, во второмъ: *Декабри*, въ двухъ остальныхъ *1835 г.* и *1860 г.* Подъ гербомъ Его Высочества золотая колонна, на которой, ближе къ верху, на особомъ, поперекъ колонны, щитѣ надпись: *законъ*, а на верху колонны Императорская Корона. Съ обѣихъ сторонъ колонны сыплются зрѣлые плоды. Подъ колонною, въ продолговатомъ четырехугольникѣ, связанномъ орнаментами съ двумя нижними медальонами, надпись: «Основателю и Попечителю Императорскаго Училища Правовѣдѣнія».

Въ самомъ альбомѣ, 32 полулиста и на каждой сторонѣ полулиста восемь овальныхъ медальоновъ. Портреты подобраны по выпускамъ, а въ каждомъ выпускѣ по порядку номеровъ памятной книжки училища. Къ 5-му декабрю не могли быть собраны портреты всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ и по этому альбомъ устроенъ такъ, что портреты въ случаѣ надобности могутъ быть вынуты, для прибавленія новыхъ портретовъ. 5-го декабря въ альбомѣ было 320 портретовъ.

ператорскаго Высочества, но право благодарить неотъемлемо принадлежит намъ, и въ настоящій день да будетъ намъ дозволено хотя малое выраженіе нашей безграничной благодарности за двадцати-пятилѣтнія, исполненныя самоотверженія, попеченія Вашего Высочества о нашемъ благѣ.

«Въ память этого дня, мы собираемъ небольшой капиталъ для раздачи въ видѣ премій, за лучшія практическія сочиненія по русскому гражданскому и уголовному праву, и составили альбомъ портретовъ воспитанниковъ, выпущенныхъ изъ училища съ 1840 по 1861 годъ. Мы сочтемъ себя счастливыми, если Ваше Императорское Высочество позволите украсить преміи Вашимъ, дорогимъ для насъ, Именемъ, и благоволите принять это собраніе портретовъ, какъ видимый знакъ того, что бывшіе воспитанники училища составляютъ одну, нераздѣльную семью, соединенную общимъ чувствомъ признательности къ Вашему Императорскому Высочеству, воспоминаніями о времени, проведенномъ въ училищѣ, единствомъ мыслей и глубокимъ сознаніемъ гибельныхъ послѣдствій разединенія».

Ваше высочество обнялъ говорившаго и благосклонно принялъ поднесенный ему альбомъ.

Затѣмъ всѣ отправились въ церковь училища, куда къ этому времени прибыли г. управляющій министерствомъ юстиціи и другія лица.

Литургію совершалъ протоіерей М. И. Богословскій, въ томъ самомъ облаченіи, въ которомъ совершено было первое священнодѣйствіе 25 лѣтъ тому назадъ. За литургіею произнесено отцомъ Михаиломъ слѣдующее слово:

«Благодареніе Богу Промыслителю! Четверть столѣтія Онъ хранилъ здѣшній разсадникъ служителей правды, видимымъ образомъ благословилъ плодотворную мысль его, Насадителя, и, значить, Его усердное приношеніе Государю и Отечеству принялъ въ *вою благоуханія, въ жертву пріятную, благоуходную Себѣ* (Фил. 4, 18).

«Каждый годъ въ настоящій день возсылая благодареніе Богу коленнопреклонными мольбами, нынѣ мы усугубляемъ

торжество. И вотъ, изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ собрались сюда тѣ, которыхъ я видѣлъ, можно сказать, птенцами, вылетающими въ міръ Божій изъ этого *гнезда*, положеннаго у алтаря Твоего, Господи силъ! Они не всѣ: многіе отлетѣли уже въ высшій міръ. Но обо всѣхъ, которые здѣсь, можно сказать, что ихъ жизнь проходитъ не даромъ. Нѣкоторые уже успѣли понести сердечныя потери; большая часть возмужали и по тѣлу и по духу, и дѣломъ доказали, что они мыслили, трудились, жили для Отечества; и самые юнѣйшіе изъ нихъ подають прекрасныя надежды.

«И такъ не благовременно ли теперь повторить тѣ благословія, которыя нѣкогда, въ стѣнахъ этого святилища, отъ лица Богомъ любимаго Отечества обѣщаны были за любовь къ правдѣ, за преданность къ Престолу, за сердечную привязанность къ русскому народу? (*) Не удержусь, чтобы снова не произнести ихъ словами Патриарха Іакова:

Сынъ возвращенъ Іосифъ, сынъ возвращенъ мой ревностный, сынъ мой юнѣйшій ко мнѣ обратися. На негоже соопыюще укоряху, и наляцаху на нь господіе стрѣляній. И сопроиася съ крѣпостію луки ихъ, и разслабша жилы мышцей рукъ ихъ, рукою Сильнаго Іаковлева: оттуду укрѣпися Израиль отъ Бога отца твоего. И помозже тебѣ Богъ мой: и благослови тя благословіемъ небеснымъ свыше, и благословіемъ земли и мущія вся . . . Благословія отца твоего и матере твоея преодолиша паче благословія горъ древетныхъ и благословія холмовъ вѣчныхъ. Да приидуть оны на главу Іосифа и на чело избраннаго между братіями! (Быт. 49, 22—26).

«Но не рано ли мы собрались праздновать совершеннолѣтіе здѣшняго учрежденія? Возрасты жизни естественной опредѣляются седминами лѣтъ: между тѣмъ возрасты жизни общественной обновляются въ предѣлахъ семи седмины лѣтъ. И рече Господь къ Моисею: . . . исчислиши себѣ семь лѣтъ

(*) Въ рѣчи, говореной 28 апрѣля 1845 года.

субботнихъ, семь лѣтъ седмижды: и будутъ тебѣ семь седмиць лѣтъ, четыредесять девять лѣтъ. И освятите пятьдесятое лѣто, и разласите оставленіе на землѣ всѣмъ живущимъ на ней: это юбилей да будетъ у васъ. (Лев. 25, 1. 8. 10).

«Для здѣшняго училища не совершился еще этотъ періодъ времени, за который можно бы начертать объ немъ вѣрный приговоръ на скрижаляхъ бытописанія: мы только преполовляемъ юбилей. Мы, подобно путнику, для котораго стала ощутительною продолжительность пути, на серединѣ дороги взошли на холмъ, чтобы посмотрѣть, что еще видѣется вдаль? и между прочимъ кинуть взоръ и назадъ, чтобы видѣть, то ли мы взяли направленіе, и что оставили за собою? Одинъ Богъ знаетъ, многіе ли изъ насъ дойдутъ до конца. *Житіе наше есть скоряе бесѣды.* (Іов. 7, 6.).

«Но и въ пройденный нами двадцатипятилѣтній періодъ времени могли совершиться большія перемѣны. Раскрываю опять книгу священныхъ бытописаній, и нахожу, что въ продолженіи половины самаго перваго юбилейнаго періода произошло слѣдующее: *И скончася Іисусъ, сынъ Навинъ, рабъ Господень, . . . и весь родъ оный приложися ко отцемъ своимъ; и воста родъ другій по силѣ, иже не познаша Господа, и дѣла, еже сотвори во Израили: и сотвориша сынове Израилевы злое предъ Господемъ, . . . и поидоша въ слѣдъ боговъ иныхъ, отъ боговъ языческихъ, иже окрестъ ихъ, и поклонися имъ, и разнѣваша Господа. (Суд. 2, 8. 10—12).*

«Можетъ быть, кому нибудь представится неумѣстнымъ, что, въ настоящій день праздника, я думаю остановить вниманіе на грустной картинѣ изъ древняго быта Еврейскаго народа,—и страннымъ, что хочу, въ наши времена, озаботить соучастниковъ празднества опасеніемъ заразы идолопоклонства.

«Конечно, не весь тотъ родъ отошелъ къ отцамъ своимъ, который слышалъ, какъ новооткрытому учрежденію нашему

устами священнопроповѣдника передъ лицомъ Господа, невидимо возсѣдающаго на семь престолѣ, высказана была его *цѣль*: «не по однимъ зыбкимъ умозрѣніямъ, не подъ иноземнымъ вліяніемъ, но въ духѣ отечественной вѣры, изъ среды сыновъ Россіи образовать достойныхъ служителей правосудія, съ основательными познаніями отечественныхъ законовъ, съ очищенными и возвышенными понятіями о важности своего долга» (*). И еще живы свидѣтели того, какъ доблестный основатель училища, въ твердомъ *убѣжденіи*, «что всѣ общепользныя учрежденія достигаютъ цѣлей своихъ только тогда, когда освящаются религіею» (**), собиравшемуся для воспитанія юношеству съ особенною заботливостію выискиваль руководителей, «проникнутыхъ духомъ живой вѣры», и денно и ношно наблюдалъ, чтобы между дѣтьми водворяема была богобоязненность, соблюдаема была чистота нравственности, и внушаема была имъ благородная скромность. И Самъ Онъ, Богомъ хранимый, предстоить на молитвѣ теперь среди васъ, сыны, взращенные Его попеченіями, и вмѣстѣ сотрудники, ревностно выполняющіе возвышенныя Его намѣренія, направленные ко благу Отечества! Но все же настоящее поколѣніе, по закону естества, должно будетъ очистить мѣсто свое новому; между тѣмъ какъ чистыя и возвышенныя намѣренія не должны умирать. И, вотъ мы, стоящіе на стражѣ времени, чтобы наблюдать теченіе судебъ Божіихъ, какъ воины при смѣнѣ, должны передать наступающему поколѣнію, чему были свидѣтелями сами, и что приняли, какъ залогъ благоденствія для нашего Отечества, между прочимъ и духъ, и самый способъ приготовленія служителей правды, увѣнчанный успѣхомъ и благословенный Богомъ. Это тѣмъ болѣе необходимо въ настоящее время, когда вихрь самочинія и необузданнаго самоугожденія закру-

(*) Изъ рѣчи, говоренной при освященіи храма во вновь учрежденномъ Императорскомъ Училищѣ Правовѣднія, 23 ноября 1835 г., Придворнымъ Протоіреемъ Василіемъ Бажановымъ.

(**) Оттуда же.

жилъ на западѣ, смутилъ землю, опровергъ престолы, и въ самыхъ основаніяхъ зыблетъ вѣковыя зданія законности.

«Знаю и то, что, при повсемѣстной вѣрѣ во единого истиннаго Бога Вседержителя, нѣтъ повода опасаться, что наши юноши, отдалившись отъ этого храма, оставятъ Господа, и изберутъ служеніе Вааламъ и Астартамъ. (Суд. 2, 13.) Но хотя и нѣтъ у насъ грубыхъ, недвижимыхъ идоловъ; за то множество разноситя воображаемыхъ, летучихъ идей, которымъ поклоняется вѣкъ, и которыя впрочемъ столько же можно называть идеями, сколько идолы богами. Всякую новоизобрѣтенную мысль, тѣнитъ ли она только праздное любопытство, или идетъ противъ дознанной истины, оправдываетъ неистовство страстей, волнуется общественную жизнь, покушается, заодно съ силами ада, одолѣть Церкви Христовой, настоящій вѣкъ величаетъ идею. Онъ плѣняется ею, если еще она имѣетъ только прелесть новости; но если уже она развязываетъ узы приличія, дѣлаетъ неощутительными упреки совѣсти, и заставляетъ забывать будущую отвѣтственность на страшномъ судѣ Христовомъ, то онъ хвалится ею, распространяетъ молву о ней, и, подъ именемъ общаго мнѣнія, или убѣжденія, силится поставить ее на мѣсто закона и вѣры.

«Идолы, по словамъ псаломѣвца, они илмутъ и не узрятъ, уши илмутъ и не услышатъ, поздри илмутъ и не обояютъ, носъ илмутъ и не ходятъ (Пс. 113, 13—15). Тоже самое можно видѣть и на проповѣдникахъ и представителяхъ тѣхъ лжеименныхъ идей. Зорко подмѣчаютъ недостатки въ ближнихъ и ошибки лицъ Правительственныхъ: но не умѣютъ разсмотрѣть свѣтлыхъ сторонъ въ лучшей части челоувѣчества, и не въ состояніи отыскать достойное уваженія у высшихъ себя. Во всей тонкости оцѣниваютъ искусство пѣвцовъ сладострастія, умѣютъ отличить обидное для нихъ повышеніе чьего-бы то ни было голоса, находятъ особенное удовольствіе прислушиваться къ ропоту, къ воплямъ недовольныхъ: но глухи къ имени Христову, произносимому устами

нищато, невнимательны къ словамъ Евангельской проповѣди, не могутъ разслышать гласа судовъ Божіихъ, гремящаго въ событіяхъ міра. Откуда бы ни доносился смрадъ сластолюбивой жизни, чутьемъ коршуна обоняють его, и летять туда, гдѣ пируетъ пресыщеніе и неистовствуетъ сладострастіе: но неспособны обонять благоуханіе чистоты, умѣренности, скромности, и даже понятія не имѣють, что отъ душъ истинно благочестивыхъ вѣетъ благодатью и любовью. Недовольные ничѣмъ вокругъ себя, будучи постоянно въ тревожномъ ожиданіи чего-то неизвѣданнаго, спѣшатъ, бѣгутъ съ воплемъ: «впередъ! впередъ!». . . . Куда? . . . Стрѣла, пущенная вверхъ безъ цѣли, обратно падаетъ. Пловецъ въ морѣ, не знающій пристани, во время бури гибнетъ. Звѣзда, сорвавшаяся съ своего пути, летитъ, летитъ, летитъ, и тонетъ въ пространствахъ мірозданія. . . . Безпокойное твореніе! куда тебѣ уйти отъ Духа твоего Зиждителя? куда бѣжать отъ лица Всевидящаго? Взойди на небо,—Онъ тамъ! Пади въ преисподнюю,—Онъ тамъ! На крыльяхъ зари унесись въ отдаленнѣйшіе предѣлы моря,—и тамъ рука Его остановитъ тебя! (Пс. 138, 7—10). Осмотрись! ты окруженъ Его всевѣднїемъ; всѣ выходы тебѣ къ безцѣльному стремленію заграждены Его всемогуществомъ. Онъ поставилъ тебя въ прекрасномъ мірѣ Своемъ, оградилъ тебя Своимъ промышленіемъ, снабдилъ дарами благодати, и поручилъ тебѣ дѣло твоего спасенія, указавши тебѣ опредѣленный образъ дѣйствованія въ откровенномъ словѣ Своемъ: а ты, какъ лѣнивый и своевольный рабъ, бѣжишь отъ дѣла съ воплемъ: «впередъ! впередъ!» Неужели ты не замѣчаешь, что не дѣлаешь ни шагу на пути нравственнаго самоусовершенствованія? Ты неподвиженъ, какъ мертвый идоль; или нѣтъ! ты шатаешься, и падаешь низко, очень низко! . . . Воля твоя рвется,—и сбрасываетъ тебя съ царственнаго пути добродѣтели; ты гонишься за счастьемъ,—оно не дается; изготавилъ ты всѣ средства къ удобствамъ жизни,—и все тебѣ тѣсно. И все отъ того, что лжеименныя идеи, которымъ служатъ люди, угождающіе духу времени, сами по себѣ, какъ вымыслы празднаго ума, пу-

сты, безсильны. Раждаются, если не самослучайно, то въ слѣдствіе ожиданія личныхъ выгодъ, неподвижныхъ основъ не имѣютъ, мелькаютъ какъ блудящіе огни, падаютъ какъ воспламенившіеся метеоры! Собственно называемыя идеи—это отраженія вѣчной Истины въ умахъ чистыхъ, это лучи, истекающіе отъ самосущей Премудрости, и никогда не отторгающіеся отъ своего Солнца. *Отъ тѣхъ премудрыхъ и разумныхъ, которые хотятъ мудрствовать намѣ, еже подобаетъ мудрствовать* (Рим. 12, 3), они *утаены*, и скорѣе *открываются* младенчески вѣрующимъ душамъ, при свѣтѣ слова Божія. (Лук. 10, 21.)

«Итакъ на будущее время, полезно имѣть въ виду: не увлекаться безцѣльными движеніями, которыя всякое доброе учрежденіе способны отдалить отъ Божественныя вѣры и отъ непреложныхъ законовъ истины, но, безпрестанно взирая на предположенную цѣль, прививать, посредствомъ воспитанія, духъ благочестія и постоянства служителямъ и ревнителямъ правды. Это было положено въ основаніе воспитанію при самомъ началѣ здѣшняго Учрежденія: тоже, въ качествѣ завѣта, мы обязаны передать и послѣдующему поколѣнію.

«Послѣ всего этого, самое зданіе Училища, со святымъ храмомъ его, представляется мнѣ подобнымъ тому памятнику, который воздвигнуть былъ въ Галаадѣ, и о которомъ Лаванъ, вступившій въ завѣтъ мира съ Іаковомъ, сказалъ: *се холмъ сей свидѣтель и столпъ сей, яко азъ не преиду къ тебѣ, ниже ты да преидеши ко мнѣ холма сего и столпа сего со злобою.* (Быт. 31, 51. 52.) Здѣсь грань соединенія у поколѣній прошедшихъ и будущихъ. Поколѣніе позднѣйшее ни въ чемъ не будетъ порицать прежнее; и старшіе братья подадутъ руки, въ знакъ своего сочувствія, младшимъ. Являясь на молитву здѣсь, гдѣ произносили первую клятву вѣрности Престолу и Отечеству, особенно въ присутствіи почитаемаго всѣми Основателя сего училища, и тѣ и другіе должны чувствовать, что нераздѣльно принадлежать одной семьѣ.

«Возлюбленные! мнѣ остается теперъ напомнить новую заповѣдь Господа нашего Іисуса Христа. *О семь*, сказалъ Онъ,

разумеютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. (Иоан. 13, 35.) Любовь не умираетъ; любви николиже отпадаетъ. (1 Кор. 13, 8.) Царствуй она здѣсь, разливайся отсюда на служителей правды: вы будете крѣпкою опорою Царю, котораго престолъ утверждается на правдѣ Аминь».

По окончаніи молебствія, Ихъ Императорскія Высочества: Государь Великій Князь Николай Николаевичъ и Супруга Его изволили оставить училище, а Его Императорское Высочество Попечитель училища, Ихъ Высочества Принцы Ольденбургскіе, г. управляющій министерствомъ юстиціи и прочія лица отправились въ залу и комнаты младшаго курса и присутствовали при завтракѣ воспитанниковъ.

По провозглашеніи тоста за здоровье ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, настоящіе и бывшіе воспитанники пропѣли гимнъ: «Боже Царя храни», а послѣ тоста за здоровье Его Императорскаго Высочества, встрѣченнаго единодушными, восторженными криками, г. управляющій министерствомъ юстиціи, съ соизволенія Его Высочества, прочелъ Высочайшій рескриптъ, полученный въ этотъ день Его Императорскимъ Высочествомъ:

Ваше Императорское Высочество!

«Имѣвъ случай, во время присутствованія въ Правительствующемъ Сенатѣ, близко ознакомиться съ порядкомъ и ходомъ гражданскаго дѣлопроизводства, Ваше Императорское Высочество, въ постоянно отличающихъ васъ чувствахъ душевной привязанности къ отечеству и стремленія къ его благу, повергли, въ 1835 г., на воззрѣніе въ Божѣ почивающаго Родителя МОЕГО мысль вашу о необходимости улучшить личный составъ канцеляріи судебныхъ мѣстъ и о пользѣ, какую могло бы принести учрежденіе для этой цѣли особаго Училища Правовѣдѣнія. При этомъ вы изъявили, достойную васъ, готовность пожертвовать, на пріобрѣтеніе дома для такого заведенія и на первоначальное его устройство, часть вашего достоянія. Блаженныя памяти Родитель МОЙ, столь глубоко сочувствовавшій всякому бла-

гому стремленію, вполне оцѣнилъ возвышенную цѣль мысли вашей, и, принимая ее, тогда же выразилъ увѣренность, что вы не пощадите трудовъ своихъ на дальнѣйшее преуспѣяніе этого благаго дѣла, и попечительною своею доведете и кругъ ученія, и порядокъ нравственнаго воспитанія въ предполагаемомъ заведеніи, до той степени совершенства, какая ему вами была предназначена.

«Нынѣ исполнилось 25 лѣтъ съ того дня, какъ, въ присутствіи Родителя МОЕГО и МОЕМЪ, открыто самое Училище, по плану вашему и съ значительнымъ отъ васъ пожертвованіемъ учрежденное.

«Во весь этотъ длинный періодъ времени Ваше Императорское Высочество, не смотря на постепенно увеличивавшійся кругъ многосложной государственной дѣятельности вашей, не преставали, по званію Попечителя Училища, съ теплою любовію слѣдить за воспитаніемъ въ немъ юношества и неуспынными отеческими заботами вашими, содѣлали заведеніе это разсадникомъ просвѣщенныхъ, добросовѣстныхъ и надежныхъ слугъ Престолу и Отечеству. Питомцы Училища, тѣсно связанные между собою однодушнымъ стремленіемъ къ неуклонному исполненію своего долга, являются полезными дѣятелями, не только по судебному вѣдомству, но и по другимъ частямъ государственной службы.

«Мысль Вашего Императорскаго Высочества и увѣренность въ Божѣ Почивающаго ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го вполне оправдались.

«Высоко цѣня заслуги ваши на пользу любезной МНѢ Россіи, считаю пріятною обязанностію принести вамъ, въ настоящій день, предъ лицомъ ея, душевную МОЮ признательность за неизмѣнную двадцатипятилѣтнюю заботливость и неуспынные попеченія объ основанномъ вами ИМПЕРАТОРСКОМЪ Училищѣ Правовѣдѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаю выразить Вашему Императорскому Высочеству особое личное МОЕ къ вамъ уваженіе и увѣренность, что подъ благотворнымъ вашимъ вліяніемъ заведеніе это и впредь останется столь же вѣрнымъ сво-

ему назначенію. Пребываю къ вамъ (на подлинномъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано): *искренно вась любящій и уважающій «АЛЕКСАНДРЪ»*.

Около половины втораго Его Императорское Высочество оставилъ училище, а вслѣдъ затѣмъ разѣхались и всѣ бывшіе на утреннемъ праздникѣ. Залы училища опустѣли, по не на долго.

Съ 5-ти часовъ пополудни начали собираться въ училищѣ бывшіе воспитанники, а въ 3½ начали пріѣзжать лица, приглашенные къ обѣду.

Обѣденный столъ былъ накрытъ въ двухъ залахъ (младшаго и старшаго курса), убранныхъ краснымъ сукномъ. Портреты: ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Александра Николаевича, въ Бозѣ почивающаго ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го и Его Императорскаго Высочества были окружены деревьями и цвѣтами, а мраморная доска, въ память открытія училища, и доски, на которыхъ написаны имена воспитанниковъ, получившихъ первую золотую медаль, были обвиты гирляндами цвѣтовъ; въ комнатахъ II-го и V-го классовъ помѣщались два хора музыкантовъ.

Въ 6 часовъ Его Высочество, встрѣченный распорядителями, изволилъ пройти къ столу чрезъ обѣ залы, мимо присутствовавшихъ.

Предъ началомъ обѣда бывшіе воспитанники пропѣли хоромъ молитву, подобно тому, какъ дѣлали это въ училищѣ. Затѣмъ всѣ сѣли (*).

Въ половинѣ обѣда Его Императорское Высочество провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора и всего Августѣйшаго дома, на который присутствовавшіе отвѣчали

(*) За столомъ сидѣло 351 лицо: Его Высочество съ двумя сыновьями, 77 бывшихъ и настоящихъ чиновъ Училища, 16 воспитанниковъ и 233 правящевдовъ; именно: перваго выпуска (1840 г.) 3, втораго 11, третьяго 5, четвертаго 9, пятаго 10, шестаго 9, седьмаго 10, восьмаго 14, девятаго 7, десятаго 16, одинадцатаго (1850 г.) 12, двѣнадцатаго 7, тринадцатаго 15, четырнадцатаго 14, пятнадцатаго 8, шестнадцатаго 13, семнадцатаго 15, восемнадцатаго 18, девятнадцатаго 16, двадцатаго 26 и двадцать перваго (1860 г.) 17.

единодушнымъ крикомъ ура! а оркестръ съигралъ гимнь «Боже Царя храни».

Когда утихли клики, П. А. Зубовъ (2 выпуска) обратился къ Главѣ училища съ слѣдующими словами:

Ваше Императорское Высочество!

«Въ день перваго выпуска изъ училища, обратясь къ четырнадцати молодымъ людямъ, окончившимъ тогда курсъ, Ваше Высочество изволили сказать имъ:

«День сей для меня и радостенъ и горестенъ. Радостенъ тѣмъ, что Богъ сподобилъ насъ представить на службу первый выпускъ изъ нашего заведенія; горестенъ же, какъ день прощанья, ибо я не буду болѣе видѣть васъ вблизи.

«Глубоко врэзались въ сердца всѣхъ присутствовавшихъ сіи многознаменательныя слова, какъ несомнѣнное выраженіе отеческой, заботливой любви Вашей къ питомцамъ училища. И вотъ насталъ день, когда всѣ мы, уже не въ числѣ только 14 юношей, а въ огромной семьѣ, собрались здѣсь по призыву одной мысли, одного чувства, одной потребности сердца: принести Вашему Императорскому Высочеству глубочайшую признательность нашу за всѣ тѣ заботы, которыми Вы щедро надѣяли насъ, какъ при воспитаніи нашемъ въ стѣнахъ училища, такъ и при послѣдующей нашей дѣятельности на пользу общественную. Заботы Вашего Высочества о благѣ и преуспѣяніи основаннаго и управляемаго Вами заведенія обратили на себя высокое вниманіе и Августѣйшаго Монарха, Всемилостивѣйшаго Государа Нашего. Сегодня утромъ мы слышали драгоценныя для всѣхъ насъ слова Его Императорскаго Величества, что питомцы училища, тѣсно связанные между собою единодушнымъ стремленіемъ къ неуклонному исполненію своего долга, являются полезными дѣятелями на служебномъ поприщѣ.

«И такъ, что сказать о настоящемъ днѣ, какъ не то, что онъ преисполненъ для всѣхъ насъ великой, непритворной радости! Онъ радостенъ тѣмъ, что сегодня исполнилось 25 лѣтъ существованія нашего училища, онъ радостенъ и тѣмъ, что

всѣ мы находимся вблизи Васъ и всѣ единодушно молимъ о драгоцѣнномъ здоровьѣ Вашего Императорскаго Высочества, какъ вѣрно въ ручательствѣ за дальнѣйшее процвѣтаніе училища.

Господа! я предлагаю тостъ за здоровье Его Императорскаго Высочества».

Послѣ этого тоста, радостно принятаго всѣми бывшими на обѣдѣ, Его Высочество поднялся съ своего мѣста.

«Господа! сказалъ Онъ, когда 25 лѣтъ тому назадъ блаженныя памяти Государю Императору Николаю Павловичу благоугодно было назначить меня Попечителемъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, я принялъ сію, столь-же лестную, какъ и трудную должность, съ вѣрноподданническимъ чувствомъ и пламеннымъ усердіемъ, но мысль,—будетъ ли достигнута цѣль заведенія,—меня беспокоила.

«Богъ благословилъ посильные труды мои, и я сегодня, съ душевнымъ утѣшеніемъ являюсь среди васъ, которыхъ я принялъ какъ отроковъ и дѣтей, а теперь вижу какъ слугъ царскихъ, собравшихся въ большомъ числѣ со всѣхъ концовъ Россіи!—

«Многіе изъ васъ занимаютъ высшія должности и сдѣлались счастливыми отцами семействъ; нѣкоторые уже ввѣрили намъ своихъ дѣтей, а всѣ вы имѣли случай доказать вашу непоколебимую преданность къ Престолу и сознаніе святости долга, при неукоризненной честности и взаимной любви. Мнѣ остается лишь съ сердечнымъ умиленіемъ благодарить Бога, что сподобилъ меня дожить до сего дня, одного изъ счастливѣйшихъ моей жизни, и изъявить душевную мою признательность всѣмъ моимъ почтеннымъ сослуживцамъ, какъ бывшимъ, такъ и настоящимъ, за ихъ добросовѣстные труды, а любезнымъ моимъ воспитанникамъ за ихъ всегдашнее ко мнѣ довѣріе и расположеніе, и за сохраненіе тѣхъ правилъ добра, внушеніе которыхъ было цѣлю моей жизни.

«Да послѣдуетъ юное поколѣніе, теперь воспитывающееся, достойному примѣру старшихъ своихъ предшественниковъ, и да процвѣтаетъ Императорское училище правовѣдѣнія—еще

надолго, подъ сѣнію возлюбленнаго нашего Государя, на пользу Россіи! Отъ всей души предлагаю тостъ за здоровье всѣхъ воспитанниковъ».

Затѣмъ П. А. Зубовымъ былъ провозглашенъ тостъ за здоровье Семейства Его Императорскаго Высочества, всегда оказывавшаго благосклонное вниманіе къ воспитанникамъ училища.

Когда радостные возгласы, послѣдовавшіе за этимъ тостомъ, нѣсколько смолкли, К. П. Побѣдоносцевъ (7 выпуска) сказалъ:

«Когда взрослый человѣкъ, проживъ на чужбинѣ добрую часть молодости, испытавъ ея страстную борьбу, ея горе и наслажденіе, оставивъ на большихъ и малыхъ дорогахъ жизни, въ блестящей грязи ея долинъ и на сухихъ ея вершинахъ, многое изъ того запаса, который взялъ съ собою въ путь, — послѣ многихъ лѣтъ возвращается въ тотъ домъ, гдѣ прошло его дѣтство, — на него нападаетъ чувство грусти, смѣшанной съ радостью. Радость о томъ, что хоть на минуту эти старыя стѣны будто ожили вокругъ него и пробудили въ немъ что-то похожее на свѣжесть дѣтскихъ и юношескихъ впечатлѣній. Грусть о томъ, что не такимъ ужъ возвращается онъ въ старыя стѣны, какимъ вышелъ оттуда. Счастье человѣку, когда посреди этой радости, освѣживъ свою усталую душу, онъ обновитъ растроченный запасъ силъ у того же источника, изъ котораго черпалъ ихъ прежде.

«Въ этихъ стѣнахъ прошли первые годы нашей юности. Въ этихъ стѣнахъ зародились тѣ идеалы, которые до сихъ поръ каждый изъ насъ носитъ въ себѣ; здѣсь сложились первыя наши представленія о жизни, о правдѣ ея и не правдѣ; здѣсь отозвались въ душѣ нашей первые порывы любви и негодованія, порывы и стремленія, которыми до сихъ поръ душа наша живетъ и движется.

«Этого довольно. Довольно того, что каждый изъ насъ, войдя въ эти стѣны, говоритъ себѣ: здѣсь была моя юность. — Довольно для того, чтобы душа почувала въ себѣ доброе, про-

стое, истинное чувство и въ порывѣ его благословила эти стѣны, этотъ домъ, эту счастливую пору своей жизни. Имъ этому чувству радость, и благо тому, кто въ эту пору можетъ еще просто и искренно радоваться.

«Но изъ этого простаго, безсознательнаго чувства—возникаетъ мысль серьезная и сознательная, возникаетъ вопросъ, требующій отвѣта. Изъ этого дома выступили мы въ жизнь. Что взяли мы отсюда съ собою? съ чѣмъ теперь, послѣ многихъ лѣтъ, сюда возвращаемся?»

«Пусть каждый вспомнитъ, что дало ему на дорогу училище, когда отпускало его отсюда. Добрую мысль, доброе слово, доброе преданіе, добрый завѣтъ, не такъ ли? Развѣ говорили намъ здѣсь: наслаждайтесь жизнью и таитесь, когда увидите зло и беззаконіе. Вѣдайте бумагу, не тревожьтесь о живомъ человѣкѣ. Идите, доставайте себѣ чины и почести, поднимайтесь въ верхъ, забирайте силу власти и ведите другъ друга къ власти и почести? Нѣтъ, Богъ свидѣтель! здѣсь этому не училъ насъ никто, и къ кому изъ насъ можетъ пристала такая мысль, тотъ самъ подобралъ ее въ пыли на большихъ дорогахъ жизни. Нѣтъ! не домомъ соблазнитель былъ для насъ этотъ домъ, а домомъ учителей. О живыхъ неприлично говорить въ присутствіи живыхъ, вспомнимъ усопшихъ: вспомнимъ вѣчною памятью сердца Семена Антоновича Пошмана, Барона Егора Васильевича Врангеля. Когда ихъ не стало, всѣ мы почувствовали, какою любовью любили они насъ и училище, какъ старались утвердить въ этомъ домѣ то доброе и честное преданіе, которое составляетъ силу cadaго дома, cadaго учреждения. Вспомнимъ, что говорили намъ здѣсь. Намъ говорили: есть правда, и кто вѣрно хранить ее въ себѣ, тотъ честный человекъ и вѣрный сынъ своей родины. Намъ говорили: правда не вдохновеніемъ и не даромъ входитъ въ человека, она дается крѣпкой вѣрой и любовью, она дается трудомъ, ничего не пренебрегающимъ, и борьбой съ ложью, съ ложью въ цѣломъ мѣрѣ и прежде всего въ себѣ самомъ. Намъ отпустили отсюда съ словомъ *союзъ*—но говорили намъ, что

это союзъ для честнаго труда, а не для почетныхъ наслажденій.

«Товарищи! Вотъ минута вспомнить этотъ завѣтъ правды и обновить его въ себѣ, и снова вынести отсюда свѣжею ту истину, которая, можетъ быть, обносила въ насъ, можетъ быть начинала уже въ насъ звучать привычною фразою. Пусть вновь помолодѣетъ въ насъ истина теперь, когда мы собрались вспомнить ее въ старомъ домѣ, гдѣ она въ первый разъ намъ сказалась.

«Итакъ, отъ всего сердца, отъ полного чувства благодарности этому дому! Пусть не ослабѣваетъ въ немъ никогда старое преданіе о правдѣ и о трудѣ, пусть все шире и глубже, и ближе къ жизни и труду, разрастается въ немъ наука! Пусть новое поколѣніе его питомцевъ, соединяясь еще крѣпче союзомъ честнаго труда, внесетъ новую силу въ трудъ стараго поколѣнія! Пусть этотъ старый домъ процвѣтетъ новою жизнію! Предлагаю тостъ: да процвѣтаетъ и возрастаетъ въ новой силѣ наше училище правовѣднія».

Слушатели неоднократно прерывали рѣчь К. П. Побѣдоносцева выраженіемъ глубокаго сочувствія и одобренія.

Наконецъ Князь Д. А. Оболенскій (3 выпуска) прочелъ заключительную рѣчь:

Ваше Императорское Высочество!

Милостивые Государи!

«Восторженными криками привѣтствовали мы тотчасъ тостъ за благоденствіе училища, и ежели бы голоса всѣхъ отсутствующихъ товарищей нашихъ могли быть здѣсь слышны, то дружный крикъ привѣта раздался бы со всѣхъ концовъ Россіи. Какъ могущественна такая связь, когда она направлена къ одной цѣли добра и общаго блага! Кто не признаетъ въ ней осуществленія той высокой мысли, которая положена была въ основаніе нашего училища! На единодушное стремленіе цѣлаго поколѣнія, воспитаннаго въ одномъ духѣ и въ одномъ направленіи, премудро рассчитанъ былъ успѣхъ того нравственнаго преобразованія, котораго нельзя было достигнуть уси-

леннымъ, но разрозненнымъ рвеніемъ отдѣльныхъ дѣателей. И теперь, оглянувъ прошедшее, предоставимъ другимъ опредѣлить, какая доля участія въ общемъ ходѣ нравственнаго развитія нашего отечества можетъ быть, по справедливости, отнесена къ чести питомцевъ училища. Но какъ бы ни мала была сія доля, она не далась намъ даромъ.

«Благородные порывы юноши, вступавшаго на судебное поприще, влекли всѣ силы его къ дѣятельности, къ труду, къ борьбѣ съ неправдой. Нигдѣ на другомъ поприщѣ не видѣлъ онъ возможности такого непосредственнаго, такого частаго примѣненія къ жизни добрыхъ влеченій своихъ, какъ тутъ. Оправдать невиннаго, защитить безпомощнаго, карать преступленіе—вотъ его дѣло, вотъ его призваніе. Но нерѣдко, мало по малу, высокое настроеніе юноши уступаетъ мѣсто болѣе спокойному взгляду на жизнь и на сферу, его окружающую. Нерѣдко въ неровной борьбѣ напрягалъ онъ всѣ силы, чтобы защитить истину, отвергаемую пристрастіемъ или корыстію,—и только немногіе изъ окружавшихъ его сочувствовали его подвигу;—съ насмѣшливою улыбкою встрѣчали его люди, примиренные съ неправдой, и много нужно было духовныхъ силъ тому, кто хотѣлъ сохранить въ себѣ тѣ нравственныя сокровища чести и добра, безъ которыхъ человѣкъ утрачиваетъ свое достоинство.—

«Нашъ тѣсный товарищескій союзъ зорко слѣдилъ за дѣйствіями каждаго,—своимъ сочувствіемъ поддерживалъ слабыя силы и не допускалъ ихъ до паденія; и въ сердцахъ каждаго изъ насъ хранится благодарное воспоминаніе того живаго участія, которое встрѣчали мы всегда въ Августѣйшемъ Попечителѣ училища. Разорвемъ ли мы теперь эту связь, когда тѣсный товарищескій кругъ нашъ сдѣлался обширнѣе,—когда само общество поощряетъ насъ своимъ сочувствіемъ? . . .—Никогда, можетъ быть, Государство не нуждалось въ такомъ усиленномъ и единодушномъ стремленіи къ правдѣ, какъ теперь.—Вторая четверть вѣка существованія училища начинается въ эпоху такихъ важныхъ го-

сударственныхъ преобразованій, для осуществленія которыхъ нужны люди просвѣщенные наукой и всѣмъ сердцемъ преданные общему благу. Каждый изъ насъ долженъ оставаться вѣрнымъ служителемъ правды, въ какую бы отрасль государственнаго управления ни бросила его судьба. Сохранимъ эту связь въ примѣръ грядущему юному поколѣнью, представители котораго здѣсь между нами. Они въ свою очередь придутъ на смѣну намъ,—мы встрѣтимъ ихъ съ любовью и надеждой

«Богъ знаетъ, многіе ли изъ насъ увидятъ праздникъ будущаго юбилея. Пускай тогда добромъ помянутъ насъ и также дружно, какъ мы теперь, соединятся въ одномъ чувствѣ искренняго желанія блага своему Государю и Отечеству.»

Вслѣдъ за Княземъ Оболенскимъ, Н. Н. Суцовъ прочелъ телеграфическую депешу, полученную имъ изъ Тифлиса, отъ тамошнихъ правовѣдовъ. «Покорнѣйше просимъ,» писали они, «прочестъ за обѣдомъ 5 декабря, нижеслѣдующее: Воспитанники училища правовѣдѣнія, находящіеся въ закавказскомъ краѣ, посылаютъ душевный привѣтъ и поздравленіе товарищамъ, собравшимся праздновать двадцати-пятилѣтіе училища и просятъ выразить ихъ безпредѣльную любовь и благодарность Основателю Училища Его Высочеству Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому».

Обѣдъ заключился молитвою, прощѣною хоромъ всѣхъ правовѣдовъ.

Около восьми часовъ вечера Его Императорское Высочество оставилъ училище, поручивъ распорядителямъ передать всей Его семьѣ, что онъ доволенъ ихъ праздникомъ, пришлетъ каждому изъ участниковъ даннаго Ему обѣда свой фотографическій портретъ въ замѣнъ визитной карточки, и приглашаетъ всѣхъ ихъ къ себѣ на обѣдъ 7-го Декабря, въ 6-ть часовъ.

Такъ кончился праздникъ 5 декабря, проведенный правовѣдами въ своей семьѣ. Радущіе и искренность господствовали

въ немъ. Отсутствие официальности придало этому празднику еще большую цѣну.

На третій послѣ того день, т. е. 7 декабря, бывшіе воспитанники присутствовали на обѣдѣ, данномъ имъ Его Императорскимъ Высочествомъ Принцомъ Ольденбургскимъ. Мы не присутствовали на этомъ праздникѣ, а по этому не можемъ сообщить никакихъ объ немъ свѣдѣній.

Конкурсы и ихъ капиталы въ 1859 году.

По вѣдомству коммерческихъ судовъ Россіи въ 1859 году было 390 (*) конкурсовъ по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ, на коихъ долговъ числилось до 18,103,000. Въ теченіи года: по 117-ти конкурсамъ послѣдовала окончательная ликвидація долговъ, и затѣмъ къ 1860 г. по коммерческимъ судамъ осталось 273 конкурса (между 1858 г. на 5), по коимъ долговъ на несостоятельныхъ лицахъ состоитъ до 15,360,976 р. 53³/₄ коп.

Сравнительно съ предыдущими годами, въ послѣднее время при коммерческихъ судахъ состояло менѣе конкурсовъ, чѣмъ въ прежніе годы, и число конкурсовъ постоянно, хотя и не равномерно, уменьшается, напр. къ концу 1849 г. состояло 440 конкурсовъ (долговъ по нимъ на 20,594,000); къ 1855 г. 345 конкурсовъ, а къ концу 1859 г. осталось при коммерческихъ судахъ только 273 конкурса съ количествомъ долговъ по нимъ до 15,360,976 р. 53³/₄ к.

Въ теченіи 1849 г. учреждено было новыхъ конкурсовъ 143, въ 1859 же году только 112. Наибольшее число конкурсовъ, по коимъ долги не были еще ликвидированы къ 1860 г., оказывается по вѣдомству с. петербургскаго (114) и московскаго (95) коммерческихъ судовъ.— По вѣдомству послѣдняго въ 1859 г. учреждено было болѣе новыхъ конкурсовъ, чѣмъ по всѣмъ прочимъ коммерческимъ судамъ.

(*) Здѣсь не приняты въ расчетъ конкурсы по тифлисскому коммерч. суду, свѣдѣнія о которыхъ Редакціею не получены.

Проектъ устава о военно-морскомъ судѣ.
Морское министерство приступило къ преобразованію судебной части своего вѣдомства.—морской сборникъ, официальный органъ морскаго министерства, въ апрѣльской книжкѣ за 1860 годъ помѣстилъ на своихъ страницахъ объяснительную записку къ новому уставу морскаго судоустройства и судопроизводства. Вотъ главные начала, на которыхъ предполагается устроить судебную часть морскаго вѣдомства.

I. Въ отношеніи судоустройства.

- 1) Образованіе въ главныхъ портахъ самостоятельныхъ судовъ, въ смыслѣ совершеннаго устраненія участія начальниковъ въ произнесеніи судныхъ приговоровъ.
- 2) Учрежденіе при каждомъ судѣ должности суднаго пристава, для представленія на судѣ обвиненія подсудимыхъ.
- 3) Предоставленіе морскому генераль-аудиторіату круга дѣйствія морскаго кассационнаго суда.

II. Въ отношеніи слѣдственной части.

- 1) Сосредоточеніе слѣдственной власти по всему портовому управленію въ лицѣ главнаго командира порта.
- 2) Предоставленіе права назначать слѣдствія лишь высшимъ начальникамъ, начиная съ главнаго командира порта.
- 3) Учрежденіе при каждомъ судѣ должности слѣдственнаго пристава для производства слѣдствій.
- 4) Возложеніе на суднаго пристава непосредственной обязанности слѣдить за ходомъ слѣдствій, и точное опредѣленіе правъ, обязанностей и отвѣтственности слѣдователей.
- 5) Предоставленіе общаго высшаго надзора по всему морскому вѣдомству за ходомъ слѣдственной части управляющему морскимъ министерствомъ и генераль-адмиралу, а также морскому генераль-аудиторіату—по входящимъ до его жалобамъ.

III. Въ отношеніи судопроизводства.

- 1) Словесный разборъ дѣла на судѣ непосредственно предъ судьями, по правиламъ судоговоренія, съ выслушаніемъ наличныхъ свидѣтелей какъ въ уллку, такъ и въ оправданіе подсудимаго.
- 2) Гласность или публичность суда, чрезъ открытіе для всѣхъ свободнаго входа на судѣ во время производства дѣла; число слушателей ограничивается лишь пространствомъ помѣщенія.
- 3) Предоставленіе подсудимымъ права защиты на судѣ чрезъ совѣтниковъ, или защитниковъ, коихъ могутъ они выбирать и приглашать по собственному усмотрѣнію.
- 4) Словесное произнесеніе суднымъ приставомъ, по окончательномъ выслушаніи дѣла, обвинительной рѣчи, и отвѣтъ или возраженіе на оную подсудимаго или его защитника.
- 5) Въ сужденіи о рѣшеніи дѣла никто кромѣ судей не можетъ принимать участія; совѣщаніе о семъ производится негласно и никто изъ должностныхъ или постороннихъ лицъ не можетъ присутствовать при семъ совѣщаніи.
- 6) Рѣшеніе суда составляется по большинству голосовъ судей; вопросъ о виновности или невинности подсудимаго рѣшается по внутреннему о семъ убѣжденію и голосу совѣсти; въ случаѣ обвиненія, судьи приговариваютъ виновнаго къ наказанію на точномъ основаніи законовъ.
- 7) Приговоръ судей объявляется немедленно и публично предсѣдателемъ суда.
- 8) Приговоръ суда о виновности или невинности имѣетъ окончательную силу.
- 9) Приговоръ суда подписывается всѣми судьями и въ случаѣ осужденія излагаются въ немъ главныя принятыя основанія о степени виновности подсудимаго.
- 10) Жалобы на существо приговоровъ суда не допускаются, но дозволяется обжалованіе ихъ генераль-аудиторіату относительно нарушенія правилъ и обрядовъ судопроиз-

водства, или по случаю назначенія наказанія не согласно съ закономъ.

11) Производство дѣлъ по симъ жалобамъ въ генераль-аудиторіатъ словесное и публичное.

12) Въ случаѣ уваженія жалобы, генераль-аудиторіатъ не измѣняетъ рѣшеніе суда и не постановляетъ новаго, но, объявляя приговоръ суда недействительнымъ, съ означеніемъ, какіе именно законы нарушены въ производствѣ дѣла, или въ опредѣленіи наказанія, предписываетъ пересмотръ дѣла въ другомъ портовомъ судѣ.

На основаніи этихъ началъ составленъ проектъ устава о военно-морскомъ судѣ, который, какъ намъ извѣстно, разосланъ нынѣ на заключеніе лицъ, специально знакомыхъ съ уголовною судебною частію.

Это, сколько мы помнимъ, пятый уже примѣръ передачи законодательнаго предположенія на заключеніе специалистовъ. Первый въ этомъ отношеніи опытъ сдѣланъ министерствомъ финансовъ, опубликовавшимъ предположенія особой комиссіи объ устройствѣ земскихъ банковъ. За нимъ послѣдовало министерство народнаго просвѣщенія, напечатавшее въ своемъ журналѣ проектъ устава учебныхъ заведеній. Послѣ того при морскомъ сборникѣ и при журналѣ народнаго просвѣщенія разосланъ проектъ устава морскихъ учебныхъ заведеній. Потомъ разосланъ настоящій проектъ о военно-морскомъ судѣ, и наконецъ на дняхъ мы получили отъ почтоваго департамента записку о почтовой гонимбѣ и о мѣрахъ, необходимыхъ къ ея улучшенію.

Едва ли можно хотя сколько нибудь сомнѣваться въ пользѣ подобнаго опубликованія законодательныхъ предположеній. Стоитъ только просмотрѣть періодическія наши изданія за прошедшій годъ, чтобы убѣдиться, что общество не осталось глухо на призывъ правительства, что оно по мѣрѣ своихъ способствъ дружно принялось за разработку вопросовъ, переданныхъ на его обсужденіе. Дѣйствительно, статьи о земскихъ банкахъ и объ устройствѣ учебныхъ заведеній появи-

лись почти во всѣхъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетахъ. Конечно, многое въ нихъ незрѣло, поверхностно, многое не выдерживаетъ серьезной критики, но за то мы нашли въ нихъ много и такихъ указаній, которыя послужатъ богатымъ матеріаломъ при разсмотрѣніи заявленныхъ предположеній въ порядкѣ законодательномъ.

Предстоящія судебныя реформы въ Австріи. Австрія въ концѣ 1860 года вступила на путь радикальныхъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ государственнаго управления. Императорскій манифестъ 20 (8) октября возвѣстилъ о намѣреніи Австріи отказаться отъ той системы управления, которою она рельефно отличалась отъ прочихъ государствъ западной Европы, а программа новаго государственнаго министра Австріи, Фонъ-Шмерлингъ, программа, которой онъ обѣщаетъ слѣдовать при исполненіи императорскаго манифеста, выяснила отчасти, въ чемъ должны состоять предстоящія преобразованія. Въ программѣ своей, разосланной къ губернаторамъ провинцій, Фонъ-Шмерлингъ говоритъ между прочимъ: «нашъ собственный опытъ и опыты другихъ укоренили у насъ, какъ и въ большей части Европы, то убѣжденіе, что правосудіе должно быть отдѣлено отъ администраціи и что первое въ двухъ отрасляхъ своихъ, — гражданской и уголовной, — можетъ вступить на такой путь дѣятельности, который былъ бы сообразенъ со всѣми другими учреждениями общественной нашей жизни, не иначе, какъ посредствомъ процедуры дѣйствительно изустной, подчиненной контролю гласности. Въ то время, когда во всѣхъ другихъ предметахъ, въ торговлѣ, промышленности и путяхъ сообщенія болѣе быстрое движеніе создало большое сбереженіе времени, правосудіе не можетъ слѣдовать старой рутинѣ злоупотребленія формальностями, согласной съ характеромъ другаго времени, но не приличествующей болѣе настоящему». Таковы убѣжденія, съ которыми новый министръ вступаетъ на попри-

ще государственной дѣятельности. Мы передали мысли Фонъ-Шмерлинга въ главныхъ чертахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они изложены въ его циркулярѣ; по этому мы не могли уяснить себѣ существенныхъ отгѣнковъ предстоящей судебной реформы. Получать ли суды Австріи новую организацію, будутъ ли они освобождены отъ того громаднаго вліянія прокурорства, которое тяготѣетъ надъ судами французскими, будетъ ли введенъ институтъ присяжныхъ для рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, или же только однихъ уголовныхъ, будутъ ли подлежать подсудности общихъ судебныхъ мѣстъ преступленія политическія, а главное подчинять ли вѣдомству этихъ судовъ дѣла прессы? Вотъ вопросы, которые невольно возникаютъ при чтеніи циркуляра Фонъ-Шмерлинга, но на которые ни однимъ словомъ не отвѣчаетъ этотъ циркуляръ. Только подробное развитіе программы Фонъ-Шмерлинга разрѣшитъ эти вопросы, что вѣроятно послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени.

Убіенство президента Поэнсо. 5 декабря (по ст. ст. 23 ноября) 1860 года на одной изъ желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ къ Парижу, совершено убіенство Поэнсо, президента 4 отдѣленія императорскаго парижскаго суда. Мы не имѣемъ еще подробныхъ и вполне достовѣрныхъ свѣдѣній ни о побудительныхъ причинахъ къ этому убіенству, ни объ обстоятельствахъ, при которыхъ оно совершилось, ни наконецъ о виновникѣ его. Слѣдователь дѣятельно разыскиваетъ виновника преступленія и старается путемъ допроса разныхъ лицъ открыть истину; но всѣ эти старанія не привели еще ни къ какому положительному результату.

Въ ожиданіи болѣе подробныхъ свѣдѣній, мы ограничиваемся сообщеніемъ читателямъ тѣхъ указаній, которыя мы нашли во французскихъ газетахъ послѣдняго времени.

Члены 4 отдѣленія парижскаго императорскаго суда собрались 6 минувшаго декабря въ засѣданіе для сужденія по одному дѣлу. Ждали только президента Поэнсо, который обыкновенно никогда не заставлялъ ожидать себя. Пробыло однадцать часовъ, но Поэнсо еще не являлся. Всѣ были въ недоумѣніи о причинѣ его отсутствія; но недоумѣніе скоро разъяслось: слуга, посланный семействомъ президента, объявилъ, что Поэнсо убитъ въ одномъ изъ вагоновъ восточной желѣзной дороги.

Эта вѣсть быстро распространилась по всему парижскому судебному сословію: адвокаты и судьи прекратили свои занятія, президенты судовъ закрыли засѣданія. Всѣ заняты были одною мыслию, — о Поэнсо и о его внезапной смерти.

Вотъ, что узнали они изъ рассказовъ, переходившихъ изъ устъ въ уста.

Въ пятницу 6 декабря около четырехъ часовъ утра прибылъ въ Парижъ поѣздъ, слѣдовавшій по желѣзной дорогѣ изъ Мюльгуса. Пассажиры встали со своихъ мѣстъ и сошли на дебаркадеръ. Только одно отдѣленіе вагона оставалось запертымъ. Одинъ изъ служителей дороги открылъ дверь въ это отдѣленіе и увидѣлъ въ немъ человѣка, разпростертаго между скамьями; на приглашеніе служителя выйти изъ вагона, отъѣта не было. Полусвѣтъ, происходившій отъ лампы съ зеленымъ зонтикомъ, препятствовалъ разсмотрѣть лицо лежавшаго на полу человѣка. Служитель протягиваетъ руку въ вагонъ и вынимаетъ ее оттуда замаранною въ кровь. По призыву служителя, являются въ вагонъ начальникъ станціи и полицейскій офицеръ и скоро удостовѣряются, что человѣкъ, лежавшій на полу, былъ мертвъ и что около него большія лужи крови.

Съ перваго раза трудно было опредѣлить, кто былъ убитый; по крайней мѣрѣ на немъ не найдено ни одного клочка бумаги, указывающаго на его званіе. Только въ послѣдствіи,

когда приѣхавшіе съ поѣздомъ пассажиры разъѣхались по домамъ, взявъ съ собою багажъ, на платформѣ нашли одну неистребованную никѣмъ корзину съ фруктами, на которой была надпись: *Поэнсо, президента парижскаго императорскаго суда.*

Генеральный прокуроръ, императорскій прокуроръ и префектъ полиціи немедленно прибыли на станцію желѣзной дороги и собрали тамъ предварительныя свѣдѣнія, необходимыя для производства формальнаго изслѣдованія.

Они узнали слѣдующее:

Поэнсо получилъ въ наслѣдство отъ отца небольшое помѣстье въ Шаурѣ, главномъ мѣстечкѣ кантона, въ 7 миляхъ отъ Троя (Troyes). Въ свободное отъ службы время Поэнсо отправлялся въ свое помѣстье, гдѣ и занимался его улучшеніемъ и украшеніемъ; послѣдняя поѣздка предпринята была имъ для наблюденія за посадкою нѣкоторыхъ растений. Поспѣвая въ Парижъ къ засѣданію въ судѣ, назначенному на 6 декабря, Поэнсо наканунѣ нанялъ экипажъ и въ 6 съ половиною часовъ вечера выѣхалъ изъ помѣстья; въ 10 съ половиною часовъ онъ былъ уже въ Троя на станціи желѣзной дороги, идущей отъ Мюльгуса къ Парижу.

Поэнсо взялъ въ Троя билетъ перваго класса и, чтобы провести спокойнѣе ночь, выбралъ то отдѣленіе вагона, въ которомъ менѣе всего можно было ожидать прилива публики. Онъ помѣстился въ отдѣленіи перваго вагона, болѣе удаленномъ отъ входа, и сѣлъ въ лѣвомъ его углу, спиною къ локомотиву.

До сихъ поръ не приведено въ извѣстность, былъ ли Поэнсо одинъ въ отдѣленіи, или были въ немъ и другія лица, которыя послѣ удалились; или же кто либо изъ пассажировъ 2-го и 3 классовъ во время одной изъ остановокъ поѣзда входилъ въ отдѣленіе, гдѣ находился Поэнсо. Вѣрно только то, что убійца соскочилъ съ поѣзда близъ станціи Ножанъ на Мариѣ, въ то время, когда локомотива, приближаясь къ станціи, замедляла свой ходъ. По крайней мѣрѣ

одинъ изъ пассажировъ третьяго класса видѣлъ челоуѣка, соскакивавшаго съ поѣзда, а начальство желѣзной дороги, которому пассажиръ объявилъ объ этомъ, открыло около указанного мѣста слѣды мужскихъ ногъ, направленные въ поле.

При осмотрѣ отдѣленія, гдѣ найденъ трупъ Поэнсо, обнаружено, что подушки на обѣихъ скамьяхъ были очень мало замараны кровью, изъ чего легко можно было заключить, что Поэнсо, захваченный преступникомъ во время сна, былъ повергнутъ на полъ для болѣе удобнаго совершенія надъ нимъ преступленія.

На тѣлѣ убитаго найдены слѣды пули по направленію къ сердцу. Пуля пробила пальто, верхнее платье, жилетъ, рубашку, фланелевую фуфайку, но не вошла въ тѣло, оставивъ только черноватое пятно на кожѣ. Самая пуля найдена была въ платьѣ. Надъ правымъ глазомъ видна широкая круглая рана отъ другой пули, которая, проникнувъ въ голову, завязла въ черепѣ. Нѣсколько повыше лѣваго уха третья пуля, пробивъ черепъ и расколовшись на нѣсколько мелкихъ кусковъ, остановилась въ мозгѣ.

Не довольствуясь нанесеніемъ этихъ ранъ, безусловно смертельныхъ, убійца вѣроятно прикладомъ пистолета разбилъ въ мелкіе куски весь черепъ Поэнсо, такъ что мозгъ текъ и по лицу и по платью президента и плавалъ въ лужѣ крови, образовавшейся на полу вагона. Найденные на шеѣ слѣды отъ сильнаго сжатія даютъ основаніе предполагать, что убійца крѣпко стиснулъ шею президента и, лишивъ такимъ образомъ жертву всякой возможности защищаться, нанесъ ей смертельные удары.

Что всего страннѣе, что всего непонятнѣе въ этомъ происшествіи, такъ это то, что никто изъ пассажировъ сосѣдняго отдѣленія не слышалъ ни одного выстрѣла,—а ихъ было три! Имъ кажется только, чего впрочемъ они положительо не утверждаютъ, что они слышали какой-то крикъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, главнымъ побужденіемъ къ убійству было желаніе воспользоваться вещами, находившимися

при Поэнсо. Дѣйствительно, оказались похищенными часы, большой кожаный мѣшокъ, который служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и портфелемъ, и клѣтчатое одѣяло, которымъ Поэнсо прикрывалъ свои ноги. Остались не тронутыми только кашне и табакерка изъ березовой коры. Въ мѣшкѣ убійца долженъ былъ найти очень незначительную сумму,—отъ 150 до 200 франковъ, не болѣе, хотя по величинѣ мѣшка убійца вѣроятно заключалъ о болѣеи въ немъ суммѣ; остальные бывшія въ мѣшкѣ бумаги состояли изъ плана имѣнію, записной книжки и экземпляра книги «Un parfait jardinier».

Отпѣваніе Поэнсо происходило 8 декабря (26 ноября) въ присутствіи почти всего судебного парижскаго сословія и при болѣемъ стеченіи публики. Изъ церкви тѣло президента перевезли въ его помѣстье Шаурсъ, откуда Поэнсо еще такъ недавно ѣхалъ въ Парижъ для служебныхъ занятій.

Подозрѣніе въ убійствѣ падаетъ на нѣкоего Жюда, молодого человѣка лѣтъ 27, не дурнаго собою, но нравственно уже испорченнаго. Прощедшее его не безупречно. Онъ служилъ когда-то въ военной службѣ, но бѣжалъ отъ нея, а въ 1860 году совершилъ цѣлый рядъ преступленій, за которыя не подвергся однакожъ наказанію по ловкости своей избѣгать преслѣдованій правосудія. Такъ, 16 сентября, проѣзжая по восточной желѣзной дорогѣ между Циллистеймомъ и Ильфуртомъ, онъ до полусмерти прибилъ русскаго доктора Генпи, сидѣвшаго въ особомъ отдѣленіи вагона, обобралъ его и сбросилъ съ вагона на рельсы, а самъ, вѣроятно во время остановки поѣзда, скрылся. Потомъ онъ бѣжалъ въ Алжиръ, гдѣ посредствомъ обмана выманилъ у какого-то извозчика паспортъ и съ этимъ паспортномъ воротился вскорѣ во Францію. Прибывъ въ Дижонъ, онъ совершилъ тамъ воровство, а затѣмъ по подозрѣнію въ преступленіи, совершенномъ надъ русскимъ докторомъ, былъ схваченъ жандармами, и какъ опасный человѣкъ, посаженъ 27 ноября въ особое строго оберегаемое отдѣленіе Ферретской тюрьмы. Къ дверямъ этого отдѣленія приставлено было два жандарма, которымъ велѣно было ни подъ какимъ предлогомъ не отходить отъ двери. 27 Ноября прошло благополучно, по

на другой день жандармы, осматривая чрезъ особое находившееся въ двери отверстіе комнату заключеннаго, увидѣли, что она пуста. Они отпираютъ дверь и входятъ въ комнату, но въ это время арестантъ, спрятавшійся за дверью, проскользаетъ мимо жандармовъ, по дорогѣ отнимаетъ у тюремщика ключъ, открываетъ имъ двери тюрьмы и убѣгаетъ. 29 Ноября онъ былъ въ Парижѣ, 2 декабря отправился по желѣзной дорогѣ въ Троя, гдѣ пробылъ 3 4 и 5 декабря, а вечеромъ того дня съ десяти-часовымъ поѣздомъ поѣхалъ обратно въ Парижъ. На другой день, когда разнесся уже слухъ объ убійствѣ Поэнсо, Жюда видѣли въ Мегриньи, потомъ въ Троя, гдѣ онъ провелъ ночь съ 6-го на 7 декабря, и оттуда, неизвѣстно куда, скрылся. Кровавыя пятна на одеждѣ, оставленной Жюдомъ въ гостинницѣ, послужили первымъ основаніемъ къ предположенію объ участіи Жюда въ убійствѣ Поэнсо. Другія обстоятельства усилили это подозрѣніе.

Слѣдственный судья Лакайль, производящій по настоящему дѣлу слѣдствіе, выдалъ противу Жюда приказъ о приводѣ. Вѣроятно преступникъ скоро будетъ открытъ. Наружность его имѣетъ въ себѣ много особеннаго, что конечно, облегчить его открытіе.

По окончаніи слѣдствія и по постановленіи рѣшенія судомъ, мы не замедлимъ изложить настоящее, полное интереса дѣло во всей его подробности въ судебномъ отдѣлѣ нашего журнала.

Процессъ Годильо съ его комисіонеромъ.

Въ сентябрѣ минувшаго года въ парижскомъ коммерческомъ судѣ производилось и рѣшено дѣло, касающееся отчасти той блистательной иллюминаціи, которая горѣла по улицамъ Петербурга 8 сентября 1859 г. Вотъ въ чемъ заключается это дѣло:

Для устройства иллюминации 8 сентября, управление с. петербургской городской полиціи пригласило извѣстнаго парижскаго декоратора Годилю, имѣющаго въ Парижѣ обширное заведеніе для устройства подобныхъ праздниковъ, и уплатило ему за изготовленіе иллюминаціи 177,600 франковъ.

Массоно, французскій подданный, проживающій въ С. Петербургѣ, намѣреваясь ѣхать во Францію, былъ уполномоченъ полицейскимъ управленіемъ видѣться съ Годилю. Онъ увѣряетъ, что онъ первый передалъ г-ну Годилю заказъ иллюминаціи и что декораторъ изъ благодарности предложилъ ему десять процентовъ со всей суммы, какая только ему будетъ уплачена. На этомъ основаніи Массоно предъявилъ въ парижскомъ коммерческомъ судѣ искъ къ Годилю въ суммѣ 17,760 франковъ.

Съ своей стороны Годилю утверждаетъ, что онъ еще до прибытія Массоно былъ хозяиномъ, предпріятія по письму, полученному имъ отъ с. петербургскаго оберъ-полиціймейстера, и что поэтому онъ не обязанъ никакою отвѣтственностію предъ Массоно.

Коммерческій судъ, по выслушаніи повѣренныхъ обѣихъ сторонъ, постановилъ слѣдующее рѣшеніе:

Усматривая изъ переписки, происходившей между Годилю и Массоно, что сдѣланное первымъ изъ нихъ обѣщаніе уплаты 10% относится только къ работамъ, произведеннымъ по заказу правительства, а не частныхъ лицъ, и что сумма заказовъ, сдѣланныхъ правительствомъ, простирается до 46,951 фр. 40 сант. и принимая въ соображеніе, что Годилю не имѣетъ права уклоняться отъ уплаты Массоно десяти процентовъ съ этой именно суммы, судъ присудилъ Годилю къ уплатѣ Массоно 4,695 франк. 14 сантим.

ПОДПИСКА

НА ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

НА 1861 ГОДЪ:

ЖУРНАЛЬ

ТРУДЫ

И ГАЗЕТУ

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

Цель изданій И. В. Э. Общества остается въ главныхъ своихъ основаніяхъ прежняя: способствовать распространенію полезныхъ знаній по сельскому хозяйству и промышленности. Но какъ наше хозяйство, въ настоящее время, съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе серьезный, научный характеръ, то и самыя изданія Общества будутъ имѣть въ виду главнымъ образомъ разработку сельско-хозяйственныхъ и ближайшихъ къ нимъ промышленныхъ вопросовъ, на основаніи не одной практической опытности, но и результатовъ современной науки въ западной Европѣ. При этомъ займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ указанія, столь важныхъ и плодотворныхъ для земледѣія, химіи и политической экономіи.

Программа «Трудовъ» и «Экономическихъ Записокъ», согласно занятіямъ Общества, обнимаетъ слѣдующіе предметы:

1. Журналы (протоколы) засѣданій Отдѣленій, Совѣта и Общаго Собранія Общества.
2. Отдѣленіе I: Сельское хозяйство, куда войдутъ земледѣліе, скотоводство, лѣсоводство, огородничество, садоводство, звѣриные и рыбные промыслы и вообще все, что къ сельскому хозяйству относится.
3. Отдѣленіе II: Ремесла и фабричныя производства, въ ближайшей связи съ сельскимъ хозяйствомъ состоящія, а также свѣдѣнія о механической и строительной части, преимущественно въ примѣненіи къ русскому быту и хозяйству.
4. Отдѣленіе III: Вспомогательныя науки, куда войдутъ естествознаніе, статистика, политическая экономія, въ примѣненіи къ цѣлямъ первыхъ двухъ отдѣленій и распространеніе свѣдѣній объ общедоступныхъ средствахъ къ охраненію народнаго здравія и къ сбереженію домашняго скота.
5. Библиографія: разборъ журналовъ и книгъ, имѣющихъ тѣсную связь съ предметами занятій Общества, и указаніе на статьи, заслуживающія особеннаго вниманія по этой части.
6. Смѣсь: мелкія замѣтки о предметахъ, имѣющихъ животренепущій интересъ, и извѣщенія о продажѣ книгъ, сѣменъ, машинъ и земледѣльческихъ орудій, какъ внутри Россіи, такъ и за границую.

Въ *«Трудахъ»*, выходящихъ въ числѣ 12-ти книжекъ по одной въ мѣсяцъ, и не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ въ каждой, помѣщаются преимущественно статьи, не требующія скорого сообщенія. А въ *«Экономическихъ запискахъ»*, состоящихъ изъ 52 номеровъ въ годъ, по листу въ недѣлю, прежняго формата, печатаются болѣе мелкія статьи и извѣстія, не терпящія отлагательства.

Какъ «Труды», такъ и «Экономическія Записки» будутъ сопровождаться, по мѣрѣ надобности, *политическими и рисунками*, а равнымъ образомъ и разсылкою замѣчательныхъ полевыхъ, огородныхъ и др. сѣменъ.

Журналъ выходитъ *не позже 10 числа* каждого мѣсяца, а газета въ *субботу* каждой недѣли.

Цена за оба изданія остается 4 руб., съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ. Журналъ пересылается чрезъ С.-Петербургскій Почтамтъ, по тяжелой; а газета по легкой почтѣ.

Подписка отдѣльно на какое-либо изъ этихъ изданій не принимается.

Лицъ, подписывающихся въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Общества на углу 4-й роты Измайловскаго полка и Обуховскаго проспекта, просятъ, при взносѣ денегъ, требовать на полученіе означенныхъ изданій билетъ, за подписью Члена, завѣдывающаго хозяйственною частію Общества. А, гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать деньги, адресуя: *въ Имп. Вольное Экономическое Общество, въ С.-Петербургѣ*. Последнимъ подписчикамъ вышеупомянутыхъ билетомъ высласмо не будетъ, такъ какъ выдаваемыя отъ мѣстныхъ почтовыхъ конторъ росписки служатъ достаточнымъ удостовѣреніемъ въ пересылкѣ въ И. В. Э. Общество отправленныхъ денегъ.

Второй этап и «подготовительный» этап
содержат в себе основные моменты, которые
являются основой для дальнейшего развития
и совершенствования системы.

Второй этап и «подготовительный» этап
содержат в себе основные моменты, которые
являются основой для дальнейшего развития
и совершенствования системы.

Второй этап и «подготовительный» этап
содержат в себе основные моменты, которые
являются основой для дальнейшего развития
и совершенствования системы.

Второй этап и «подготовительный» этап
содержат в себе основные моменты, которые
являются основой для дальнейшего развития
и совершенствования системы.

СПбГУ

000187550
ЮФ СПбГУ

IV. О случаяхъ, въ коихъ безпорядочность и неправомерность веденія торговыхъ книгъ не влечетъ за собою призна- нія должника злостнымъ банкротомъ.	99.
V. О значеніи межевыхъ плановъ, выданныхъ въ противность законамъ.	104.
VI. О нераспространеніи установленнаго закономъ права вдо- вы и вдовца получать узаконенныя части изъ имѣнія свекра и тестя на имѣнія, остающіяся послѣ свекрови и тещи.	118.

. Б. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ.

I. Дѣло о нанесеніи побоевъ дворянкѣ Дарьѣ Карновиченой дядею ея чиновникомъ Метелцинымъ, женою его Елиса- ветою и кучеромъ ихъ Афанасіемъ Марченкомъ.—Въ слу- чаѣ нанесенія обиды нѣсколькими совмѣстно дѣйствовав- шими лицами, безчестіе взыскивается въ пользу обижен- наго со всѣхъ виновныхъ совокупно, а не съ каждаго по- рознь въ полномъ количествѣ.	126.
II. Дѣло о крестьянскомъ мальчикѣ Васильѣ Сѣрковѣ, суди- момъ за вкладываніе камней въ рельсы желѣзной дороги.— Въ какомъ случаѣ легкомысліе, невѣжество и глупость мо- гутъ считаться обстоятельствомъ, уменьшающими вину и наказаніе?	147.

В. ИНОСТРАННАЯ.

Процессъ о бракѣ, заключенномъ между Леополемъ Мала- комъ и Валерією Симонель.— Столкновеніе подсудности. 137.

Отдѣлъ III. Библиографія.

Обозрѣніе русской журналистики за 1860-й г. *Ст. пер- вая*. Д. Мамитова.

Отдѣлъ IV. Разныя извѣстія и смѣсь.

Двадцатипятилѣтіе училища правовѣднія.—Конкурсы и ихъ капиталы въ 1859 году.—Проектъ устава о военно- морскомъ судѣ.—Предстояція судебныя реформы въ Ав- стріи.—Убіенство Поэнсо, президента парижскаго импе- раторскаго суда.—Процессъ Годильо съ его комисіо- неромъ. 195.

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналъ Министерства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ января 1861 по январь 1862 года составляетъ, безъ пересылки и доставки *пять руб. сер.*, съ пересылкою же и доставкою на домъ *семь руб. пятьдесятъ коп. сер.*

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Коммисіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Заѣтнова.

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое свѣдѣніе благоволятъ обращаться съ Редакцію *Журнала Министерства Юстиціи*, имѣющую помѣщеніе на углу Загороднаго проспекта и Можайской улицы въ домѣ Соколова.

ВЪ ТИПОГРАФІИ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 18 января 1861 года.
Цензоръ *Оберт.*